
ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 27 (1932)

28 ИЮНЯ 1964

Свенолоф Эрен (Швеция). Из серии «ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ».

Свен Юнгберг (Швеция).

СТРИЖКА ДЕРЕВЬЕВ. ◄

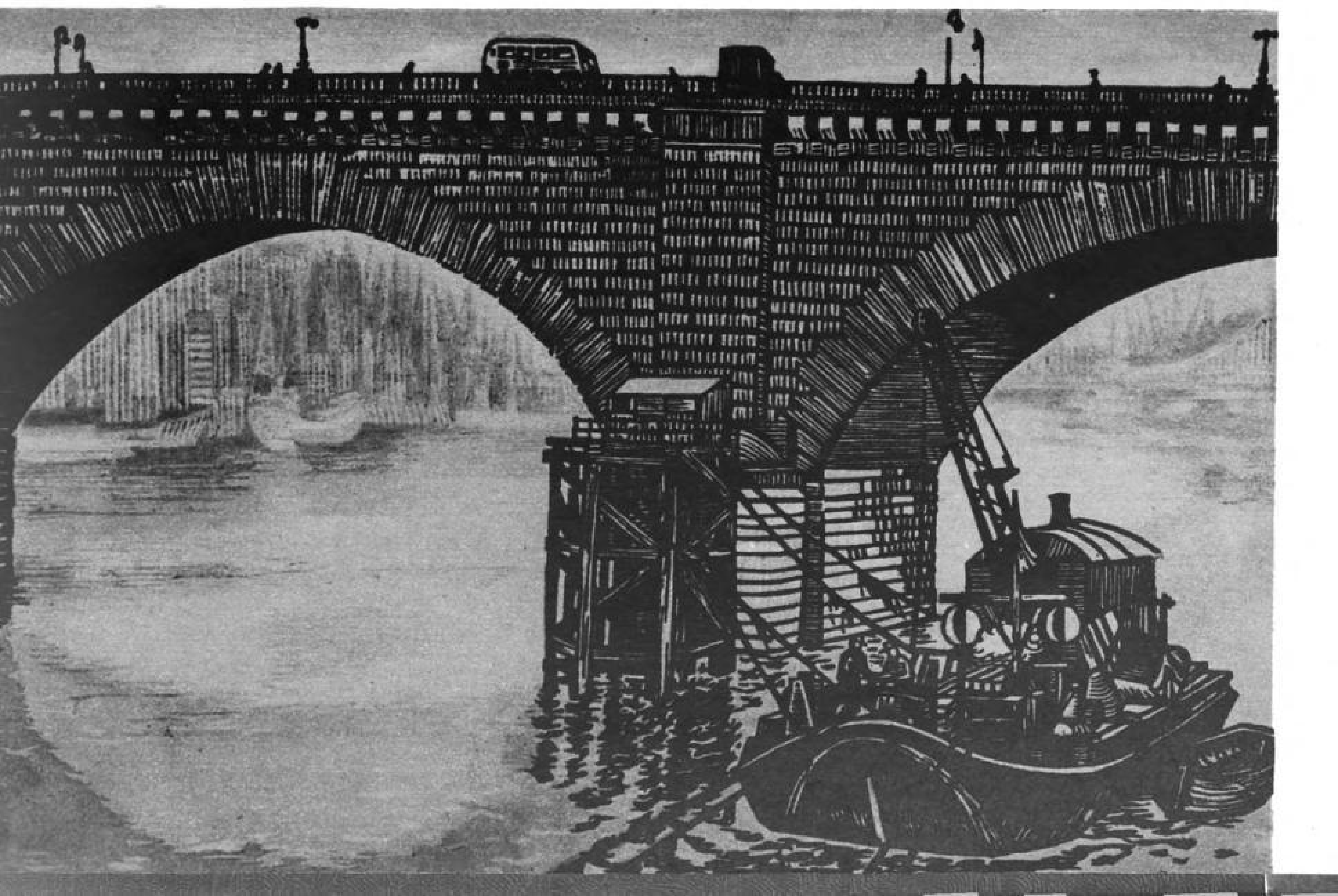

ЗИМА В ЮНГБЮ. ►

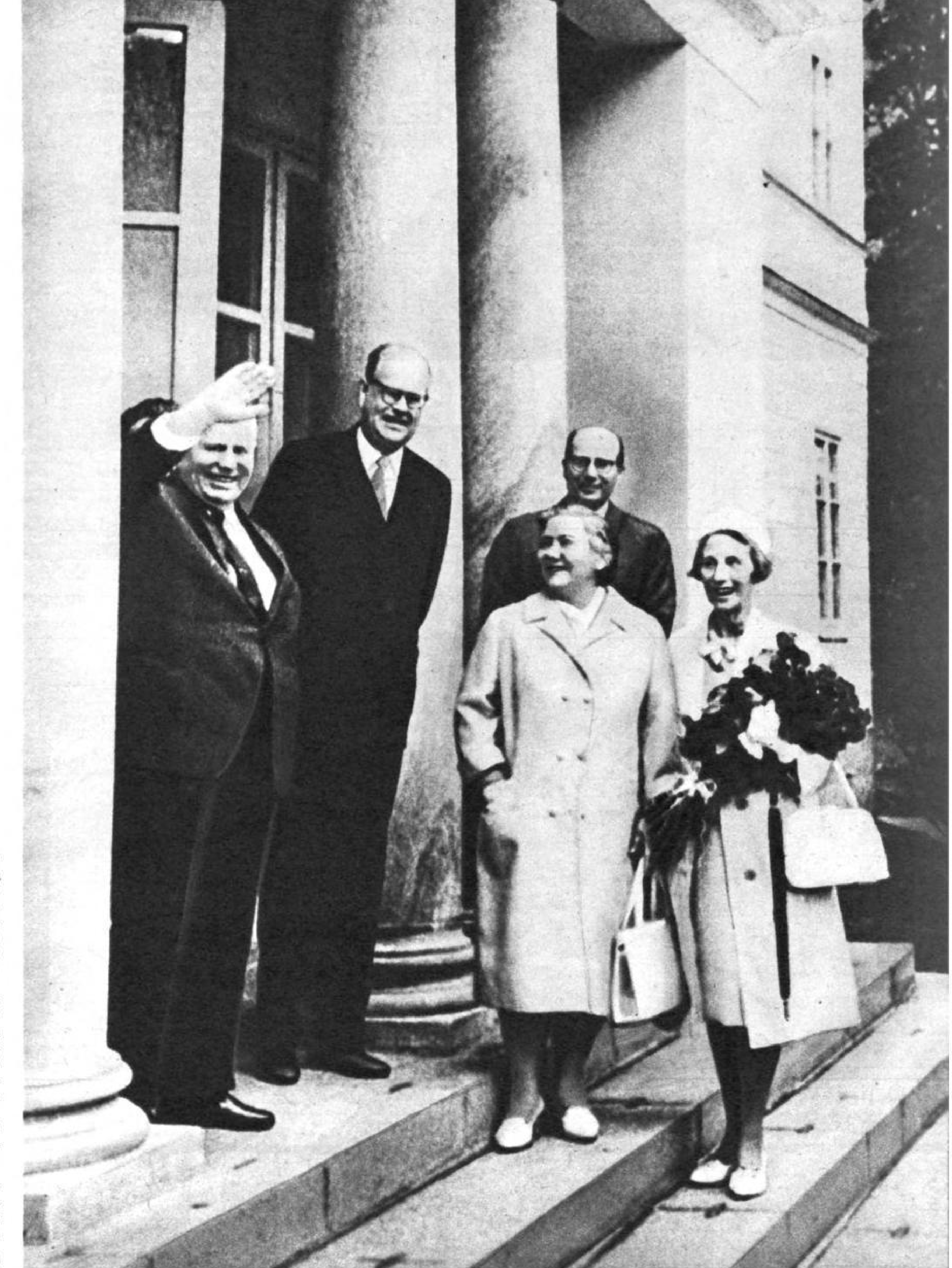
Линогравюры.

Свенолоф Эрен. ЛОНДОНСКИЙ МОСТ.

О творчестве этих художников читайте на 4-й странице.

22 июня в стокгольмской гавани бросил якорь советский теплоход «Башкирия», на котором в столицу Швеции прибыли с официальным визитом Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица. На причале советских гостей встретил Премьер-Министр Швеции Т. Эрландер.

— Нас радует,—сказал Никита Сергеевич, обращаясь с речью к встречающим,— что по многим вопросам борьбы за смягчение международной напряженности, обеспечения безопасности и укрепления мира позиции наших государств близки или совпадают.

Торжественно и радушно встретил Стокгольм посланца Страны Советов.

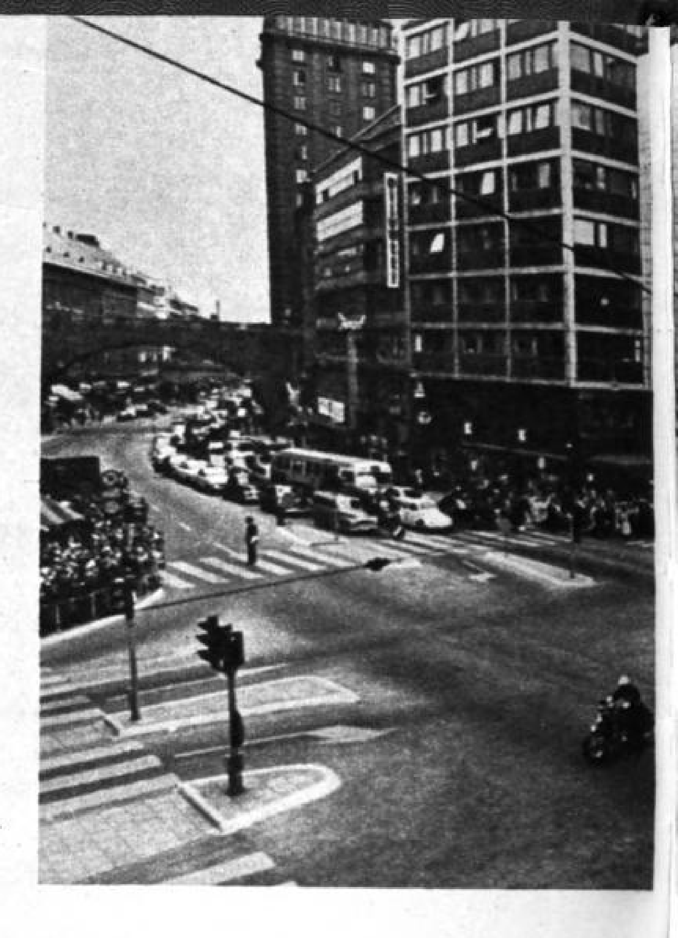
На снимке: Н. С. Хрущев отвечает на приветствия жителей Стокгольма у дворца Хага. Второй слева— Премьер-Министр Швеции Таге Эрландер.

Фото Прессенс Бильд — ТАСС (принято по фототелеграфу).

МИССИЯ ДРУЖБЫ И ДОБРОСОСЕДСТВА

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Премьер-Министр Швеции Т. Эрландер. «...Как показали наши первые беседы,— сказал Никита Сергеевич,— имеются хорошие перспективы дальнейшего развития советско-шведских отношений».

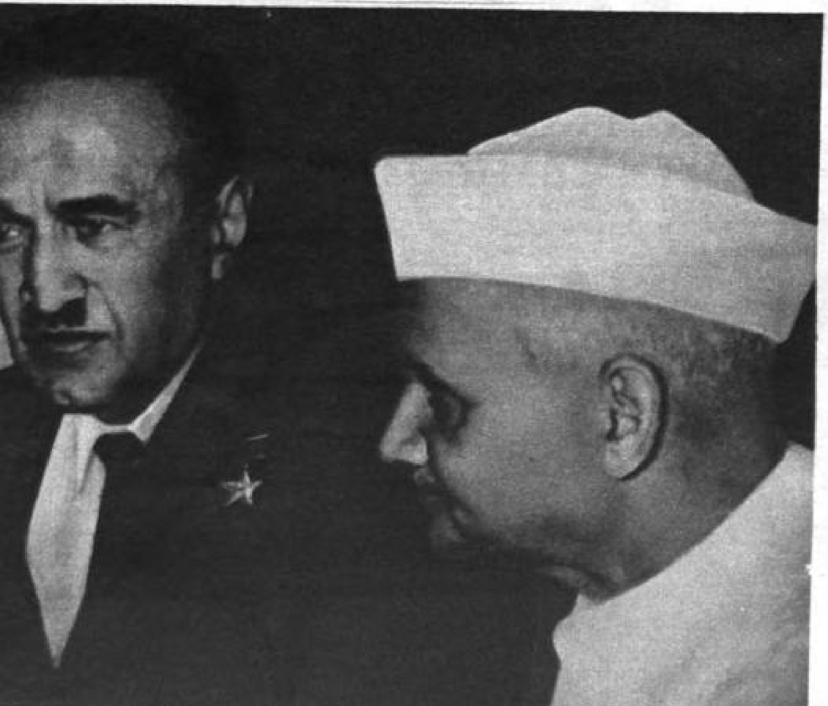

Как доброго соседа приветствовала Швеция Н. С. Хрущева и других советских гостей. На снимке: автомашина, в которой Н. С. Хрущев в сопровождении почетного эскорта проезжает по улицам Стокгольма.

Н. С. Хрущев приглашает гостей, прибывших на завтрак, который глава Советского правительства дал в честь Премьер-Министра Швеции Т. Эрландера.

По пути в Индонезию два дня провела в Индии делегация Верховного Совета СССР во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном.

А. И. Микоян нанес визиты президенту Республики Индии С. Радхакришнану и премьер-министру Лал Бахадур Шастри.

На снимке: первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян во время визита премьер-министру Лал Бахадур Шастри.

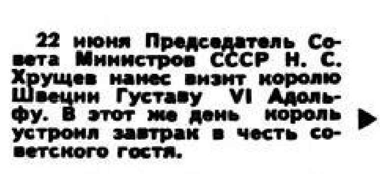
Фото АП—ТАСС (принято по фототелеграфу).

ИСКУССТВО БОЛЬШИХ ГОРИЗОНТОВ

К 75-летию со дня рождения В. И. Мухиной

Д. ШМАРИНОВ, народный художник РСФСР

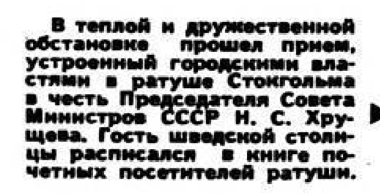
22 июня Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев нанес визит королю Швеции Густаву VI Адольфу. В этот же день король устроил завтрак в честь советского гостя. ▶

На снимке: Н. С. Хрущев и король Швеции Густав VI Адольф.

Фото Прессенс Бильд — ТАСС, АП.

◀ Стокгольм, 23 июня. Переговоры между Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и Премьер-Министром Швеции Т. Эрландером. Во время переговоров состоялся обмен мнениями по вопросам, касающимся отношений между СССР и Швецией, и по международным проблемам, представляющим обоюдный интерес.

В теплой и дружественной обстановке прошел прием, устроенный городскими властями в ратуше Стокгольма в честь Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. Гость шведской столицы расписался в книге почетных посетителей ратуши. ▶

1 июля 1964 года исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося скульптора нашего времени народного художника СССР Веры Игнатьевны Мухиной.

Искусство В. И. Мухиной, жизнеутверждающее и оптимистичное по своей природе, обращено к будущему. Подлинный художник-новатор, мастер неповторимой, творческой индивидуальности, Мухина была непримиримым врагом бескровного отражательства, равнодушия, созерцательности, натурализма. Великолепное произведение социалистического реализма, монументальная скульптура «Рабочий и колхозница», созданная ею в 1937 году, стала подлинным художественным символом нашего государства и принесла скульптору всенародное и мировое признание.

Высокую оценку получила и работа Мухиной над двумя памятниками А. М. Горькому. В Москве же по проекту Мухиной воздвигнут памятник П. И. Чайковскому.

Ряд монументальных проектов В. И. Мухиной не был осуществлен при ее жизни. Мне хотелось бы назвать смелый и оригинальный по мысли памятник-маяк героическим защитникам Севастополя и памятник В. И. Ленину для Москвы. Удивительно глубокая и простая по замыслу двухфигурная композиция символизирует нерасторжимую связь рабочего класса и его вождя.

Ведущей темой в монументальном творчестве последних лет стала тема борьбы за мир. «Требуем мира!» — название композиции, выполненной бригадой скульпторов под руководством В. И. Мухиной. Полная драматической патетики, эта скульптура является страстным призывом к миру. Последней работой В. И. Мухиной была восьмиметровая статуя Мира для Волгограда, выполненная по ее проекту и под ее руководством. Величественная, исполненная красоты и покоя фигура молодой женщины; высоко возносит она над городом великой народной славы земной шар с парящим над ним голубем мира.

Творчество Мухиной многогранно. Она работала в монументальной и станковой, декоративной и малой скульптуре (фарфор, стекло) и в каждой из этих областей создавала выдающиеся произведения.

Вера Игнатьевна была прекрасным рисовальщиком. Ее рисунки исполнены уверенной рукой зрелого мастера, полны жизненной выразительности, движения, экспрессии. Превосходны проекты театрального оформления Мухиной.

Все — от громадного монументального памятника до стеклянной воды,— все вышедшее из рук Мухиной неизменно отмечено высокой культурой, вкусом, масштабностью и широтой понимания искусства.

«Наше будущее искусство,— писала Вера Игнатьевна,— это не искусство маленьких горизонтов отдельных индивидуумов, это искусство широчайших горизонтов... Мы живем в эпоху социалистического общества, в эпоху свободного труда и титанической борьбы за мир и счастье всего трудящегося человечества. Поэтому советский человек должен видеть искусство, зовущее его к этим идеалам, не только на выставках и в музеях, но на площадях, на стадионах, на стенах общественных зданий. Формы его должны развиваться в сторону больших героических ритмов нашей эпохи... это будет искусство коммунизма!»

Портрет В. И. Мухиной работы М. В. Нестерова.

ГОД ТВОРЧЕСКИЙ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Экономические итоги года подвести легче, чем итоги работы идеологической. В первом случае помогают цифры. Они, как дорожные столбы, отмечают пройденный нами путь. Цифры, однако, могут лишь указать на конечные результаты усилий огромного числа людей за определенный отрезок времени. Но они безмолвствуют, когда мы хотим узнать, как такие усилия организовывались, что двигало людьми, что побуждало их в ежедневном, ежечасном труде, равном нередко подвигу, то есть мы хотим узнать, какой вклад в экономике принадлежит сфере нашей духовной жизни. Тут электронные машины не выручат, тут надобен иной подсчет. А ведь каждый из нас знает, что экономика и политика нерасторжимы, что народнохозяйственная деятельность находится в прямой и непосредственной зависимости от деятельности духовной.

Ровно год мы работаем после июньского Пленума ЦК КПСС. Что же нового принес нам этот год в смысле идеологическом?

Как литератору мне естественнее обратиться прежде всего к явлениям литературной жизни. Не буду перечислять книги, ставшие предметом большого разговора на страницах газет, журналов и на многочисленных читательских конференциях. Примечательно то, что авторы значительных произведений, появившихся в последнее время, достойно ответили на властное требование народа создать сильные характеры, перед которыми померкли бы странные «герои-недоноски», не ведающие, зачем, для каких дел появились они на свет, этакие лукавомудрствующие, рефлектирующие «мальчики», сомневающиеся во всем на свете.

Сделано тут еще далеко не все, но и сделанного оказалось достаточно, чтобы сейчас же на литературном небосклоне погасли сомнительные звезды незаконнорожденных «звездных» лоботрясов, ставших на короткое время единственными героями некоторых романов, повестей и пьес, и непонятно почему принятых было некоторыми критиками всерьез, и даже защищаемых в статьях самым энергичным образом. Прошел лишь год, но где же крикливые «мальчики», почему про них все забыли, а ежели и вспоминают, то непременно с иронической улыбкой? Почему даже те, кто их породил, готовы отказать им в своем отцовстве? Не потому ли, что климат в нашей стране оказался для них неподходящим? Захирели, «зачиврили», как говорят крестьяне, «мальчики» и, к счастью, кажется, совсем примолкли. Это ли не отрадный факт!

На днях одна газета привела выдержку из письма М. Ларькиной, свинарки совхоза «Надеждинский», Пензенской области:

«Мне довелось в прошлом году быть на заседаниях июньского Пленума ЦК КПСС. Никогда тех дней не забуду. Хочется работать по-новому, творчески, приносить людям больше радости».

Так рассуждает свинарка. Она была на идеологическом пленуме. Что все это означает? Разве этот факт, как бы сам по себе он ни был мал, взятый отвлеченно от прочих фактов, не указывает нам на то, что составляет сплав, именуемый экономическим и политическим потенциалом нашей страны, ее материальным и духовным могуществом? А вот другие факты: на машиностроительном заводе в Ленинграде новички, точно солдаты у гвардейского знамени, дают клятву свято блюсти великие традиции рабочего класса; в Туле проводятся семейные вечера добрых соседей; на Украине и на Кубани входят в обычай и традицию новые праздники, от которых невмоготу становится служителям религиозного культа, но зато очень весело трудовому люду.

Ныне уже стал музейной редкостью лектор, выклевывающий скучные слова из своей уныло длинной, заранее написанной лекции, что в былые времена считалось в порядке вещей. Никто еще не подсчитал, какой огромный ущерб принесли нашему делу подобные лекторы, в устах которых дорогие всем нам истины как бы покрывались непроницаемой, мертвой роговицей, отталкивая от себя прежде всего живой, нетерпеливый и пытливый ум молодежи, для которой истинно все, что движется, что будоражит, зовет, будит творческую фантазию. Принимается в штыки ныне и типичное дитя тех минувших лет — штамп, шаблон, слепая вера в чудодейственную силу правильных лозунгов без творческого, уместного их применения. Времена «общих руководств», «общих назиданий», «общих накачек» и «поучений вообще» уходят и должны навсегда уйти в невозвратную Лету.

Даже к такому привычному и важному для нашего общества слову, как «критика», необходим какой-то уже иной подход. Раскритикуем на собрании человека — человек нахмурился, переживает, а мы тут как тут со своим шаблонным умозаключением: не любит, мол, критики, плохой, стало быть, работник! Как будто критика — такая сладкая штука, что ее следует непременно любить. Иной, быстро усвоив подобный шаблон, ловко пользуется им, тотчас же признает критику правильной, даст тут же клятвенное обязательство не повторять ошибок, ему столь же быстро поверят — и все премного довольны: все-де правильно! А не вернее ли будет больше довериться тому работнику, который переживает от критики, места себе не находит и даже на первых порах готов не признать ее справедливой?!

Недавно один крупный партийный работник — масштаба областного — рассказывал нам о том, как его распекала родная мать за всякие бытовые неполадки в городе. Когда, не выдержав, он попросил мать оставить его в покое, что ему, мол, и так достается на всяких собраниях да заседаниях, что его и так критикуют много, мать спокойно выслушала и столь же спокойно сказала:

— Да разве я тебя, сынок, критикую? Я тебе правду говорю.

Я не против того, чтоб существовало в полных своих правах привычное слово «критика», я только за то, чтобы оно заключало в себе смысл, так просто и глубоко выраженный в формуле: «Я тебе правду говорю».

Тот крупный партийный работник признался нам, что слова матери что-то сотворили в его сознании, она, мать, сама того не ведая, вернула понятию «критика» ее естественный, изначальный смысл. «Естественность пропаганды» — об этом мы все чаще и чаще стали думать в последние годы. Обкатанные, отутюженные формулировки перестали действовать, в человеческом мозгу давно уже выработался соответствующий иммунитет, о котором говорил Н. С. Хрущев:

«Как организм человека приспосабливается к одному лекарству и оно в конце концов перестает действовать, так и наши партийные, профсоюзные и другие общественные организации привыкают к определенным организационным формам работы настолько, что не замечают, когда организационная работа в результате шаблона теряет остроту, действенность».

Наша планета насчитывает более трех миллиардов человеческих существ. И все-таки из этого астрономического числа не отыщется даже двух людей, которые бы во всем походили друг на друга. Даже близнецы, которых по внешности часто не различишь, по характеру окажутся настолько разными, что диву даешься: неужели их одна мать родила? Так как же можно с одинаковым шаблоном подходить к воспитанию людей, когда они все такие разные? А если еще иметь в виду, что жизнь общества не стоит на месте, что с каждым годом она меняется, а вместе с нею меняются и люди, меняются их запросы, как материальные, так и духовные, то совсем уж нетрудно будет понять, сколь пагубен и вреден шаблон. Не мудрено поэтому, что этот наш враг подвергается нами непрерывным атакам и будет подвергаться до тех пор, пока не сокрушим его окончательно.

Однажды мне довелось слышать беседу агитатора с молодыми людьми. Агитатор, чувствовалось, неплохо подготовился к такой беседе, он загодя вооружился большим фактическим материалом. Он назвал совершенно ошеломляющую цифру относительно того, сколько ежегодно строится у нас жилой площади, не менее ошеломляющие цифры по мебели, радиоприемникам, телевизорам, стиральным и прочим бытовым машинам. Молодые люди между тем скучали и с нетерпением поглядывали на часы: скоро ли кино? Отчего так получилось? А дело-то простое: молодежь привыкла ко всему этому, ее этим не удивишь. На нее больше подействовали бы слова рабочего, которые я однажды случайно услышал и нередко приводил в других случаях. Завершался строительством новый жилой массив в большом городе. Среди многоэтажных, светлых громадин каким-то чудом уцелела избушка от прежней деревни. Глядя на нее, старик вслух сказал:

— А я б ее оставил тут нетронутой.

— Зачем же? — спросили его.

Он ответил, указывая на балкон, где был малыш в коляске, ответил приблизительно так: для того оставил бы, чтоб вон тот карапуз знал и не забывал, на какую высоту его Советская власть подняла!

Такие вот простые и вместе с тем совершенно неожиданные слова действуют. Потому действуют, что они чрезвычайно естественны, непринужденны и мудры.

Июньский Пленум ЦК КПСС поставил задачи перед всеми работниками идеологического фронта не на один год и не на два. И задачи эти подчинены главному в нашей жизни — выполнению программы построения коммунизма. И сегодня, совершая очередной смотр боевых сил идеологического фронта, мы сверяем их именно по этому курсу: все ли делаем так, чтобы ускорить шаги наши к коммунизму.

ХУДОЖНИКИ ШВЕЦИИ

См. 2 стр. обложки.

Большое внимание москвичей привлекла выставка эстампа двух шведских художников — Свена Юнгберга и Свенолофа Эрена. Это художники разных поколений. Эрен родился в 1927 году, Юнгберг — в 1913 году. Но они оба учились в Академии художеств в Стокгольме, оба были неоднократными участниками выставок в Швеции и других странах, оба много работали в книжной иллюстрации и станковой гравюре. Эрен издал несколько графических альбомов, Юнгберг — автор монументальных фресок и мозаик в общественных зданиях, а также миниатюрных изображений на почтовых марках. После закрытия выставки 10 листов были приобретены одним из уникальнейших собраний гравюры в Советском Союзе — Кабинетом графики Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

Эти листы выполнены в наиболее характерной для творчества художников технике: у Эрена — это цветная ксилография, у Юнгберга — черно-белая гравюра на дереве.

Юнгберга более привлекают жанровые сценки повседневной жизни.

«Чистый» пейзаж, главным образом городской, портовый, захватывает Эрена, родившегося в Стокгольме и посвятившего родному городу немало поэтических гравюр.

И Юнгберг и Эрен, работая по деревянной доске, хорошо чувствуют и используют физические свойства этого материала; блестяще извлекают они и все возможности из поверхности белого листа бумаги. Их гравюры пространственны и как бы наполнены воздухом.

Но главное достоинство творчества этих художников — желание и умение выразить национальные черты искусства своей родины.

М. БЕЗРУКОВА

КАК ЖИВУТ И РАБОТАЮТ В КОЛХОЗЕ „ПОБЕДА"

М. АНДРИАСОВ,
Е. ПОПОВКИН,
А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Правление колхоза. В центре — В. Ф. Резников.

ДОРОГА В КАНЕВСКУЮ

Года два мы не были в станице Каневской, одной из старейших кубанских станиц, ведущих свое начало от переселенных еще Екатериной II из Канева днепровских казаков. И в эту затянувшуюся весну, оказавшись в Краснодаре, мы снова захотели побывать у каневчан, посмотреть, как живет колхоз «Победа», которому год назад, первому в Российской Федерации, присвоили звание колхоза коммунистического труда.

Кубань хороша всегда, но, может быть, особенно прекрасна она в дни, когда только начинают зацветать вишневые и абрикосовые сады, озаренные теплым весенним солнцем. Словно в серебристо-розоватой дымке, тянутся они вдоль асфальтовых дорог и проселков. Смотришь на щедро поднявшиеся всходы, что короткой зеленой щетинкой раскинулись во все стороны, слушаешь звонкий птичий щебет в голубом небе — и невольно настраиваешься на благодушный лад. Кажется, что так всегда было здесь, на этих кубанских землях.

Так было и в этот апрельский день, когда мы катили в Каневскую. Шофер включил в машине радио, и вдруг мы услышали знакомый голос Никиты Сергеевича. В Кремлевском Дворце съездов шел митинг, посвященный советско-польской дружбе. В машине хорошо слышалось горячее дыхание зала, шумные всплески аплодисментов участников митинга, живо воспринимавших критику, которой подвергались в речи товарища Хрущева экономические авантюры китайских руководителей. Никита Сергеевич говорил:

«В провале этих авантюристических планов китайское руководство обвинило местные партийные органы, которые будто бы исказили директивы Пекина.

Такие приемы — снять с себя ответственность — нам хорошо знакомы. Точно так же, как это было в Советском Союзе в 1930 году, после перегибов в коллективизации, когда Сталин выступил с письмом «Головокружение от успехов» и взвалил всю ответственность за перегибы, которые были допущены им, на местные партийные органы. Тогда наша страна была доведена до предела напряжения. В некоторых районах начались уже волнения среди крестьян. Этот период хорошо описал М. А. Шолохов в своей книге «Поднятая целина». В обстановке того времени, когда в стране возник голод, не могло быть и речи о «головокружении от успехов».

Мы слушали эти слова и вспоминали не только «Поднятую целину», но и то, что нам в ту пору довелось видеть на этих самых землях. Мы вспоминали время, когда богатейшие кубанские станицы целиком объявлялись «чернодосочными» и все их население во главе с секретарями райкомов и председателями райисполкомов высылалось в далекие края.

Никогда не исчезнут из памяти заросшие осотом дворы, выбитые окна, болтающиеся на холодном ветру двери казачьих хат.

В Каневском парткоме мы поделились впечатлениями от речи Никиты Сергеевича. Один из работников парткома сказал нам:

— Я ребенком был в те годы... Но помню все хорошо. На хлебной Кубани, что мы ели тогда? Лебеду да травку, березкой у нас ее называют. Я был маленьким, классового анализа у меня не было, просто хотелось есть. Нам объясняли потом: становление колхозного строя. Конечно, классовый враг был. Кулаки сопротивлялись коллективизации. Вот против них, против врагов, и надо было направлять оружие. Их высылали правильно. Но кого с ними? Кто умирал с голода? Бедняки, вчерашние батраки. Кочан кукурузы найдут в хате — в тюрьму да на высылку. Как же можно было каждого называть саботажником, кто сумочку фасоли для спасения детей оставлял? Культ личности сыграл свою тяжелую роль и в то время.

Там же, возле парткома, нас познакомили с высоким пожилым человеком, выглядевшим, однако, еще бодро.

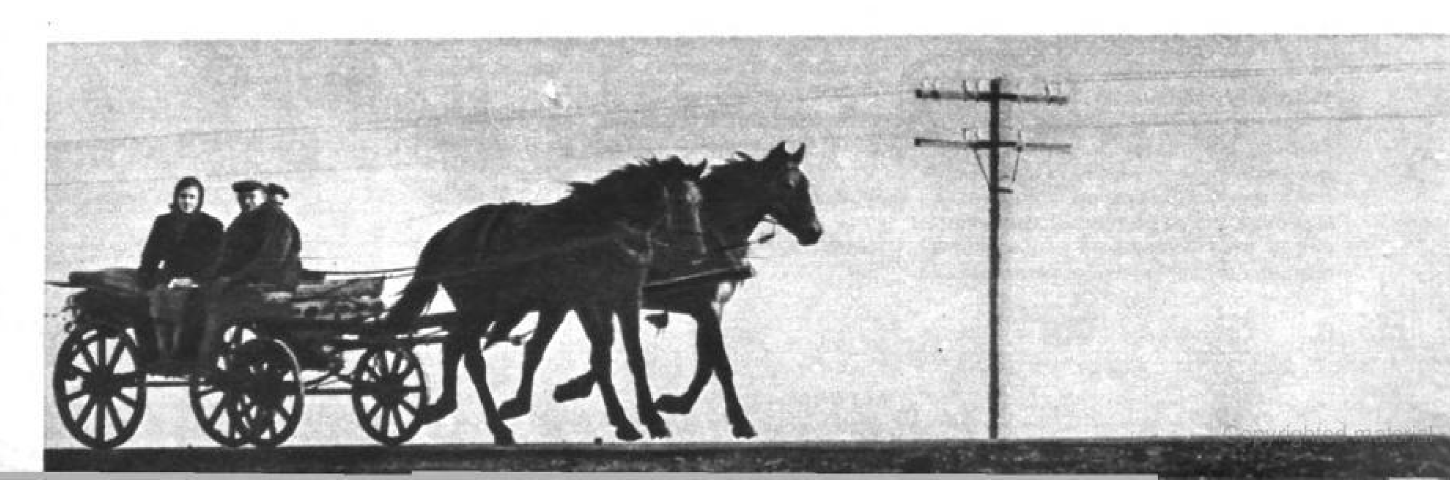
— Гладких, Яков Емельянович,— сказал он, протягивая большую, сильную руку.— Только что вернулся из города Серафимовича. Собирались там участники «железного потока», Таманской дивизии, те, что проделали с Ковтюхом весь поход. Много еще их сохранилось, но многих уже и нет.— Гладких тяжело вздохнул.— Я тоже двадцать лет отбыл в консервации... В ссылке... А сейчас живем подходяще. Я ведь и Александра Серафимовича знал, беседовал он со мной не один разок.

Так совсем неожиданно в самом начале нашего знакомства мы обратились к истории, которая писалась здесь, на кубанских полях.

БУДЕТ ЛИ ДОЖДЬ

Каждый раз, когда бываешь весной у хлеборобов, и они тревожно поглядывают на сухое, без-

На колхозном асфальте...

облачное небо, их огорчения передаются и тебе.

Такое же чувство мы испытали на другое утро, когда в свой кабинет торопливо вошел секретарь парткома Каневского производственного управления Алексей Самойлович Колесников. Не снимая дорожного плаща, он подошел к стене и постучал по барометру. Стрелки чуть дрогнули и опустились к зловещему слову «сушь».

Алексей Самойлович не смог удержать тяжкого вздоха:

— Ни одного дождя за всю весну!

Он только что вернулся из Краснодара, но мы уже были в курсе всех радостей и тревог здешних: нам уже удалось потолковать с заместителем секретаря парткома Любовью Дмитриевной Кушнаренко, с другими работниками парткома. Мы уже знали, что в Каневском районе подготовились к весне, как никогда; что в нынешнем году на поля Кубани придет в четыре раза больше минеральных удобрений, чем в предыдущем; что тысячи хлеборобов всю зиму овладевали агрохимическими знаниями.

Многое сделали кубанцы после февральского Пленума ЦК КПСС, чтобы совершить новый рывок вперед. Но им не было подарено изменчивым кубанским климатом ни щедрого снега зимой, ни дождей по весне. А Каневский район вообще относится к зоне недостаточного увлажнения и сильных ветров.

— Все же мы свое возьмем! — убежденно сказал Алексей Самойлович, неприязненно косясь на барометр.

Опытный агроном, старый партийный работник, получивший звание Героя Социалистического Труда в нелегкие для Кубани годы, он не привык рассчитывать на поблажки коварной природы.

— Что для нас главное? — как бы сам себя спрашивал Алексей Самойлович, и его усталые добрые глаза задержались на карте района.— Не нарушать законов земли. Не мучить землю. Само собой разумеется, готовить почву, обрабатывать ее и сеять в наилучшие сроки.

Сколько пришлось Колесникову повозиться с землей, сколько проделать опытов, чтобы написать вместе с научным сотрудником В. Кот книжку, ставшую настольной для каневских, да и не только каневских землепашцев! «Написана с большим знанием дела и представляет пока единственное обобщение опыта по обработке почвы на Кубани»,— отозвался о ней академик ВАСХНИЛ П. П. Лукьяненко.

Не хотелось обрывать разговор в парткоме, но по густой синеве под глазами у Алексея Самойловича мы догадывались, что он не спал и дьявольски устал.

— Вы отправляйтесь к Резникову. Он вам покажет, чего еще в учебниках нет,— напутствовал нас Алексей Самойлович.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ «ПОБЕДЫ»

Колхоз «Победа» расположен в самой станице. Мимо новых и старых, но тщательно побеленных домиков, утопающих в молочной пене цветущей алычи и жерделы, широкая, по-городскому оживленная в этот утренний час дорога привела нас к вместительному кирпичному зданию. У входа красочный щит:

«Товарищ, помни, что ты живешь и трудишься в коллективе коммунистического труда!»

В большой комнате за столом сидел широкоплечий коренастый человек. Он хмуро оглядел нас и сказал:

— Резников.

Бывают в жизни встречи! Ну кто мог предположить, что спустя двадцать лет дороги сведут нас в станице Каневской с бывшим бойцом бригады морской пехоты Вадимом Резниковым?! А встреча такая произошла, да еще, как говорится, день в день. Один из нас в апреле сорок четвертого года вместе с девятнадцатилетним морячком Резниковым входил в древний крымский городок Старый Крым. День этот был и счастливым и трагическим. Счастливым потому, что в город пришла свобода, трагическим потому, что эсэсовские бандиты, покидая Старый Крым, в отместку за помощь партизанам успели уничтожить население нескольких окраинных улиц. Теперь перед нами был не паренек в тельняшке с автоматом, а солидный, почти сорокалетний мужчина, председатель первого в Российской Федерации колхоза коммунистического труда, Герой Социалистического Труда Вадим Федотович Резников.

И по первому взгляду видно было, сколько забот у председателя. Вон оно, хозяйство, какое! Одной пашни двадцать тысяч гектаров. Шестьдесят километров асфальтированных дорог. Семь школ — четыре в станице и три на хуторах. Сотни тысяч уток, десятки тысяч индеек и кур выращиваются на фермах. Дом культуры, поликлиника, дом отдыха на Черном море, несколько библиотек, детских садов, около сотни автомашин...

— А знаете, эсэсовские бандюги, те, что зверствовали тогда в Старом Крыму, далеко не ушли,— вспоминает Резников.— Мы их за городом догнали. С ходу крошили. Никого не оставили. От морской пехоты не уйдешь!

У бывшего бойца морской пехоты на всю жизнь осталась сильная морская хватка. Приглядевшись к Вадиму Федотовичу, мы заметили и другое: в облике председателя было что-то и шахтерское, из тех мест, где он вырос, из Донбасса.

Вадим Федотович принимал участие в работе февральского Пленума ЦК КПСС.

— После Пленума еще больше хозяевами себя почувствовали,— говорил Резников.— Конечно, это чувство было и до Пленума, но теперь, я бы сказал, прав у нас стало больше. А для хозяина это — великое дело.

И тут вспомнился один разговор. В погожий день за станицей, вдоль молодой озими, шел Вадим Федотович с приезжим лектором.

— Погода-то как разгулялась! — восторженно сказал горожанин, оглядывая пригретые солнцем поля.

— Дождика бы сейчас,— вырвалось у Резникова,— а потом это солнце...

Помолчали. Приезжий, почувствовав неловкость от неуместного «городского» восторга, смущенно сказал:

— И когда уж наступит пора, чтобы вы не зависели от дождика?

Заведующий кирпичным заводом колхоза А. Ф. Юнаков (слева) и бригадир Герой Социалистического Труда Н. Т. Колесник.

Юность станицы Каневской.

Утятницы Валя Сягайло, Люба Калачиди и звеньевая Мария Акимовна Захарчевская.

Идет поливка овощей.

Этот новый дом построил себе скотник Г. Н. Стрюков.

— Для нас,— ответил Вадим Федотович,— через четыре года.

За орошение в «Победе» взялись по-серьезному. Вернувшись с февральского Пленума ЦК КПСС, Резников поставил на правлении колхоза вопрос об орошении.

— Мы теперь часто говорим: «Интенсификация, интенсификация!» Но это ведь не просто слово. А за словом — заботы о сельской химии и об орошении. Пора от слов переходить к делу. Давайте воду наших местных рек направим на поля.

Создали мелиоративный отряд— двадцать молодых механизаторов. Действует отряд маневренно и оперативно. В его распоряжении одиннадцать тракторов, три дождевальные и четыре насосные установки, автогрейдер, механическая лопата, два бульдозера. Горячо взялся за новое дело бригадир отряда Владимир Галка.

ЗАБОТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ

Когда вникаешь в жизнь колхоза коммунистического труда, видишь, как умело привлекают здесь к решению больших задач — будь то производство или быт — самый широкий актив. Руководителям колхоза помогают общественные советы. Это добрые советчики и заботливые друзья, а когда нужно — и взыскательные судьи. Они помогают человеку проявить творческие способности, инициативу.

...Небольшое помещение биоцеха заставлено банками, колбами, бутылями с разноцветной жидкостью. Здесь вырабатывают антибиотики, биомицин, стимуляторы роста птицы.

Помещение биоцеха тесное, его надо расширить, и правление уже запроектировало постройку биофабрики. Утиные стада множатся. Но сейчас разговор не об утках. Лаборантка Людмила Алексеевна Ляховец, подвижная черноволосая женщина, возглавляет женский общественный совет.

— Народ у нас дружный, работает с огоньком,— сказала Людмила Алексеевна.

Но заговорила она не о подругах из своего женского совета, а о других, о тех, кто помогает подшефной школе, смотру юных дарований, о тех, кто ревностно следит за гармоничным развитием каждого ребенка. Это тоже ей, матери, близко. Это все проблемы, тесно связанные с семьей. А в семьях жизнь складывается поразному.

— Иногда приходится вмешиваться и в интимные стороны жизни,— вздохнула Людмила Алексеевна.— Пришел однажды к нам отец двух ребятишек. Что, говорит, с ними делать? Жена и меня и их покинула. Уехала с каким-то прощелыгой и даже адреса не сообщает.

Это случалось с его легкомысленной супругой уже не первый раз. Женский совет добился лишения ее материнских прав и позаботился, чтобы ребятишки не остались без ласки, неухоженными.

Такие случаи в колхозе не так уж часты, о них и вспоминают неохотно. Зато с удовольствием расскажут о том, как все глубже проникают в повседневный быт ростки нового, как люди одаривают друг друга вниманием и лаской и в работе, и на отдыхе, и в праздники.

— У нас с первых дней рождения ребенка,— рассказывали нам,— заботится о нем весь колхоз. В последнее воскресенье каждого месяца устраивается праздничный обряд вместо крестин. Помимо подарков, приданого для ребенка, родителям вручают пионерский значок и письмо будущему члену колхоза — торжественное напутствие новорожденному, которое он прочтет, когда подрастет. Прочтет и узнает, с какой любовью встретили его появление на свет.

Так же празднуют и свадьбы. И тогда до глубокой ночи звенят над принаряженной станицей веселые песни. А петь в «Победе» любят и старые и малые: художественная самодеятельность здесь в большом почете. Все неуютней чувствуют себя местный поп и регент из церквушки, которая пока еще уживается в станице рядом с колхозным клубом. Давно поп в этой церкви сердит на колхоз «Победа». Однажды некая старушка тайно от родителей принесла крестить внучонка. Поп спросил: «Откуда младенец?» «Из «Победы»,— ответила бабушка. «Не буду его крестить. У вас одни нехристи в колхозе. Детей не крестят, свадьбы не справляют, в хору церковном девчонки не поют. Забирай своего младенца!» «И заберу, и уйду, и больше не приду к тебе!»— рассердилась старушка и ушла.

Не забывает женский совет и тех, кто захворает, попадет в больницу. За счет общественного фонда, который, к слову сказать, в «Победе» весьма солидный, больным привезут вместе с букетами цветов мед, яблоки, конфеты, приготовленную руками мастериц домашнюю снедь.

Женский совет (в нем двадцать три колхозницы) не обходит вниманием ни большие, ни малые дела. Все для него важно: и помощь роженицам, и чистота в бригадах, и здоровье людей, и даже их настроение.

Как-то стали замечать женщины, что одна из подружек по бригаде загрустила, все стало у нее из рук валиться. «Свекровь у нее злая и грубая,— сообщила Людмиле Алексеевне соседка молодайки.— Обзывает по-всякому, привередничает».

Женщины посовещались и послали к неуживчивой старухе делегацию. Обстоятельный, строгий и деликатный разговор достиг цели — в семье стали отношения более мирными.

— Бывает, и посердишься на нашу женскую секту, так мы ее промеж себя называем,— сказал нам бригадир полеводческой бригады Николай Тимофеевич Колесник.— Чуть что не так, начинают с тебя стружку снимать. Тут как-то нагрянули из женсовета на наш полевой табор. Такого холоду нагнали!.. «Почему механизаторы ходят немытые и в комнатах не прибрано?» Как тот ужак, под вилами, я вертелся...

И тем не менее Николаю Тимофеевичу очень нравятся эти советы.

— Бывало, бьешься, бьешься с каким лодырем или рвачом, еще врагов себе наживешь: «Чего взъелся?» А теперь у всех советы бригады. В нашей бригаде со-

вет из тринадцати человек. Это сила! Раньше о дисциплине или, скажем, каких мелких хищениях только правление думало. Теперь бригадные советы решают. Добре получается... Или возьмите лодырей... Было их несколько человек у нас... А теперь где они? Никого нет. Перевоспитались,— улыбается Колесник.— Научили их жить в коллективе. Как начнут тринадцать человек стружку за показатели снимать, любой, у кого хоть маленькая голова на плечах есть, образумится. Каждый месяц объявляем, кто сколько заработал. Сразу видно... А вообще-то давно я не наблюдал у людей такого запала, как в нынешнюю весну. Земля

На рыбалке.

будто ближе стала. Уверенности прибавилось. Каждый понимает, что судьба урожая зависит от него. И в то же время ясно: без взаимной поддержки толку не будет... Иной раз мне говорят: «Не надоело тебе бригадирить?» Нет, милые, не надоело. Работать стало труднее, а значит, интереснее. Теперь от бригадира требуются не только знания, практический опыт, но и постоянная учеба. Взять хотя бы химию. Только за счет удобрений наш колхоз соберет дополнительно четыреста тысяч пудов зерна. Шутка сказать! Орошение позволит нам в пять раз увеличить валовой сбор зерна кукурузы.

Николай Тимофеевич говорил, и в словах его чувствовалось великолепное знание экономики хозяйства. Видно, что всем этим мыслям предшествовали раздумья, долгие, пытливые, с карандашом в руках.

ОТ КОШЕЛКИ ДО СТОЛОВОЙ

Еще при первой встрече с Любовью Дмитриевной Кушнаренко мы услышали смешную историю об одном председателе колхоза. Любовь Дмитриевна, приезжий специалист и этот председатель объезжали поля. Где-то в полдень, в обеденное время, председатель сказал шоферу: «Остановись, милый»,— и, обращаясь к спутникам: «Погодите маленько». Взял кошелку, пошел за скирду, поел и, как ни в чем не бывало, вернулся в машину, вытирая платком рот. «Я готова бы сквозь землю провалиться со стыда»,— говорила нам Любовь Дмитриевна. Конечно, сейчас этого деятеля уже нет, не ходит в председателях. Весь его интерес был в себе. Но вот эти кошелки стали тем, против чего в районе борются. Как? Организацией общественного питания.

...Возле фермы седьмой бригады стоял большой холодильник. Его только привезли и сбивали деревянную обшивку. Здесь же, возле столовой, росли зеленый лук, редиска, огурцы, петрушка и прочая зелень...

— Чтоб далеко не ходить,— сказал Резников,— и чтоб земля не пропадала.

Мы зашли в небольшую столовую, очень чистую, со столиками на алюминиевых ножках. Нас встретила молодая, в белом халате, голубоглазая женщина.

— Ну, Галя, докладывай твое меню на сегодня,— сказал Резников.

— Суп, гуляш, кофе, компот.

— Сколько стоит?

— Двадцать две копейки.

— А ужин?

— Шестнадцать копеек. Могут сразу платить, а могут записать в книжку, внесут при получении зарплаты.

— А колхоз доплачивает? — спрашиваем председателя.

— Немного, самую малость. Продукты же по себестоимости,— ответил Вадим Федотович.— Мы все подсчитали. Так нам дешевле... Женщинам не надо бегать в станицу, все на месте. Не надо с утра готовить еду ни себе, ни мужику своему. Колхозник — по природе экономист: он подсчитает до копейки, что ему выгодней. А то раньше кто курицу ел на обед, а кто луковицу... Неравенство ликвидировали... Молоко продаем в ларьках для всех...

— Сколько таких столовых в колхозе?

— Двадцать две. Сейчас строим столовую, которая будет отпускать обеды на дом. Так что кошелок нет теперь ни у бригадиров, ни у рядовых колхозников...

— А колхозники ночуют здесь, на ферме?

— Нет, это нам невыгодно. Люди отдыхают дома. Асфальта у нас много. Машины привозят и увозят с работы. А если что срочное — полная телефонизация со всеми бригадами.

Резников подошел к Гале, улыбнулся.

— Ну как, Галя, на курорте была?

— Была.

— А дети есть?

— Да нету еще...

— Не помог курорт?

— Да ну вас, Вадим Федотович, в краску вгоните...

— Давай поторапливайся... Детский сад и ясли больше строим.

...Возвращаясь из старого детского сада, где в кроватках спали после обеда ребятишки, мы увидели стены строящегося большого детского сада.

— Вот тут будут располагаться детишки,— сказал Резников.

УТИНЫЙ КОМПЛЕКС

Секретарь парткома колхоза Илья Алексеевич Мурзов, узнав, что мы представляем журнал «Огонек», сказал при первой встрече:

— Видел я в журнале у вас картину одного художника, не помню фамилию,— «Портрет неизвестной женщины». Хороший портрет, ничего не скажешь... Но неплохо было бы, если б приехал художник какой и нарисовал портрет одной известной у нас на Кубани женщины — Марии Акимовны Захарчевской... Это наша Заглада...

— Хорошо работает?

— «Работает» не то слово... Она говорит, что когда идет на ферму, то словно на крыльях летит. Сколько молодых девушек в люди вывела!

Да, утиный комплекс в «Победе» поставлен, впрочем, как и во всем Каневском районе, отлично. Мы в этом убедились, пройдя, так сказать, по всему технологическому процессу выращивания уток.

Помнится, несколько лет назад Алексей Самойлович Колесников места не находил себе из-за того, что не принимали готовых для продажи уток: не было холодильников для хранения забитой птицы.

— Теперь все в порядке,— сказал он.— Пройденный этап...

В кормовом цехе в тепле выращивается способом гидропоники еда для утят. Вика с пшеницей. За пять дней растет пища. Каждый стеллаж — как диаграмма роста за день. Затем всё это смешивают, пропуская через большую мясорубку. Корм готов — свежий, со стимуляторами роста.

В батарейном цехе, где растут тысячи только что вылупившихся в инкубаторах утят, работает звено Анастасии Михайловны Сонько. Когда мы пришли в цех, там было пять тысяч триста желтых пушистых комочков.

Совсем еще беспомощные, прожившие на белом свете два-три дня, они испуганно жались друг к другу.

— Бедненькие, без мамки,— заметил кто-то.

Молодая, красивая казачка Анастасия Сонько, зарумянившись, громко сказала:

— Как без мамки?! А мы?

Взглянув на лица тут же хлопотавших трех утятниц, мы поняли, что это не просто слова. Три Марии — Игнатьева, Горбун, Литвиненко,— так же, как и звеньевая Сонько, рук своих не жалеют для утят.

...Утиная ферма Захарчевской расположена за станицей, возле пруда. Никаких хором для уток здесь не построено.

— Живут они у нас на ферме шестьдесят дней... Потом их сдаем и едем за новыми...

Был солнечный день. Тихо плескалась вода на песчаном, очищенном от камыша береге. Рядом с худенькой, в клетчатом платке, пожилой женщиной, сверкая белыми зубами, стояли девушки-подростки: Валя Сягайло и Люба Калачиди.

— Мои кадры,— сказала Мария Акимовна.

По первому взгляду трудно было определить, чем именно знаменита ферма Захарчевской. Все на вид было буднично и просто.

— Мы тут с марта еще начали хозяйничать. Базы повыметали, почистили. А чтобы уточки чувствовали себя здесь спокойно, не болели, все свежей соломой покрыли... Они сырости боятся... Поплавают на воде и опять к себе на баз. А там сухо должно быть... Приучаю девочек своих к этому... Тоня, Тоня! — вдруг негромко закричала Мария Акимовна на утенка, решившего единолично отправиться в плавание.

— Неужели вы каждого по имени зовете? — удивились мы.

Девушки звонко засмеялись.

— Не смейтесь, товарищи не все еще знают,— с легким укором сказала Мария Акимовна.— Мы всей стае даем одно имя. Сегодня для всех имя Тоня... Главное, чего мы добиваемся,— это чтобы отходов не было, чтобы утки положенный вес набирали... В этом году вырастим больше, чем в прошлом.

— А сколько в прошлом году вырастили?

— Шестьдесят тысяч.

— Как вы здесь живете? — спросили мы девушек.

— Рыбу ловим, уху варим... Песни поем, танцуем,— сказала Люба.

— И еще книги читаем,— дополнила Валя.

— Это они правильно говорят,— подтвердила Мария Акимовна,— девочки грамотные... По восемь классов окончили. Учу их, чтобы они жить умели добросовестно.

Молчавший все время Вадим Федотович улыбнулся.

— Текучесть кадров у Марии Акимовны большая...

— Это почему же?

— Быстро замуж разбирают...

— Это ничего. Пусть живут. Они все мои дети... Свои выросли, так я с этими.

Мария Акимовна говорила спокойно, с раздумьем, не удивляясь и не опровергая шуток председателя.

— Колхоз обязался дать двести пятьдесят тысяч уток в этом году... Мы с моими девчатами внесем свой вклад,— сказала Мария Акимовна, расставаясь с нами.

* * *

Еще в Краснодаре нам говорили: «Учтите, «Победа» — это не самый богатый колхоз в крае, есть немало других и побогаче, но люди здесь работают по-коммунистически». Да, это было видно, как говорится, невооруженным глазом. В колхозе «Победа» все заняты делом. В правлении колхоза и возле него вы не увидите праздношатающихся. Безвозвратно ушли времена, когда колхозник не знал, за что он работает. А главное, люди и живут по-новому.

...Дожди все-таки прошли щедрые, повсеместные. Они внесли радость и ожидание большого урожая. Кубань широко шагает в будущее, став, по существу, огромной лабораторией подъема сельского хозяйства нашей страны. Одной из ячеек этой лаборатории является колхоз «Победа», труженики которого уже приступили к сбору урожая 1964 года.

Ю. КУГАЧ (Москва). У ПЛОТИНЫ.

С. Отрощенко (Киев). НА ПОЛОНИНЕ.

М. Савченкова (Москва). ВЕСНА.

Л. Острова (Ленинград). КУПАНИЕ.

Шведский поэт Густав Фрёдинг пользуется огромной любовью в скандинавских странах.

Поэт родился в 1860 году. Из его произведений наиболее знамениты «Вермландские напевы».

Блестящий талант и глубоко народная основа творчества во многом сближают Густава Фрёдинга с Робертом Бернсом. Не случайно Фрёдинг писал о Бернсе и переводил его стихи.

Густав **ФРЁДИНГ**

Из „Вермландских напевов"

ЯН ЕРСА И ПЕР ПЕРСА

Ян Ерса — хутор Нáккабю,
Пер Перса — хутор Бáккабю
в селенье Вестра Эд.
Ян Ерса,
Пер Перса
враждуют много лет.

Овес на диво в Нáккабю,
пустая нива в Бáккабю.
Тут Пера зло берет.
Ругается Пер Перса,
и с хохоту Ян Ерса
чуть рот не раздерет.

Но клевер пышный в Бáккабю
и никудышный в Нáккабю —
бестравье, дикий цвет...
Хихикает Пер Перса,
и кулаком Ян Ерса
грозит ему в ответ.

Когда горюют в Нáккабю,
вовсю пируют в Бáккабю.
Но в свой черед и срок,
когда угрюм Пер Перса,
на радостях Ян Ерса
пьет брагу, ест пирог.

Хоть пастор проповедует,
что жить по-братски следует,—
и ухом не ведут!
Иск выиграл Ян Ерса,
но сызнова Пер Перса
соседа тащит в суд.

Хоть ближе дело к старости,
в сутягах больше ярости.
Когда процесс порой
выигрывал Пер Перса,
спешил воззвать Ян Ерса
к инстанции второй.

Весь век бранились, ссорились,
судились, хорохорились...
К сутяжничеству страсть
сгубила Яна Ерса,
а пьянство — Пера Перса.
Хлебнули горя всласть!

Конец предвидя в скорости,
они от смертной хворости
смягчиться не смогли.
— Мы встретимся, Ян Ерса!
— В суде, в суде, Пер Перса!—
И с этим в гроб легли.

«Упрям, как Ян из Нáккабю»,
и зол, «как Пер из Бáккабю»!
Навеки в Вестра Эд
Ян Ерса,
Пер Перса
оставили свой след.

И ХОЧЕТСЯ И КОЛЕТСЯ

Он ворчливый, плешивый, он скрюченный, хмурый.
Он суров с батраками, придирчив и жаден.
Выйди я за него — назовут меня дурой.
Тьфу, сквалыга, кряхтун! Будь он трижды неладен!
Есть и дети — на то он вдовец.
Не пойду за него, и конец!

А подумать про хутор его и скотину!
Свиньи жирны, обильно доятся коровы...
Гнет без отдыха бедная девушка спину,
чтоб купить башмаки и другие обновы.
И приходит на ум иногда:
не ответить ли все-таки «да»?

Если правду сказать, я дала уже слово
дожидаться с Атлантики бедного парня.
Вьются мягкие кудри у лба молодого,
и не видела я красоты лучезарней.
Он пригож — так и светится весь!
Я жалею, что нет его здесь.

Почему ж от себя отогнать мне так трудно
мысль о доме с котлами, блестящими чудно?
Угождать, подольщаться к постылому — нудно.
Но отвергнуть богатство грешно, безрассудно.
Старый, хворый—какой он жилец!
Вот и станешь вдовой наконец...

Будет горше мой грех, если клятву нарушу,
отрекусь от того, с кем я связана свято,
и разъест незажившая ссадина душу,
если данное слово назад будет взято.
Как подумаешь — сердце в тисках,
слезы в горле, биенье в висках.

А старик не идет из ума — хоть скупенек —
из-за пышных постелей, посуды добротной,
и коров, и свиней, и овечек, и денег,
и шкафов, где лежит серебро и полотна.
Да, я, кажется, выйду за скрягу, имей
он и впрямь восемнадцать детей!

ВОПРОС ПЕРЕД СВАДЬБОЙ

У нас будет конь, у нас будет плуг,
на грядках — бобы, и картофель, и лук.
Капусту мы вырастим, как напоказ!
О Эрик!
О Майя!
Все будет у нас!
У нас будут куры и уток семья.
Отбросами будет кормиться свинья.
И кофе и сахару будет запас!
О Эрик!
О Майя!
Все будет у нас!
Корову мы будем на луг выгонять.
С пуховой периною будет кровать,
посудная горка, начищенный таз.
О Эрик!
О Майя!
Все будет у нас!
— Я беден, ленива ты, Майя моя!
Батрачить хожу по хозяевам я,
а ты по соседям — тарелки лизать.
О Эрик!
О Майя!
Где все это взять?

Перевела со шведского Вера Потапова.

Рисунки П. Караченцова.

Редакция журнала «Огонек» получила это письмо от одного из советских воинов, освобождавших датский остров Борнхольм.

Как сложилась ваша судьба, дети?

Дорогая редакция!

...Это было в 1945 году. Наша дивизия освобождала датский остров Борнхольм. После его освобождения мне пришлось побывать в городах острова — Ренне, Аллинге, Нексе... Но расположение нашей части в то время было около древнего замка на берегу Балтийского моря.

Рядом с нами жили рабочие и фермеры, с которыми наши солдаты и офицеры были в очень хороших отношениях, приглашали их смотреть наши фильмы, солдатскую самодеятельность.

В близких отношениях и я был с одной рабочей семьей, а дети — мальчик и девочка 4—5 лет — все свободное время со мной были неразлучны. Они меня звали просто «унзер капитане Миколай» (наш капитан Николай). У меня было много фотографий, где я с ними, но сохранилось только несколько. Я хотел бы попросить вас по возможности узнать, как сложилась судьба этих юных в то время граждан Дании, передать им наилучшие пожелания в их жизни и борьбе за мир.

Пусть знают и помнят, что мы, русские люди, жившие на острове, помним и не забываем всех тех простых рабочих и фермеров, с которыми мы встречались. Самый лучший привет им и пожелания!

Н. Ф. Попков, забойщик шахты 4—5 Никитовка в Донецкой области.

На снимке: капитан Н. Ф Попков с датскими детьми.

Нина ВЕРИНА,
Римма ЛИХАЧ

В отделе патоморфологии идет операция. А пациента и не видно.

ЮНОСТЬ НАУКИ

Город зовется Обнинском. Его улицы носят имена Жолио-Кюри, Циолковского, Курчатова... Идешь по чистенькому проспекту, внезапно асфальт обрывается, перед тобой сосновый бор. Значит, город недостроен? Да, ему еще долго расти: его генеральный план рассчитан на двадцать лет. Однако и четверть века спустя запах хвои не исчезнет из Обнинска: островки леса будут мирно шуметь под ветром рядом с жилыми кварталами. И берега уютной Протвы останутся такими же тихими и будут манить к одиноким прогулкам, когда легко дышится и хорошо думается. Все это очень важно для людей, живущих в городе. Труд у них неустанный, не разбирающий ни дня, ни ночи. Словом, население Обнинска — ученые.

Тут нет промышленности, только научно-исследовательские учреждения. Одно из них — институт медицинской радиологии.

Шесть лет тому назад Георгий Артемьевич Зедгенидзе, действительный член Академии медицинских наук СССР, приехал в Калугу по делу, необычному для ученого: получать огромный земельный участок под Обнинском. Рентгенолог, труды которого изданы во многих странах, давно мечтал вместе с другими исследователями создать — да так, чтоб с первого камня в фундаменте,— современное научное учреждение, очень нужное людям. И вот такая возможность представилась: правительство решило построить в Обнинске крупнейший в мире институт медицинской радиологии. Георгий Артемьевич стал его директором и возглавил лабораторию рентгенорадиологии.

Медицинская радиология... Это наука новая, возникла она, когда начали исследовать влияние ядерного излучения на организм человека. Особенно бурно она стала развиваться после трагически известного взрыва в Хиросиме.

Суть этой науки такова: радиологи исследуют луч во всех его проявлениях. Познавая основы биологического действия проникающей радиации, ищут средства защиты человека от ионизации; используют ядерное излучение для лечения болезней; наконец, с помощью радиоактивных изотопов изучают физиологические системы человека и животных.

Радиология возникла на стыке множества других наук: биологии, физики, химии, биофизики, биохимии. Наше государство не поскупилось на средства для института в Обнинске. Здесь теперь высятся корпуса экспериментального сектора, возводится сектор клинический на 400 коек. Здесь чудесно оснащенные лаборатории, виварий, рассчитанный на 36 тысяч подопытных животных, мастерские — целый приборостроительный завод; монтируется мощный ускоритель частиц.

Исследователи, работающие тут, известны в мире. Недавно произошел такой случай. Вдруг в Обнинск приходит письмо от комитета по Нобелевским премиям. Уважаемых коллег из института медицинской радиологии СССР просят сообщить, какие работы сотрудников означенного учреждения можно рекомендовать на соискание Нобелевской премии.

Мы думаем, такие работы в институте будут. Вы тоже не усомнились бы в этом, если бы провели несколько дней здесь, в лабораториях.

ПРОФЕССОР ТРЕБУЕТ ФАНАТИЗМА

О Константине Станиславовиче Шадурском в институте говорят: это самый добрый человек. И вместе с тем профессор сурово требует от своих коллег... фанатизма.

— На этом я категорически настаиваю. Я это, знаете ли, так понимаю: науке нельзя уделять только шесть часов в день, от звонка до звонка. Тогда настоящей отдачи не получится... Возьмем хотя бы нашу науку — фармакологию. Вам известно, как дорого — в буквальном смысле слова — она обходится? Американцы, например, три года назад исследовали сто тысяч соединений, синтезированных химиками. Прочно вошли в медицину только семь соединений, а принципиально новыми оказались всего три. Подсчитали: один препарат стоил примерно семь миллионов долларов. Но средств тут жалеть не приходится: речь-то идет часто о самой жизни. А уж труда своего и вовсе не жалеешь. Вот вам и фанатизм...

К слову заметим, когда профессор и его помощники искали новое средство для борьбы с гипертонией, им пришлось изучить около пятисот соединений. Нашли же они шесть заменителей резерпина, дешевых и нетоксичных. Теперь иностранные фирмы просят прислать эти препараты.

— Так всегда у фармакологов,— продолжает Константин Станиславович. — Хочешь получить принципиально новое лекарство — путь один: исследуй как можно больше химических соединений. А в радиологии нам придется еще труднее. Для фармакологов это занятие новое. До сих пор мы не участвовали в разработке средств защиты. Тут трудились биологи и физиологи. Ученые мира изыскали способы защиты от двукратной смертельной дозы излучения. Это примерно тысяча двести рентген. А мы мечтаем о том, чтобы научиться снимать пятикратную смертельную дозу. Орешек твердый! Кто-то метко сказал, что радиологи приступом взяли второй этаж здания. Теперь нужно укрепить все свои позиции на этаже, вылизать каждый уголок, чтоб ничего неясного не осталось. А там уж сможем штурмовать следующий этаж!

Мы, фармакологи, ищем в институте средства для борьбы с геморрагическим синдромом. Что это значит? При лучевом поражении нарушается целостность сосудов, в результате — кровоточивость, кровоизлияния. Весь организм отравляется через кровь, отравленную излучением. Вот мы и изыскиваем препараты, которые уплотнят стенки сосудов. Задача хитрая, но мы, знаете ли, оптимисты. Оптимизм нам учителя прививали, старики-то знают, что без него вперед не двинешься.

У Константина Станиславовича в бытность его студентом был хороший учитель — Николай Васильевич Вершинин. Его портрет всегда висит в кабинете профессора. Может, благодаря ему и стал ученым сын рабочего, родившийся в каторжном Каинске, куда были сосланы его деды, белорусские повстанцы. Николай Васильевич привил студенту-медику любовь к науке. И в 1937 году Шадурский защитил свою кандидатскую диссертацию «Синтетическая камфара». После работы Константина Станиславовича импорт камфары из Японии был прекращен.

От Вершинина, вероятно, профессор перенял и другую свою страсть — растить пополнение для науки. 39 человек защитили под его руководством диссертации. Может быть, и в Обнинск приехали его выученики из Минского мединститута?

— Нет, не люблю я, знаете ли, возить за собой питомцев. Неприятно это выглядит: извольте любоваться, прибыл метр со своею школой. Лучше я тут новых воспитаю. Просился ко мне мой любимец из Ярославля. Говорю ему: «Ну что тебе со мной делать? Ты уже стоишь в науке на обеих ногах, создал свое направление». А он: «Я вам помочь хочу». «Спасибо,—отвечаю,— только давай уж лучше я тебе помогать буду, пока в силах!»

МУКИ ДРОЖЖЕВОЙ КЛЕТКИ

В кабинете Владимира Ивановича Корогодина — он возглавляет лабораторию радиобиологии клеток и тканей — мы увидели забавный рисунок. Дрожжевая клетка, истекая слезами, жалобно кричит: «Замучили!» Шуточный плакат прислали корогодинцам с кафедры биофизики Московского уни-

верситета, своеобразно отметив вовсе не шуточные успехи лаборатории.

Когда ее сотрудники приехали в Обнинск, главного корпуса еще не было. Поместили их в виварии — «вместо кроликов», улыбается Владимир Иванович. Теперь уже можно с улыбкой вспоминать январь 1962 года. А ведь тогда приходилось нелегко. Холодно было, сидели в шубах. Корогодину-то стужа не страшна: окончив университет, он два года работал зоотехником-оленеводом в Коми АССР. Так в шубах и занимались по шесть часов в день. Слушали доклады, лекции, проводили семинары. Потом начались эксперименты с дрожжами.

Холод мешал и опытам: дрожжи отогревали на еле теплой батарее и, спрятав на груди, уносили домой. Но главная трудность таилась в самом содержании экспериментов.

Можно ли восстановить жизнедеятельность клеток, пораженных излучением? — вот смысл работ лаборатории. Справедливости ради скажем: ее сотрудники не первые начали заниматься этим. Благоприятные предсказания тут были сделаны биологами еще в 20-х годах. Несколько лет тому назад появились одна за другой три работы: у нас, в США и в Англии,— где возможность восстановления клеток была доказана экспериментально. И теперь многие исследователи мира трудятся над этой проблемой.

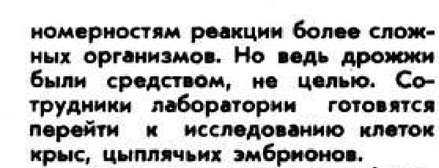
Успехи здесь немалые: сейчас выживаемость клеток после облучения можно повышать в сотни раз. Корогодинская лаборатория внесла свою лепту в общий успех. Дрожжевую клетку мучили не зря: материалов накоплено много.

Константин Станиславович Шадурский.

И молодой физик Юрий Геннадиевич Капульцевич разработал математическую модель процесса восстановления. Это очень важно для будущих исследований.

Дрожжи, сослужившие ученым добрую службу, теперь готовятся к отставке. Правда, это весьма удобный объект для эксперимента. Клетки простые, работать с ними легко, а закономерности их реакции на облучение подобны зако-

номерностям реакции более сложных организмов. Но ведь дрожжи были средством, не целью. Сотрудники лаборатории готовятся перейти к исследованию клеток крыс, цыплячьих эмбрионов.

— Комплекс задач у нас обширный,— рассказывает Владимир Иванович.— Уточняем сроки в периоде жизненного цикла клетки, когда она сохраняет способность к восстановлению. Исследуем связь этой способности с клеточным делением, с синтезом нуклеиновых кислот, с генетической конституцией клеток, с их наследственными свойствами. Думаем, этот комплекс займет у нас лет десять.

УСПЕХ ПОСЛЕ ОТЧАЯНИЯ

В годы войны эти руки держали штурвал бомбардировщика. Потом, окончив институт, патоморфолог Станислав Ипполитович Харлампович боролся в Средней Азии с самыми опасными болезнями...

Обнинск. Станислав Ипполитович готовится к операции. Раздается команда: «Скальпель!» А пациента на операционном столе и не видно: его закрыли руки медиков. Это крыса специально выведенной породы. Ученые назы-

вают таких животных линейными. Зверек поражен злокачественной опухолью — миксосаркомой.

В отделе патоморфологии, которым руководит член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Анатолий Анатольевич Войткевич, наряду с прочими важными проблемами сражаются с врагом человечества № 2 — злокачественными опухолями.

Лучевая терапия для истребления рака применяется не первый день. Но луч, разрушая опухоль, иногда повреждает и здоровые ткани, например, кожу, через которую он проникает в больной орган. Как избежать вредного побочного действия целебной радиации? Ответ в общем-то ясен: нужно защитить, заслонить здоровые ткани. А чем именно? Не станут ли тут щитом гормоны, вырабатываемые эндокринной системой? Морфологи считают: если удастся заставить какой-то гормон концентрироваться в коже хоть на несколько часов и не накапливаться в пораженном органе, то опухоль можно разрушать облучением без всякого вреда для здоровых тканей. Вообще многие исследователи теперь полагают, что гормоны играют отнюдь не последнюю роль в возникновении и развитии бластоматозного, то есть ракового, роста. Гормоны щитовидной железы, например, при одной дозе убивают опухоль, а при другой — служат ей отличной пищей.

Однако, чтоб исследовать действие гормональных препаратов на опухоль, нужно иметь эту опухоль под руками. Да вот беда: штаммы опухолей для линейных крыс пока никому получить не удалось.

Станислав Ипполитович и заведующий виварием доцент Сергей Петрович Подсосов решили сами вывести такие штаммы.

Одним крысам вшили под кожу кусочки пластика, который может вызвать бластоматозный рост. Других облучили. Прошло положенное время. Крысы с пластиком остались здоровехоньки, а из 20 облученных выжили только три. Но даже пристрастный анализ после вскрытия не обнаружил и признаков опухоли!

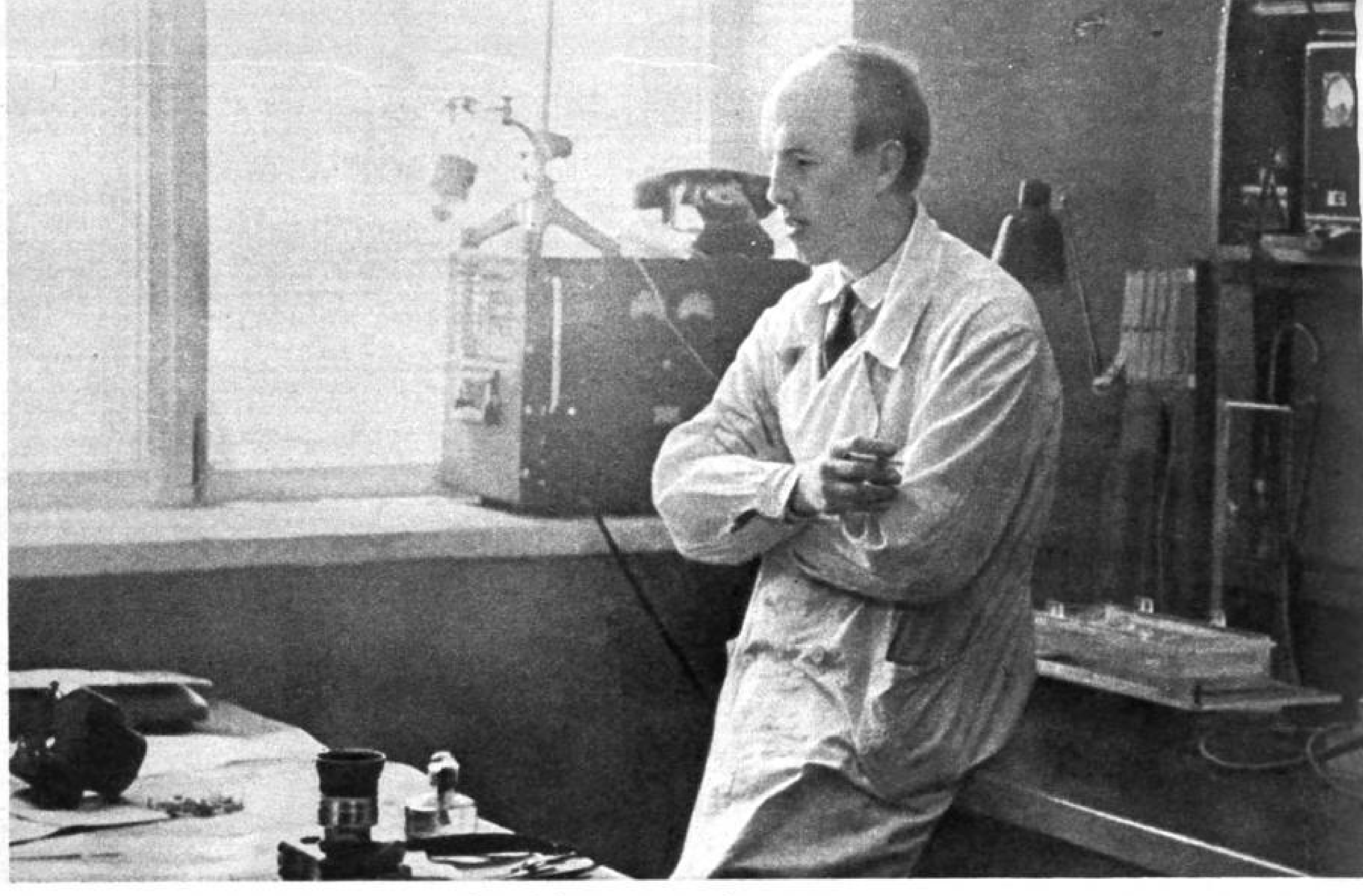
— С отчаяния, что ли,— вспоминает Станислав Ипполитович,— только решили мы подсадить пластик крысам, выжившим после облучения. Такого еще никто не делал. Прошло семь месяцев и двадцать два дня. Вдруг прибегает ко мне лаборантка, зовет в виварий: Сергей Петрович обнаружил опухоли у крыс, у всех трех.

Так ученые добыли штаммы миксосаркомы — прекрасный материал для опытов,— а кроме того, доказали, что бластоматозный рост может быть вызван наряду с другими причинами и сочетанием лучистой энергии с пластиками, то есть смолами. Развитие опухоли при этом идет бурно: в опытах с пластиками она появлялась года через полтора, а тут не понадобилось и восьми месяцев.

Крыс теперь подвергают множеству экспериментов: морфологи ищут наиболее действенные комплексы — облучение плюс гормоны, способные подавлять развитие некоторых злокачественных опухолей.

КОГО СЧИТАТЬ МОЛОДЫМ!

Очень хотелось поделиться с читателями всем, что мы узнали в институте. Но, к сожалению, в короткие заметки всего не уложишь, и мы с досадой говорили друг другу: «Слушай, а ведь о трудах Анатолия Анатольевича Войткевича по нейроэндокринологии мы так и не рассказали!» Не пришлось упомянуть и генетиков, изучающих влияние радиационной энергии на наследственность, и гигиенистов во главе с профессором А. В. Быховским, занимающихся профилактикой лучевых поражений...

Андрей Александрович Стрекалов.

И все же хоть несколько слов хочется сказать о работах молодых исследователей, недавно пришедших в науку.

Впрочем, кого же считать молодым? Оказалось, это не так уж ясно. В институте нам посоветовали:

— Обязательно познакомьтесь с Виктором Петровичем Балудой. Он руководит лабораторией гематологии. Это молодой, весьма перспективный ученый. Недавно защитил докторскую.

Мы познакомились с Виктором Петровичем. Его работы в самом деле очень интересны. Он изучает механизм кровоточивости и тромбообразований в облученном организме. Но Балуда не новичок в науке, и успешно защищенная докторская диссертация тому свидетельство.

А вот биохимик Андрей Александрович Стрекалов — действительно молодой ученый. Он даже кандидатскую диссертацию еще не защитил. Его тема — электрофорез, разделение гемоглобинов в электрическом поле. Андрей Александрович долго объяснял нам свое мудреное занятие, наконец мы немножко разобрались, в чем тут дело. Клетка, пораженная излучением, может погибнуть, может и выжить, но белки она уже будет конструировать не те, что прежде. Если ученый с помощью электрофореза определит характер изменений белковых компонентов, это будет очень важно для выяснения механизма действия радиации на клетки.

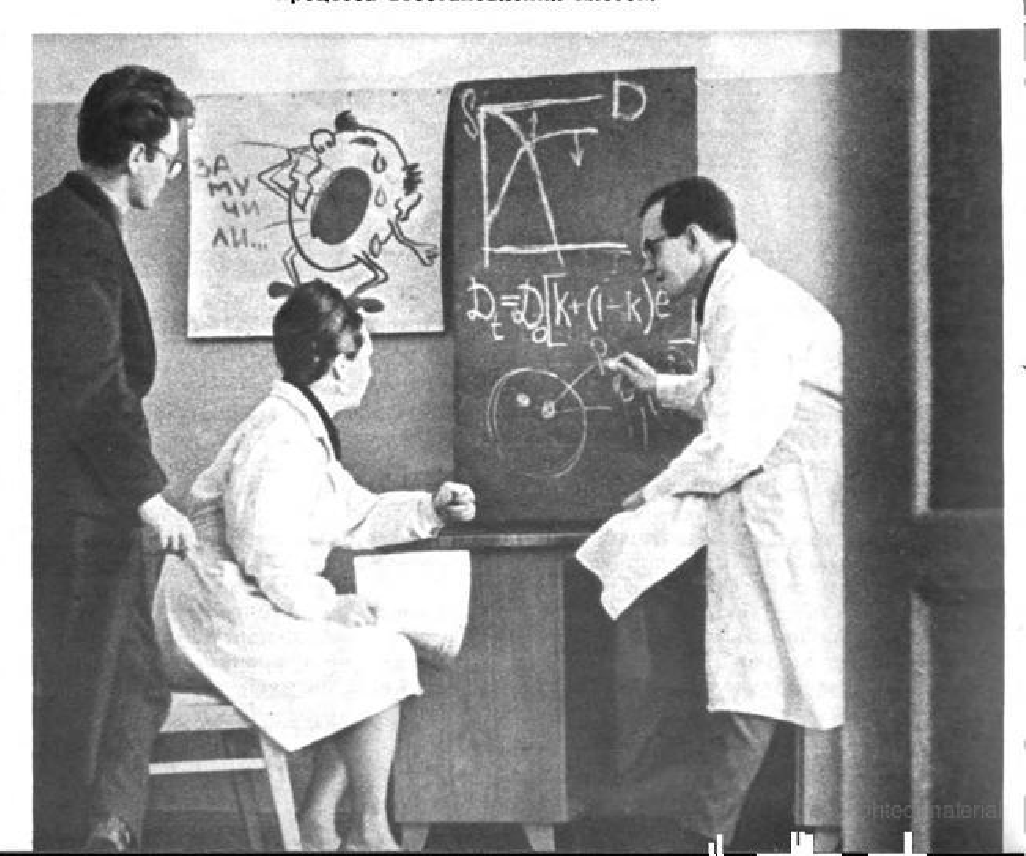
Из лаборатории молекулярной радиологии, где работает Стрекалов, мы направились в трехэтажный корпус, стоящий чуть на отшибе. Там трудятся физики. Вместе с заведующим лабораторией В. Ф. Смирновым их «чертова дюжина», и все они завидно молоды: научный стаж — два-три года. Владимира Федоровича мы, к сожалению, не застали и были приняты его заместителем Владимиром Ивановичем Ермаковым.

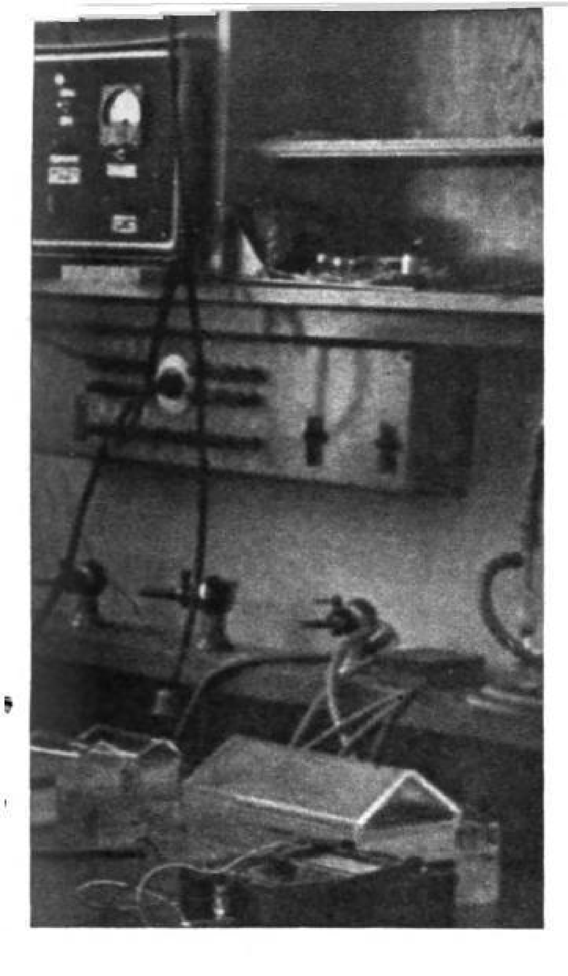
И вот тут, в комнатах, заставленных внушительными аппаратами, нам пришлось худо. Любопытная вещь: чем старше ученый, чем больше он совершил, тем проще и приветливее говорит с непосвященными о своем деле. А молодые—попробуй разговори их! Владимир Иванович смущенно улыбался и цедил отрывистые фразы, резонно полагая, что мы все равно ничего не поймем в таинствах физики. Наконец юные ученые чуть оттаяли, объединили усилия и, перебивая друг друга, кое-что рассказали нам.

Съехались они из разных мест: из Казахстана, Сибири, из Горького,— но в основном тут представлен физфак МГУ. Когда физиков распределили в Обнинск, они приуныли: теоретики, экспериментаторы, и вдруг — медицина. Где же справедливость? Приехав сюда, повеселели: условия для работы прекрасные. А главное — именно здесь, на стыке наук, физиков и ждут величайшие открытия.

Работают они в содружестве с другими лабораториями. О Капульцевиче мы уже говорили. Сергей Александрович Дубровин вместе с профессором И. А. Ойвиным — лаборатория патофизиологии — разрабатывал радиационный метод непрерывного определения отека: ведь динамика отека при воспалениях еще мало изуче-

Юрий Геннадиевич Капульцевич, ординатор Светлана Яковлевна Холева и Владимир Иванович Корогодин обсуждают математическую модель процесса восстановления клеток.

на. Но основные занятия физиков, конечно, в их собственной лаборатории. Тут определяют степень естественной и наведенной радиоактивности в организме человека и животных, в атмосферных осадках, в пище. Разрабатывают и методы радиоизотопной диагностики.

Совместный труд сближает людей. И молодые исследователи привыкли все делать сообща. Даже заметку «Физики сами о себе» в стенгазету вместе писали. Живут весело: ездят в Москву в театры, проводят спортивные соревнования. Но вообще-то на развлечения времени остается мало: работы уйма.

— Посмотрите-ка,— сказали нам на прощание физики,— уже вечереет, а вон сколько огней в окнах: пока длится эксперимент, из лаборатории не уйдешь.

Владимир Иванович Ермаков.

В этом номере стенгазеты будет заметка «Физики сами о себе».

ЖИВУЩИЕ В ГЛУБИНАХ

На полках шкафов — стеклянные цилиндры с диковинными рыбами. Эта редчайшая коллекция принадлежит лаборатории нектона Института океанологии Академии наук СССР.

Руководитель лаборатории доктор биологических наук Т. С. Расс рассказал нам, что до появления экспедиционного научного судна «Витязь» изучением глубоководных рыб в СССР, по существу, не занимались. Объясняется это трудностями работы на больших глубинах и отсутствием специальных средств, позволяющих добывать обитателей таинственных глубин мирового океана. Научно-промысловые экспедиции обследовали в основном только верхние слои вод. Поэтому количество глубоководных рыб в музеях СССР не превышало 15—20 экземпляров.

С появлением «Витязя» глубоководные рыбы сразу же оказались в поле зрения наших ученых, обитателей глубин стали собирать тысячами экземпляров, в том числе неизвестных доселе видов.

Исследование глубоководных рыб очень важно для науки. Обитатели больших глубин выработали целый ряд приспособлений для существования в условиях постоянного мрака, холодных неподвижных вод и огромного давления. Изучение этих приспособлений расширяет наши представления об эволюции животного мира. Рыбы приспосабливались к жизни на глубинах в разные эпохи существования Земли. Поэтому исследования позволили открыть здесь представителей древних групп животного мира из предшествующих геологических периодов. Изучение состава глубоководных жителей в разных районах мирового океана помогает ученым также проследить историю возникновения глубин и их взаимосвязь.

В коллекции очень много интересных экспонатов. Есть «чемпионы» глубин, как их прозвали сотрудники лаборатории, впервые в мире добытые из глубоководной впадины Тихого океана с глубины 7 579 метров. Эти рыбы, длиною до 25 сантиметров, совершенно бесцветны, с маленькими глазами, прозрачной кожей.

Обо всех жителях океанских глубин не расскажешь — их около 10 тысяч. Жаль только, что эта уникальная коллекция недоступна для массового обозрения. Ютится она в тесных комнатах. Стоит подумать о специальном помещении — выставке, чтобы любители природы могли ознакомиться с обитателями морской бездны и оценить труд ученых, изучающих глубины мирового океана.

Бор. ГРОМОВ

В лаборатории нектона. Профессор Т. С. Расс и старший лаборант-препаратор Н. И. Афанасьева.

Фото В. Мусинова.

Время летних отпусков

Бурятская АССР. Санаторий «Аршан».

Громады пробковых деревьев и пирамидальных тополей тянутся к синеве неба. В куще ветвей белые здания санаториев. Цветут чайные розы, алокрасные канны. А внизу, перекатывая волны о песчаный плес, бьется море.

— Это Южный Крым! — воскликнет читатель.

— Вы ошибаетесь,—возразит другой,— это — Кавказское побережье.

Ошиблись оба. Курорт этот называется Сад-город, и расположен он на живописном берегу Амурского залива под Владивостоком. Есть здесь лечебные грязи и целебные источники. И вряд ли жителям Приморского и Хабаровского краев, Камчатки и Сахалина, чтобы отдохнуть и подлечиться, нужно тратить время и деньги на дальнюю дорогу в санатории Кавказа и Крыма.

— Ну, хорошо у жителей Дальнего Востока есть свои курорты, а где отдыхать иркутянам, красноярцам или омичам?.. У них же нет своих морей, а до Сочи или Владивостока далеко.

С этим вопросом наш корреспондент обратился к председателю Центрального совета по управлению курортами профсоюзов И. И. КОЗЛОВУ.

— Но у них есть горы, полноводные реки, озера,— ответил Иван Иванович,— около которых расположены санатории, дома отдыха.

Самый молодой в стране курорт — в Барабинской степи — «Озеро Карачи». Озеро как озеро, с чуть солоноватой водой. Но что за название? «Карачи» означает «черный ил», или «черная грязь». Целебные ее свойства люди узнали еще в давние времена. Теперь к озеру подступает тенистый парк, где пестрят цветы, бьют фонтаны. Из-за густой зелени белеют каменные корпуса.

Недавно в поисках питьевой воды неподалеку от озера начали бурить глубокие скважины. И вот с глубины 1 100 метров ударил фонтан. Химики определили, что по своим лечебным качествам эта вода не уступает таким замечательным минеральным источникам, как Ессентуки и Арзни.

Легендами об исцелении от самых различных болезней окутан курорт Белокуриха, в предгорьях Алтая. К курорту с юга подступает трехгорье, поросшее могучими соснами, лиственницами. Ниже березовые и кленовые рощи, альпийские луга. Зимой еще издали замечаешь, как над заснеженным парком поднимаются клубы пара. Это курятся источники, температура которых достигает сорока градусов. По своим лечебным свойствам они превосходят прославленные источники Цхалтубо и Пятигорска. Курорт расширяется.

Советское правительство,— продолжает свой рассказ Иван Иванович,— делает все, чтобы организовать отдых и лечение людей в их родном краю. Земля наша богата дарами природы. Забайкалье, например, называется страной нарзанов. Только в одной Читинской области найдено больше 270 минеральных источников, около 40 целебных озер. И сейчас уже там действует шесть курортов.

В голубоватой дымке горы, хвойные леса, большие озера, чистейший сухой воздух делают район Боровое в Кокчетавской области одним из красивейших в стране. Если добавить, что здесь неподалеку есть лечебные грязи и минеральные воды, станет ясно, почему Боровое хорошо знают за пределами Казахстана. Здесь работает пять санаториев и три дома отдыха. А в скором будущем Боровое станет крупнейшим курортом Целинного края.

Фахри ЭРДИНЧ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Рассказы о моей стране

Веревка

Рыжий до бровей, до кончиков ресниц этот парнишка Касым. Точно сухой, осенний лист. Сколько ему лет, сказать трудно. Посмотришь — еще птенец, в школу пора, послушаешь — давно окончил школу.

К примеру, сегодня в Анкаре день отдыха. Пойдешь на базар. Касым непременно тебя найдет, усядется на корточки, снимет со спины ношу — маленький сундучок, похожий на солдатский ранец. Висит он у Касыма на шее на двойной веревке, крышка открыта.

— Есть у меня зеркальца,— говорит он.

— Не хочу,— отвечаешь.

— Тогда я тебе дам резинки для белья.

— Не нужно,— отвечаешь.

— Пряжки, бельевые прищепки тоже не нужны? — спрашивает.

— Ступай, ступай,— отвечаешь.

— Возьми хоть две французские булавки,— говорит.

Тут уж не выдерживаешь: или покупаешь две булавки, или уходишь прочь. Только не надо сердиться. Касым тоже не сердится. Повесит себе на шею сундучок и пойдет к другому.

Касым продает зеркальца, но сам в них не смотрится. Зачем? Он и так знает, что волосы у него свалялись, как овечья шерсть, лезут на уши. А если голодная собака слижет грязь с его лица, то, пожалуй, насытится. Касым продает бельевые резинки, но белья у него нет. Есть только брюки — если надеть их на чучело, ни одна ворона в огород не залетит. В них спокойно влез бы еще один Касым. Торчат колом, точно кожаные. Все в известке. Отец его был штукатуром, штаны — отцово наследство.

Но Касым не сирота. Отец его не умер.

Длинная это история. Но вкратце вот она. Прошлый год, как раз вот в это время, отец Касыма построил на лугу Джебеджи конуру. Так ее оштукатурил, что и не говори. А мать побелила. Вот и вышел домик, что твое гнездышко. Преклонили они наконец свои головы в собственной комнатке. Ноги, правда, наружу торчали, но счастливы были страшно. Счастье их продолжалось ровно неделю. Явились чиновники, полицейские.

— Участок ваш?

— Нет.

— А разрешение на постройку?

— Нет.

— План у вас есть?

— Короче,— сказал отец.— Кроме бедности, ничего у нас нет.

И слушать не стали. Обещали завтра прийти и разрушить. Не одну их лачугу собирались ломать. Сказано—сделано. На следующий день пришли с кирками, лопатами, с полицией, с жандармами. Матушка Касыма, покойница, стала плакать, кричать, убиваться. Забилась в домик, как птица в клетку, и села в углу.

— Выходи! — говорят.

— Не выйду,— отвечает,— пусть валят на мою голову, не выйду.

Свалили ей на голову. Свалить свалили, да только отец Касыма взял и свалил полицейского — одним ударом палки. Второго удара не сделал. Смешался с толпой. Жандармы открыли огонь. Схватили или нет, никто не знает. Что потом было, один Касым знает. Затем его мать похоронили соседи. Без савана. А Касым остался на улице.

И вот уже год продает мальчишка зеркальца. По базарным дням ходит на рынок. А в другие дни садится на углу улицы Бахчелиджихан, ставит перед собой открытый сундучок, раскладывает товар. Но не успевает сделать почин, как является полицейский. Тот самый, которого прозвали «Дермо-Нихад». Из полицейского участка на улице Освобождения. Попробуй освободись от мерзавца!

— Эй, ублюдок, снова явился?

Касым не полез бы в карман за словом, оно вертится у него на языке. Но Касым язык не распускает.

Целый год одни притеснения. Сначала поступил он мальчишкой в рабочую кофейню на той же улице. Дермо-Нихад прицепился к хозяину. Хочешь не хочешь, пришлось тому выгнать Касыма. Стал он чистить ботинки. Взяли и отобрали ящик с ваксой и щетками. Несколько месяцев назад приспособился к новому делу. И опять нет покоя.

— Есть у тебя патент на торговлю с рук?

— Вот.

— На этом углу сидеть запрещено.

Что ему делать? Касым идет на другую улицу, садится на другом углу. Дермо-Нихад идет за ним. Как пнет ногой сундучок! А разбитые зеркальца кто потом купит? Рассыплются иголки да булавки, попробуй-ка собери! А станешь с ним драться, так ведь у него пуговицы на спичках держатся. Как заорет: «Ой, оторвал пуговицу с мундира!» — и пожалуйте в участок. За это три месяца тюрьмы. Но Касыма держат под стражей не больше одного дня. Зато три раза отлупят. А на следующий день иди гуляй.

Ничего не поделаешь. Но Касым нашел выход. Как привяжется к нему Дермо-Нихад, он сунет ему бумажку в кулак. И так каждый день. После торгуй себе спокойно. Да только покой этот пошли аллах лучше нашим врагам!

— А ну, недоносок, говори, где отец?

Как же, скажет он им! Касым уже не тот ребенок, что был год назад. Он «один из детей Ататюрка» [1]. Один из тех наших детей, что сами себя качают в люльке. Мальчишка бездомный. Где сон застанет, там спит. Вместо подушки — сундучок.

Ночь сегодня теплая-теплая. Месяц яркий. Поздно. На улицах ни души. На площади Улус [2]

---

[1] «Дети Ататюрка» — так в турецких газетах именуют сирот, о которых должно заботиться общество.

[2] Главная площадь Анкары, где стоит памятник Ататюрку.

Фахри Эрдинч, турецкий революционный писатель, родился в 1917 году в семье учителя. Первые его книги вышли в сороковых годах. Он автор двух сборников стихов, романов «Горький ломоть», «Али — один из многих» и пяти книг рассказов. За свои демократические взгляды подвергался преследованиям полиции и был вынужден эмигрировать из страны.

никого, кроме Ататюрка. Посредине площади — большущий камень, на нем — конь, на коне — Ататюрк. Внизу, перед ним, солдат приложил руку к глазам, смотрит вдаль. Справа, в восьми шагах, еще один: грудь распахнута, рука протянута назад — зовет отставших. С другой стороны — тетушка Кезибан [1]. На плече у нее — снаряд, побольше нашего Касыма. Перед нею Касым, на плече — деревянный сундучок.

Глядит Касым, разглядывает всех по очереди. А те сияют. И ноги их стоят на чистом белом мраморе. Не вытерпел мальчонка — и туда. Залез, уселся в ногах у Кезибан, положил голову на сундучок и уснул непробудным сном, словно в добром, чистом доме у матери на коленях.

Тут кто-то пнул его сундучок.

— Вставай, эй ты, ублюдок!

Глаза у Касыма распахнулись, словно крышки от часов. Сразу смекнул, в чем дело.

— Где твой отец?

Касым, не раздумывая, показал грязным пальцем на человека верхом.

— Вот мой отец!

Дермо-Нихад невольно глянул наверх. Увидел только стремя и сапог Ататюрка со шпорой. Отшатнулся, словно от оплеухи. Проворчал:

— Ты еще и нашего Ата [2] оскорбляешь?

Как даст Касыму пощечину! Мало показалось — еще одну. Нагнулся, взял сундучок. Касым — за веревку. Тянут-потянут — веревка и осталась в руках у Касыма. А Дермо-Нихад, ругаясь, ушел, держа сундучок под мышкой.

Касым окаменел. Застыл, как меметчики [3], как тетушка Кезибан. Ничего у него теперь не осталось, кроме веревки. Повертел ее в руках, оглядел. На одном конце веревки осталось кольцо. Отвязал кольцо, положил в карман. Потом задумался. Кто знает, о чем? Ловко сделал петлю на одном конце. Поглядел на тетушку Кезибан, подумал: «У нее и без того тяжелый груз!» Подошел к солдату. К тому, что, протянув руку, звал отставших. Накинул ему на руку другой конец веревки, завязал. Попробовал, крепко ли. У меметчика железная рука, выдержит.

Не Ататюрк, автобусные кондукторы заметили Касыма, дергавшегося в петле. Они ехали из Кечиорена с последним автобусом. Подоспевший первым резанул веревку ножом. И поймал Касыма еще в воздухе. На том же автобусе отправили его в больницу. «Повезло,— сказали там.— Еще жив. Еще попьет водички, помучается...»

Когда вешался, Касым ни капельки не боялся. А теперь обуял его страх: трое суток не мог от страха уснуть. Как он теперь посмотрит в лицо отцу? Может, тот тоже узнал. А может быть, и нет? Ведь даже газеты об этом писали.

Выйдя из больницы с повязкой на шее, Касым с тем же страхом в душе отправился навестить отца. Сын с отцом снова встретились в том же месте, которое целый год пытался выведать у Касыма Дермо-Нихад. Касым не решался глянуть отцу в глаза. Чтобы не зашла об этом речь, вынул сразу из-за пазухи восемь лир, протянул отцу.

— Послушай меня,— сказал штукатур.— Даже отцу, что не может прокормить своих детей, не пристало вешаться. Тем более такому мальчонке, как ты, который кормит отца. Ты понял?

— Понял, отец.

— А знаешь, на что годится веревка?

— Знаю, отец.

— Ну скажи, на что?

— Не знаю, отец.

— Тогда я скажу. На качели годится? Годится. Для белья годится? Годится. Для носильщика годится тоже. А то, что ты сделал...

Касым заплакал.

— Повеситься на веревке не фокус,— сказал отец.— Попробуй-ка связать ею Дермо-Нихада, вот тогда поглядим.

— Но я еще маленький, отец.

— Чего же ты тогда вешаешься? Погоди, вырастешь. Ты понял меня?

— Понял, отец.

— Ну, ладно. Возьми-ка эти восемь лир. Завтра же сообрази себе новый сундучок. Снова булавки, резинки, зеркальца купишь...

И все началось сначала. Дермо-Нихад гонит его. Касым переменит угол. Снова гонит. Переменит улицу. А что еще делать Касыму? Переменить всю Анкару он не может. Это дело не его, а таких, как его отец.

Коза

Наконец надоело ему это, вот так! Сказал, как отрезал: «Продам!» Что? Скажешь, дом — так дома у него нет. Скажешь, землю — тоже нету. Может, одеяло да котел — и этого не осталось у бедняги. Одна паршивая козочка была. Ее и решил продать.

В день ярмарки отправился в город. Он впереди, коза позади. Шагай себе да шагай. Шагай — это еще красиво сказано. Тащились они, а не шагали. У козы шагать-то и силушки не было. Ей уже годов порядком было, это раз. А второе — шерсть вылезла, спина от головы до кончика хвоста в парше. Струпья, что черепица. Мухи, точно гости на свадьбе, то сядут попить, то пойдут танцевать. А зеленые мухи самые нахальные, хвоста ведь настоящего у козы не было, чтоб их отогнать. Вместо него голый крючок вроде запятой. А те места, что аллах оставил у козы голыми, полны мошкары. Едят животину, пьют ее кровь. И, словно мало ей этих мучений, между задних ног мотается еще что-то вроде тряпицы. Вымя! Сморщенное, дряблое, висит на жилках. Притронься ножницами — и шлепнется в горячую дорожную пыль. Но старается, бедняжка, вихляется, тянется, а идет. Да и что ей делать, если хозяин дергает за веревку и бранится на чем свет стоит?..

Ругает он не козу — сборщика налогов. Спорит с ним про себя: «Ах ты, бесстыжий, ах ты, бессовестный! На что это похоже? Одна паршивая коза осталась. Да и у той из вымени не капает ничего. Нечем сирот прокормить. А тут возьми да выложи сто шестьдесят курушей! За что? Налог за козу. По двадцати курушей за восемь лет. Накопилось. На вот, выкуси! Откуда взять-то? Вся коза столько не стоит. Переел мне плешь. Бог с ней, сколько дадут, за столько и продам. И делу конец!»

Горько стало ему, словно яду наглотался. Повернулся и плюнул на тень козы. Дернул за веревку и прибавил шагу.

На ярмарке он всего боялся. На канатоходцев и не взглянул. Быстро прошел мимо балагана, где показывали отрубленную говорящую голову, летающую девицу и глотателя шпаг. Все шарил взглядом по толпе. Не покупателя искал — боялся со сборщиком налогов встретиться. Не дай бог увидит — прощай тогда коза. И козу жаль и зря прошагать столько часов по жарище — упаси аллах!

Прошелся перед прасолами, что охотятся без ружья за пернатой и рогатой дичью. Погулял в шашлычном ряду. Никто на его козу и не глянул. Побродил по базару эдак с час. Весь взмок. Душа сжалась в комок, в ореховой скорлупке уместилась бы. И проголодался страшно...

«А разве этой бедняжке неохота травки пощипать? Разве воды испить неохота? — подумал он с тоской.— Если бы только попался добрый покупатель».

Наконец пузатый торговец шашлыком крикнул старушечьим голосом:

— Эй, земляк, продаешь, что ли, этот скелет?

— Продаю,— ответил крестьянин.

— Раздоенная?

— А как же... Станешь кормить хорошо, молоко рекой польется.

Торговец осклабился, показав золотые зубы.

— Ну, давай говори, почем.

— А что говорить? Одолели налоги... Сто шестьдесят курушей надо уплатить за нее. И все. Дальше дело твоей доброты. Дашь каравай белого хлеба, два шашлычка да детишкам...

Торговец сплюнул, отвернулся и принялся рубить мясо.

— Ну, а ты сколько дашь? — спросил крестьянин.

Тот, держа в руке кусок мяса, поднял указательный палец.

— Одну бумажку!

Крестьянин, ни слова не говоря, взвалил козу на плечи и побежал к мосту. Словно спасал имущество от пожара. Торговец проводил его удивленным взглядом. Но тут же понял, в чем дело. Запыхавшись, подбежал к нему сборщик налогов.

— Чего хотел от тебя этот оборванец?

Торговец сделал вид, что не слышит, принялся раздувать огонь в мангале.

— Шашлыки! Сладкие шашлыки!

Сборщик зашелся от крика:

— Отвечай, чего он хотел от тебя? Продать хотел?

— Кто?

— Вот этот, что убежал.

— Что продать?

— Козу.

Торговец опять ухмыльнулся во весь рот.

— А на что мне коза, бей? У меня шашлыки только из баранины. Погляди на мясо... Шашлыки-и-и! Сладкие шашлыки-и-и!

Сборщик потянул воздух носом. Прижал портфель локтем, поправил соломенную шляпу и зашагал к мосту.

Крестьянин, перейдя через реку, давно уже скрылся в зарослях. Привязал козу к дереву и задумался. Долго и трудно он думал.

Когда солнце стало клониться к западу, он встал и дальними окраинными улицами направился к мечети Паша. Вошел во двор, тихонько подошел к писцу Абдуллаху.

— Ради бога, напиши мне две-три строчки на бумажке размером с ладонь. Только в долг...

— Прошение?

— Нет. Письмо. От имени моей козы.

Абдуллах-эфенди поглядел ему в лицо: «Свихнулся он, что ли?»

— Ты пиши,— сказал крестьянин.— Только буква в букву пиши, что я скажу.

Они принялись за дело.

На следующее утро полицейский, бросившись открывать дверь вали [4] Салиму-бею, увидел, что к воротам губернаторского особняка привязана коза. От ужаса он языка лишился. Вали заметил бумажку, привязанную к ее рогам. Взял, прочел.

«Вали-бей,— писала коза.— Мой хозяин — бедный крестьянин. Не смог осилить ста шестидесяти курушей налога, что за мной накопился. Привел вчера продавать. Дали одну лиру. Столько, выходит, я стою. Чтобы погасить долг, не хватает еще шестидесяти курушей. Что вам стоит? Внесите разницу вы, а я останусь в вашем дворе. Простите меня, бедную. Я паршивая, но с грехом пополам могу выдавить миску молока. Целую ваши руки. Мой хозяин Сарычизмели Мехмед-ага шлет вам свой привет».

Было это в Балыкесире. В городе объявили чуть ли не осадное положение. Искали Мехмед-агу, искали, с ног сбились, не нашли.

Не нашли его и в деревне. Пропал.

Перевел с турецкого Р. Фиш.

---

[1] Кезибан — героиня национально-освободительной войны 1919—1922 годов.

[2] Ата — отец. Ататюрк — отец турок — фамилия, присвоенная Мустафе Кемалю Великим национальным собранием Турции.

[3] Меметчик — прозвище турецкого солдата.

[4] Вали — губернатор.

НЕУДАЧНЫЙ РЕЙС

Ю. КРИВОНОСОВ

Из невидимой за горизонтом точки тянутся через все небо три гибких прожекторных луча и буравят черноту ночи мерцающим сине-зеленым светом. Клочья холодного огня повисают над взъерошенной водой, похожие то на колышущиеся занавеси, то на трепещущие гигантские веера. Горизонт вокруг унизан золотистыми крапинками электрических огней — целые россыпи. Кажется, что находишься в центре озера, окольцованного щедро освещенным городом. Неестественно, призрачно, театрально. Но нет ни озера, ни города, ни прожекторов — только истерзанное волнами море, огни рыбацких судов, холодные дрожащие сполохи северного сияния.

Вахтенный штурман рассказывает не то байку, не то быль: молодой «штурманец» впервые стал на самостоятельную ночную вахту. Капитан указал ему курс и лег поспать, а судно тем временем подошло к району промысла, где скопилось много кораблей. «Штурманец» разбудил капитана и испуганно прошептал:

— Курс правильный, а впереди город!

Капитан, переворачиваясь на другой бок, невозмутимо посоветовал:

— А ты не робей, входи в город и шуруй по главному проспекту!

Рассказал нам это штурман, а сам не улыбнулся; вижу, что шутить ему неохота: не то настроение. Да и откуда взяться веселью, когда рейс не задался с самого начала? Вышли, правда, хорошо, как всегда, досрочно, сократив стоянку в порту на два часа. А потом пошли сплошные неприятности. Еще в заливе заметили: чайки парят высоко — быть шторму. Так и случилось. Только вышли в море — закачало. Нос задирался к невидимому в ночи небу, а потом валился вниз, навстречу крутой волне. Над полубаком взлетал пенистый вал и через мгновение рушился на палубу, бил по стеклам ходовой рубки. К утру немного стихло, попробовали ловить, но рыба не шла. Потом судно резко дернулось — трал зацепился за что-то да так на дне и остался: оборвало. Ушли в другой район, оснастили новый трал, а теперь вот уже сутки штормуемся: держимся малым ходом, носом на волну — вот и вся работа. Горит промысловое время, горит план...

А план — это заработок рыбака, да и не в нем только дело: во время ремонта можно было уйти с другими судами на лов, подзаработать, а люди на меньших деньгах жили, не бросали своего корабля. Главное тут — честь рыбацкая: траулер «Калинин» неизменно приходит в порт с добрым уловом, в прошлом году первым на траловом флоте выполнил годовое задание. На всех кораблях повесили плакаты: «Опыт работы моряков траулера «Калинин» — всем экипажам!»

Как же можно теперь в проловe оказаться? Калининцы годами хранят свою честь незапятнанной, экономят на топливе, на оборудовании, на минутах, а оборачивается это тысячами рублей прибыли сверх плана, сотнями центнеров рыбы сверх плана, самой низкой себестоимостью продукции — тоже сверх плана.

Бывали и прежде трудные рейсы — капризно рыбацкое счастье, но такое невезение, как сейчас,— это уж слишком!

День идет за днем, календарь уже пролистал половину рейса, а в трюме по-прежнему пусто. Чертова погода!

Наткнулись наконец на рыбу, есть, да не возьмешь. Надо же ей было оказаться именно здесь, на стыке Баренцова и Норвежского морей, откуда, как обычно сообщает радио, вторгаются на территорию Европы холодные массы арктического воздуха. Попадаем то в центр циклона, то в центр антициклона, то между тем и другим, а результат один — шторм.

Чуть стихнет, суда впрягаются в стальные постромки тралов и бредут натужно, как бурлаки, по неровным невидимым тропам курсов. В эти часы настроение у всех получше, да и сами корабли веселей выглядят, хоть и зарываются порой в пенные буруны. Берем по тонне, по две за траление — это маловато, но все-таки дело идет.

Вот всплыла добрая кошелка — тонны на три, а то и больше,— посветлели глаза рыбаков, но море цепляется за свои сокровища: здоровенная волна хлопнула снасть о борт, вода засеребрилась уходящей рыбой, только и осталось ее в сетях, что на уху.

Ринулись на добычу чайки. Что им чужая беда! И опять потемнели глаза рыбацкой обидой: ведь сорвись у любителя с крючка одна рыбешка, и то досада, а тут...

Но на чаек никто не злится, при чем тут птицы? Пусть хоть они попользуются. Чаек любят. За красоту, за удивительную приспособленность к морской жизни. И днем и ночью слышит рыбак их грустное попискивание, видит серпастые взмахи крыльев. В непогоду они штормуются — носом на волну. И еще чаек любят, наверное, за схожесть судьбы — всю жизнь проводят эти птицы в море, и лишь когда приходит пора вить гнезда, улетают на берег. Выведут птенцов, научат летать и опять возвращаются. И моряк вьет гнездо на берегу, и птенцов выводит, и меняет твердую землю на шаткую палубу.

А жены учат птенцов летать и ждут, ждут...

В экипаже на сорок человек четыре холостяка, остальные — люди степенные, семейные, хоть и молодые. Экипаж так и зовется: комсомольско-молодежный — крепкий, веселый, основательный народ. Только двое полвека отмерили: старший механик и капитан.

Для капитана Груздева обычный распорядок жизни не существует: вахта, подвахта и сон — это для других. Он спит урывками, прикорнув на диванчике у двери в ходовую рубку, а все остальное время руководит спуском и подъемом трала, проводит часы над картами с промысловой обстановкой, прикидывает, где и как ловится рыба, предугадывает, куда и когда она придет. Четырежды в сутки Леонид Николаевич в радиорубке: одно промысловое совещание общее для всех кораблей, три — для группы попарно соревнующихся. Последними руководит он сам как ответственный за эту группу.

— Доброй полночи, товарищи капитаны! — звучит в эфире его голос.— Сообщите, как идут дела.

И когда все высказались, дает советы:

— Не спешите, не перебегайте в квадраты, где только что подняли по две-три тонны. Может, это только вспышка, имейте выдержку. В нашем районе рыба есть, держится устойчиво. Тут должны взять хорошо, а на переходах только время потеряете! Утром выходим на связь. Доброй ночи, товарищи капитаны, удачного промысла, хорошей погоды!

Именно доброй: желать капитанам спокойной ночи просто смешно. И что любопытно: те, кто не прислушался к совету, перебежали, оказались в пролове: за словами капитана Груздева более чем тридцатилетний опыт полярного рыбака. Вся жизнь прошла в этих водах, даже во время войны здесь оставался: проводил под ураганным огнем на Рыбачий корабли с подкреплением и боеприпасами.

А рыба понемногу идет. Правда, порой непредвиденный прилов мешает — то полный трал губки, то валуны, а однажды даже вытащили четырехметровую китовую кость: промышляли тут когда-то и китов.

На палубе стало веселей и оживленней: после подъемов трала все чаще вызывают подвахту — это добрая примета: улов есть. За рыбоделами людно, ребята потрошат рыбу с проворством, которому позавидует любая хозяйка. Отходов нет: печень идет на рыбий жир и консервы, внутренности и часть голов — на рыбью муку для удобрений и на корм скоту, головы пойдут и на зверофермы: для чернобурок, песцов, норок.

Так и мелькают рыбины в ловких руках. Затупится острый, как бритва, шкерочный нож, поширкают его о брезентовую рукавицу и опять за дело. И всем наплевать на летящие из-за борта брызги — привычный поворот головы, и лицо закрыто широкими полями моряцкой шляпы, и, «как с гуся вода», стекают холодные струйки по блестящей робе. Время от времени кто-нибудь один прикурит для всех по сигарете, ткнет каждому в рот, и задымят, не отрываясь от работы, изредка перебрасываясь словами, и только когда захлестнет палубу уж очень большая волна, помянут ее крепким словцом. Днем и ночью над палубой звучит динамик — далекая земля сообщает новости; на переспор с ветром мчатся над морем нежные мелодии Чайковского, иногда музыка прервется на мгновение, уступив место прозаической команде: «Боцман, на полубак» или «Тралмейстера к лебедке»,— и льется вновь, согревая сердца моряков.

График есть график, и в точно положенный срок снимаемся с промысла. До Мурманска сутки перехода. Убраны рыбоделы, закреплены по-походному тралы, чисто вымытая палуба вдруг стала непривычно просторной. Мерно постукивает машина, прикроешь глаза — и кажется, это вздрагивает на стыках поезд. Справа по борту тянется узенькая туманная ленточка — берега северной Норвегии.

Смыта рыбья чешуя, надраены все корабельные медяшки, ребята побанились, выбрились, впрочем, брились исправно весь рейс, подразнивая тех, кто не успедил вовремя за своей щетиной.

Вот и последний день рейса кончился, и когда в сумерках полярного вечера подмигнул веселым глазом первый маяк родной земли, команда собралась в салоне подвести итоги.

— Ну, как настроение? — спросил капитан.

— А как план? — отозвалась команда.

— С планом нормально: везем сто девять процентов!

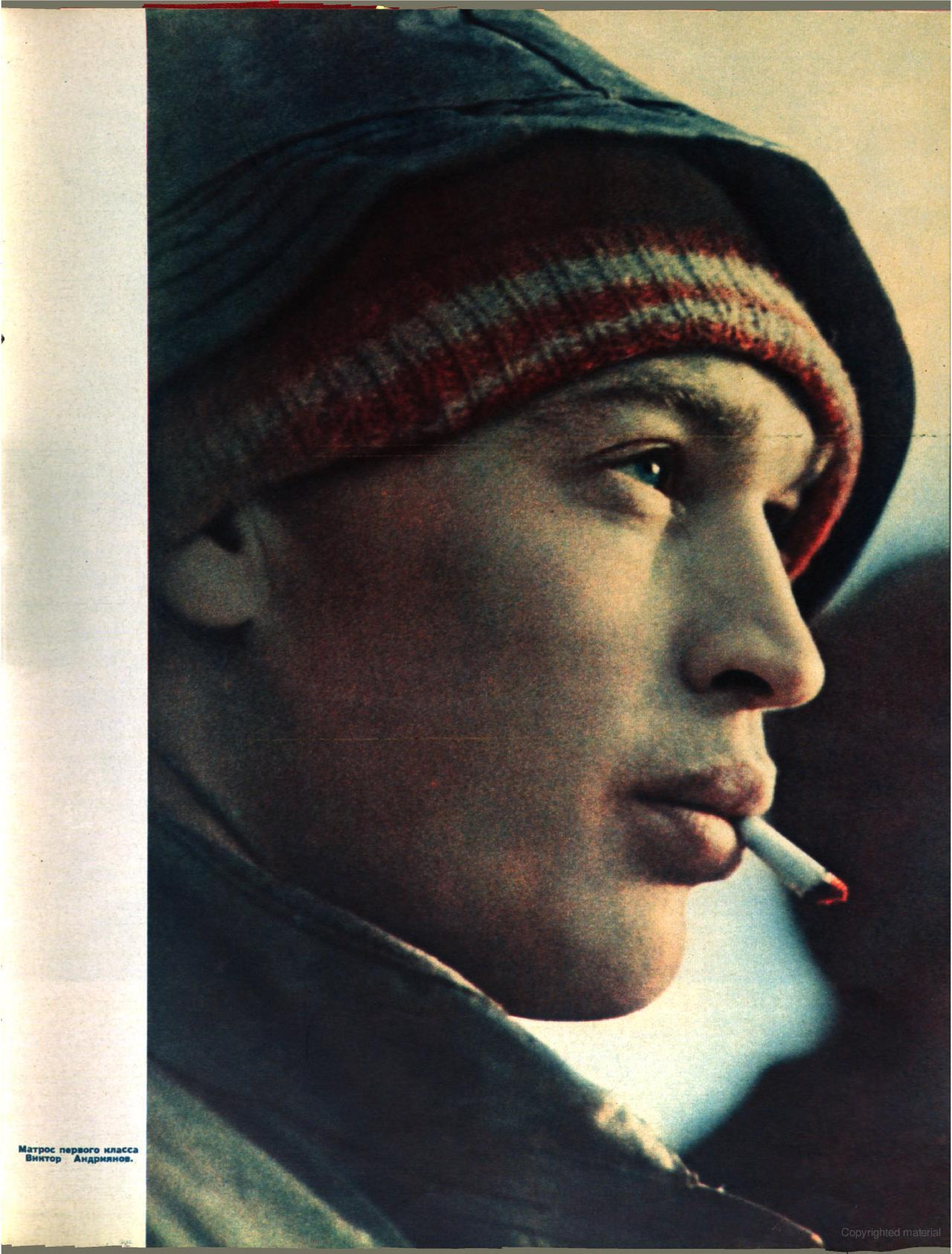
В ответ:

— Здорово! Порядок! При таком-то рейсе!..

— Ну и везучий у вас экипаж,— удивился юнга Валерка Климченко, закончивший первый в своей жизни рейс.

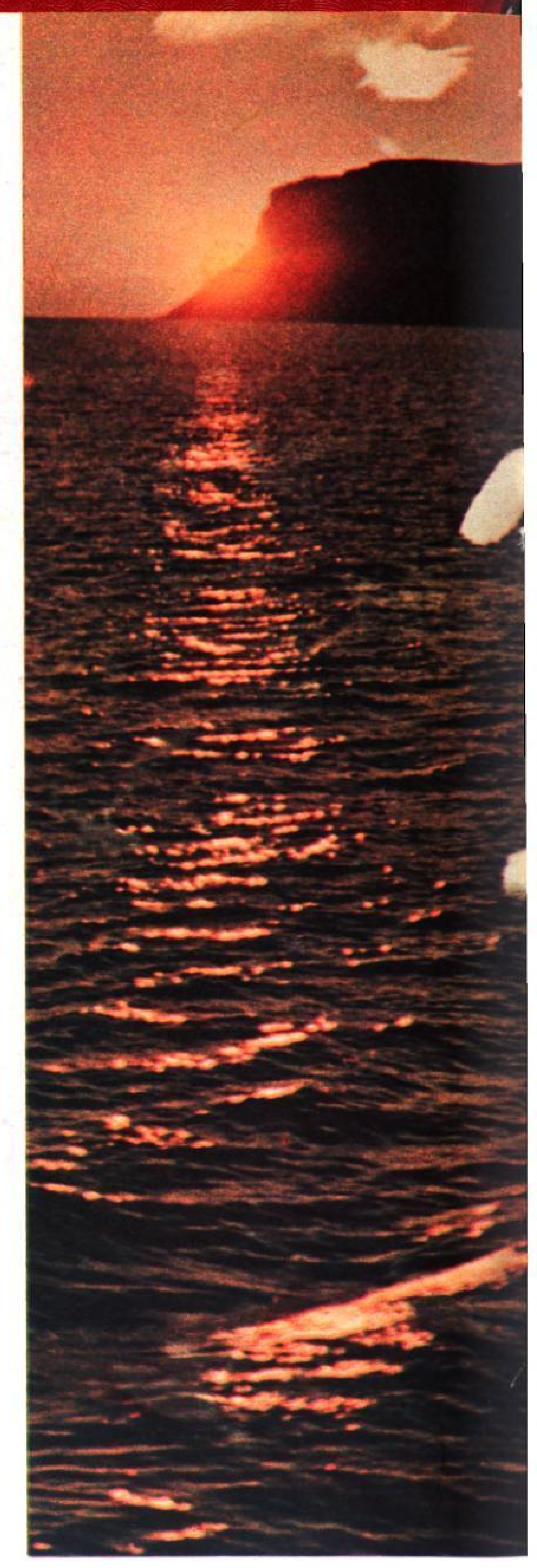
— Это не везение, юноша, а умение! Поплаваешь с наше, разберешься что к чему,— ответили ему ребята.

Капитан Груздев сидел, слушал и улыбался. Он знал, что через два-три дня будет докладывать в Москве ЦК профсоюза и Госкомитету по рыбному хозяйству о работе «Калинина», и радовался за свою команду. Только не мог еще предвидеть капитан, что она будет награждена почетной грамотой ВЦСПС и значками ударников и что об успехах калининцев расскажет людям Выставка достижений народного хозяйства.

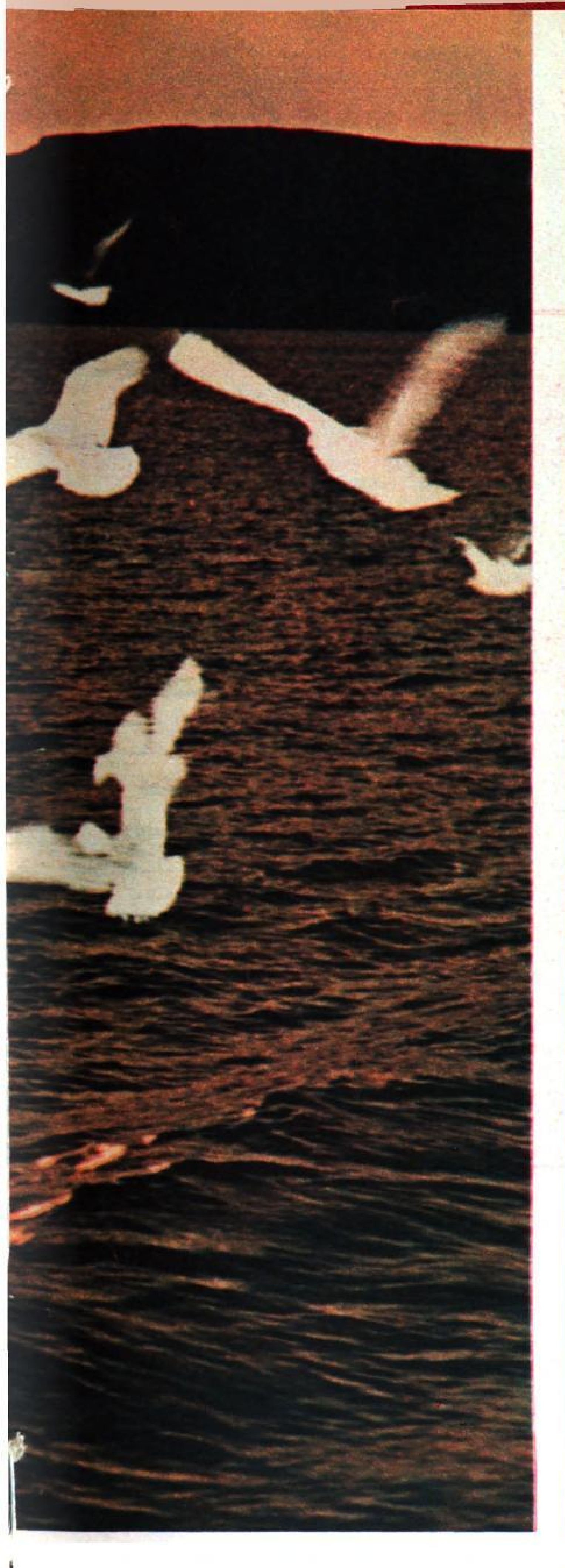

Матрос первого класса Виктор Андриянов.

Богатый улов.

Час утренней свежести.

Взяли добрую кошелку. Фото Ю. КРИВОНОСОВА

Ереванский спортсмен Рудик Григорян берет препятствие.

Фото Я. РЮМКИНА.

АТОМНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ МАРИАННЫ

Лев КОРОЛЕВ

Некоторое время назад самый крупный иллюстрированный журнал Франции «Пари-матч» посвятил два номера вооруженным силам своей страны. «Юная французская армия»— под такой шапкой вышел в свет этот опус. Броский текст, яркие цветные фото призваны были внушить читателю, что он не зря платит в казну деньги.

«Пари-матч» рекламирует новые средства уничтожения с такой же легкостью, какую он обычно проявляет в отношении дамских шляпок или сгущенного молока «Нестле». С особым восторгом описывают господа из парижского издания то, что относится к ядерному вооружению Франции. Здесь все разложено по полочкам. К концу 1966 года Франция будет иметь 50 атомных бомб. Их могут доставить к цели самолеты «Мираж-IV». К 1968—1969 годам Франция получит водородную бомбу и первую атомную подводную лодку, ракеты и т. д. и т. п.

«Юная французская армия»... Каким целям она будет служить и уже служит в наши дни? На эти вопросы не найдешь ясного ответа в «Пари-матч». Но можно несколько дополнить рассуждения журнала. Вначале о тех, кто командует «юной французской армией».

Новая звезда генерала Массю

В тот летний день в Рамбуйе, древнем королевском замке, расположенном недалеко от Парижа, царило, как принято говорить, необычное оживление. Замок и парк, всегда открытые для посещения, на сей раз были закрыты. Ждали генерала де Голля. Президент должен был прибыть в свою летнюю резиденцию на охоту. Его черный «ситроен» въехал в старинные ворота точно в положенное время. Вместе с президентом прибыла большая группа высших офицеров армии. Среди них выделялся высокий худой генерал с резкими чертами лица и большим носом. По тому, как независимо он держался и как благосклонно беседовал с ним президент, можно было судить, что это не последнее лицо среди приглашенных.

И действительно, генерал Массю не последнее лицо в «юной французской армии». Он является военным губернатором Меца и командует 6-м военным округом Франции. Не так давно совет министров повысил его в военном звании. Теперь Массю — корпусный генерал, или «генерал со всеми звездами».

Многое повидал за свою жизнь 56-летний Жак Массю. Это его солдаты пролили реки крови, стремясь «восстановить порядок» в Индокитае. Это его парашютисты выбрасывались на Порт-Саид во время суэцкой авантюры. Под его непосредственным руководством отборные части головорезов, кругозор которых, по выражению одного французского обозревателя, ограничен краями стальной каски, зверствовали на алжирской земле. Генералу Массю и его «бестиям» во многом обязана своим рождением Пятая республика. «Я, генерал Массю, требую создания в Париже правительства общественного спасения»— такими словами начинался ультиматум, который принесла 13 мая 1958 года из Алжира в Елисейский дворец телеграфная лента.

Новый режим не забыл заслуг Жака Массю. Генерал быстро пошел в гору. Правда, он несколько фрондировал в первое время после переворота 1958 года. Выступая на процессе мятежников, которые подняли восстание против генерала де Голля, обвиняя президента в «предательстве», Массю даже заявил: «Я чувствую свою связь с обвиняемыми и не пойму, почему я не нахожусь на скамье подсудимых рядом с ними...»

Почему? Ответ прост. Парашютисты Массю нужны режиму. Они необходимы не только для карательных экспедиций в колонии, но и для борьбы с демократами в самой Франции.

Сменив берет парашютиста на генеральское кепи со звездами, Жак Массю отнюдь не расстался со своими убеждениями. Известно его скандальное требование амнистировать оасовских бандитов и заговорщиков. Известны расистские похождения парашютистов, передислоцированных из Алжира во вверенный Массю военный округ. Известны и методы, с помощью которых солдатам 6-го военного округа прививают взгляды и традиции войск, сражавшихся на заморских территориях.

...Говорят, во время охоты в Рамбуйе Жак Массю убил несколько куропаток. Трудно сказать, получил ли от этого большое удовольствие генерал, привыкший командовать охотниками за людьми.

«Синие» против «красных»

Сто лет обширные гипсовые карьеры Таверни, находящиеся примерно километрах в 20 к северо-западу от Парижа, давали материал для штукатурки домов французской столицы. Сейчас специализация карьеров несколько меняется. Их облюбовали под командный пункт генералы. Отсюда ведется наблюдение за небом Франции. Отсюда должны исходить все указания на случай всеобщей тревоги. В подземных галереях на площади в несколько десятков гектаров раскинулся целый городок. Летчики называют его «дыра». В генеральном штабе карьеры Таверни зашифрованы как «база 921».

Однажды прохладным осенним утром сюда прибыл генерал де Голль. Президент республики лично захотел ознакомиться с состоянием боевой готовности командного пункта атомной ударной силы. Президент посетил расположенный под огромной скалой «мозг» командного пункта — центр обнаружения и контроля. Здесь его внимание обратили на клавиатуру подземной телефонной станции. Каждая ее клавиша связана с каким-либо командным пунктом. Самым первым из них является кабинет президента республики в Елисейском дворце.

Посещение генералом де Голлем карьеров Таверни входило в рамки его инспектирования французской армии. Двумя днями позже он лично наблюдал завершающую фазу больших маневров национальных вооруженных сил в районе Безансона — на востоке Франции, недалеко от швейцарской границы. Перед глазами президента развернулось грандиозное сражение «красных» и «синих». Вероломные «красные» атаковали Францию с востока. В ответ на это правительство «синих» (то есть французское) приказало подвергнуть города «красных» атомной бомбардировке самолетами стратегических ядерных сил. Заработали телефоны в подземных галереях Таверни, отдавая приказы на аэродромы. И несколько минут спустя воздух прорезали бомбардировщики «Мираж-IV» с атомными бомбами на борту. О том, куда полетели эти самолеты, поведали газеты, опубликовав схему, изображавшую, как французские «Миражи-IV» будут атаковать Советский Союз.

...Пока французские самолеты бомбят города «красных», войска «синих» победоносно завершают ликвидацию десанта врага на своей территории, заодно обезвреживая «агентуру «красных». В охоте за «нелояльными», конечно, больше всех отличаются части Иностранного легиона, набившие руку на борьбе с мирным населением в ходе многочисленных колониальных войн.

Судьба «белых кепи»

«Легио патриа ностра» — «Легион — наша отчизна». На кошмарном французском языке, щедро сдобренном солеными словечками, мордастый немец, сержант с двумя рядами наград на груди и с 15-летним стажем службы в легионе, переводит эти слова для новобранцев. Те части фраз, которые может вытерпеть бумага, звучат примерно так: «Отныне... легион является для вас вашей матерью, вашим отцом, вашей невестой, вашей страной».

Иностранный легион, этот отборный отряд армии колонизаторов, навербованный из головорезов разных национальностей, живет и процветает теперь уже на французской земле. Хотя по уставу корпусу наемников запрещено ступать на землю метрополии, власти пошли на это нарушение. Потому что очень подходящий народ — легионеры на случай подавления каких-либо «беспорядков».

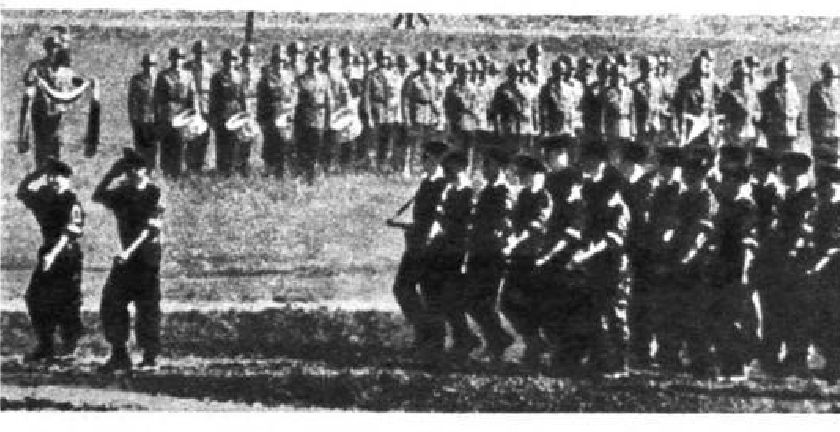
Из маленького алжирского городка Сиди-бель-Аббеса, где в течение ста с лишним лет находилась главная штаб-квартира легиона, по частям перевезли во Францию помпезный памятник, изображающий четырех легионеров разных эпох, расположенных вокруг земного шара, на котором означены места боев легиона. Теперь этот монумент поставлен в новой резиденции в Обане.

О легионе позаботился не только военный министр Пьер Месмер, которому в свое время пришлось служить в нем офицером, но и сам генерал де Голль, «спасший», по словам одной французской газеты, легион.

«Спасли» легион для того, чтобы использовать в трех направлениях. Во-первых, в «юной французской армии» старым головорезам отвели место в «войсках интервенции». Это будут особые отборные части, название которых само говорит за себя. В них легионеры сохраняются как самостоятельная единица, с собственными традициями, обычаями, формой (белые кепи, красные и зеленые погоны, голубая портупея). Во-вторых, часть легионеров предполагают переквалифицировать в нечто похожее на американский «корпус мира». Сменив мечи на орала, разбойники должны вернуться в известные им места и поступить в распоряжение африканских государств, нуждающихся в «технической» помощи. Но ядро легиона останется во Франции, где будет продолжаться подготовка легионеров «обычного типа». Они могут пригодиться и в метрополии и для очередных колониальных авантюр. Достаточно вспомнить Габон.

...Проснувшись утром 18 февраля этого года, жители Либревиля, столицы небольшой западноафриканской республики Габон, об-

наружили, что они лишились президента. Это обстоятельство мало кого огорчило. Наоборот, жители тепло приветствовали восставшие подразделения габонской армии, которые сместили ставленников иностранного капитала. Однако то, что понравилось простым габонцам, явно пришлось не по вкусу кое-кому в Париже. Дело в том, что Габон весьма богат разнообразными полезными ископаемыми, к коим интерес проявляют, в частности, банкиры Ротшильды. А они, как известно, представлены в правительстве Пятой республики самим премьер-министром господином Помпиду. К тому же среди полезных ископаемых Габона не последнее место занимает уран (из габонского урана, к слову сказать, была сделана первая французская атомная бомба). Принимая во внимание тот факт, что во Франции производство этих бомб только разворачивается, было решено не расставаться с габонским ураном, а заодно и с президентом, который весьма охотно и по дешевке торговал им.

Нашли общий язык... Реваншисты из бундесвера и молодчики генерала Массю.

Так она выглядит, «юная французская армия».

Вот здесь и пригодились парашютисты. Они безжалостно расправились с небольшой габонской армией. «Восстановив порядок», они отыскали сбежавшего в джунгли перепуганного президента и восстановили «справедливость». А чтобы еще раз кто-нибудь случайно не нарушил «порядок», в президентском дворце на всякий случай поселили легионеров.

Обреченный остров

Пока отборные головорезы из «юной французской армии» орудуют в Африке, бросая вызов освобождающимся от колонизаторов народам, их сослуживцы за многие тысячи километров от Либревиля, на островах, окрашенных на политических картах во французский цвет, готовятся бросить вызов всему миру.

Тысячелетия дремал на краю света маленький коралловый островок из архипелага Туамоту. Мирно шелестели острыми листьями кокосовые пальмы на его берегу, не спеша набегали на золотистый песок тихоокеанские волны. Лишь раз в году появлялись здесь люди, чтобы собрать кокосовые орехи и перламутровые ракушки.

Так было до последнего времени. Сейчас этот райский уголок в Тихом океане приговорен к смерти. Здесь намечено взорвать французскую водородную бомбу.

На атолл уже прибыли легионеры, группа инженеров и технических специалистов. Генерал Жан Тири, начальник французской оперативной группы по проведению ядерных испытаний, торопит: «юная французская армия» нуждается в водородной бомбе, пусть в самой крошечной, но в своей.

Устройство предполагается взорвать с помощью совершенно секретного плутониевого детонатора вместо обычного детонатора из обогащенного урана. Специалисты полагают, что намечаемый взрыв с помощью плутониевого детонатора будет гораздо более мощным, чем взрыв простой атомной бомбы, но слабее, чем взрыв водородной бомбы. Так это или не так, но французский взрыв выглядит откровенной провокацией сейчас, когда после Московского договора весь мир с надеждой ждет новых шагов на пути к ослаблению международной напряженности. Не случайно во многих странах мира, особенно в тех, которые могут пострадать от французских радиоактивных осадков, растет волна протеста против готовящихся испытаний. К числу протестующих присоединил свой голос и генеральный секретарь ООН У Тан. «Я апеллирую к французскому правительству со всем авторитетом, которым я располагаю, чтобы оно пересмотрело свое решение»,— заявил он.

Однако французские генералы не хотят ничего слышать. Им нужна своя бомба любой ценой. Они находят поддержку только в одном месте — на берегах Рейна. Западногерманские реваншисты прекрасно понимают, что французская ядерная бомба в какой-то степени будет и их бомбой. Известно, что наблюдатели бундесвера присутствовали при рождении французского атомного оружия в Сахаре. С первыми группами легионеров на острова Полинезии прибыли и боннские атомники. Как видно, в Бонне решили разыграть свою атомную карту на нескольких столах. Если не удастся сорвать куш на атлантическом столе, то можно отыграться на французском.

Пока западногерманские физики приобщаются к французскому ядерному оружию, «юную французскую армию» приучают к бундесверу.

Братья по оружию

Прошлым летом каждое утро во дворе казарм Кобленца можно было видеть одну и ту же картину. Перед вытянувшимися по стойке «смирно» французскими стрелками проходила группа офицеров 142-го полка немецких гренадеров. Поприветствовав солдат, офицеры занимали положенное им место перед строем, и два французских солдата выносили трехцветное боннское знамя с орлом.

Так начинался день в казармах, вверенных полковнику Розе, битому в свое время на Восточном фронте. В них в соответствии с франко-боннским военным соглашением проходила службу рота стрелков из «юной французской армии». Подразделения, составленные из немцев и французов, на маневрах отражали натиск «красного» противника. Остановив «врага», они переходили в наступление...

На берегах Сены сегодня предпочитают не вспоминать уроков прошлого. Вопреки этим урокам там идут на все, чтобы сделать из реваншистов братьев по оружию. Опыт стрелковой роты, побывавшей в Кобленце, решено продолжить. Как заявил генерал Креспэн, командующий французскими силами в ФРГ, эксперименты уже проводятся в масштабах дивизий, бригад и полков. «В наших штабах,— признался он,— мы организуем маневры вместе с бундесвером. Такой обмен позволяет узнать боевые методы соседей».

Далеко не все во Франции в восторге от генеральских экспериментов. Парижская газета «Либерасьон» заявила, например, в этой связи следующее: «Мы всегда приветствуем все, что ведет к примирению. Но, одобряя укрепление связей между учеными, студентами, бывшими солдатами разных стран, даже если они сражались по разные стороны баррикад, мы не ждем ничего хорошего от включения французских стрелков в бундесвер... Какое может быть примирение, если оно направлено против других, если оно нацелено на войну?»

Таково мнение многих французов. Все больше и больше людей во Франции сознает, что дружба с реваншистами до добра не доведет, а ядерное ожерелье, которое хотят надеть на шею Марианны, не является лучшим украшением для страны, известной всему миру свободолюбием и революционными традициями.

Ландс

«Оборона свободного мира», «щит», «бастион», «безопасность Запада»... Сколько громких и лицемерных фраз произнесено в мире капитала об армиях! Если верить буржуазным пропагандистам, то вооруженные силы империалистических держав, оказывается, служат только и исключительно поддержанию мира и спокойствия на нашей планете. Ложь! Кровь патриотов Южного Вьетнама, горе Кипра, трагедия Окинавы, постыдный фарс в Мурмелоне — вот она, современная история капиталистических армий, их настоящее.

Армии Запада готовят не только к малым войнам, к малым карательным операциям. Императоры доллара и марки, фунта стерлингов и франка, генералы, одержимые ядерной горячкой, хотели бы бросить бронированные армады против стран, где денежный мешок сброшен с трона, где слово «свобода» не сладенькая ложь, а истина. Крестоносцы антикоммунизма бряцают оружием. Но их планам говорят «НЕТ» миллионы и миллионы людей. Твердолобым придется рано или поздно понять: агрессия против социалистического содружества — это смерть для них.

Вооруженные до зубов ландскнехты денежного мешка терпят сегодня поражение за поражением на всех параллелях и меридианах, куда их бросает стремление капитала удержать в руках владения, еще вчера казавшиеся незыблемыми.

Но правда в наш век не беззащитна. Народы знают, как защитить ее. Защитить против танков, пушек, бомб. Против капитала и его армий.

▲ Этот бравый парень, сфотографированный на фоне сверхскоростного истребителя,— рекламный герой. Он демонстрирует безупречную выправку и ослепительные зубы на страницах многих американских журналов. Смотрите, какое это достойное занятие — служить в американской армии! Смотрите, до чего симпатичен этот солдат! Не правда ли?

КНЕХТЫ ДЕНЕЖНОГО МЕШКА

▲ Вот они, эти симпатичные парни, в действии. Американская пехота с примкнутыми штыками атакует безоружных панамских школьников, осмелившихся поднять в зоне Панамского канала национальный флаг. На Уолл-стрите свои понятия о географии. Канал приносит баснословные прибыли? Да. А посему полагать зону канала территорией США.

▲ Западный Берлин — еще один пункт на карте мира, где, словно заноза, торчит флаг американских вооруженных сил. На каком основании продолжается незаконная оккупация города? Даже изощренные во всякого рода тяжбах юристы Пентагона затрудняются в подборе аргументов. Но тем не менее военные машины с обозначением «Армия США» продолжают разъезжать по западноберлинским улицам. И, как видите, даже пользуются правом преимущественного проезда...

Вряд ли нужно прибегать к столь мощным оптическим средствам, чтобы увидеть очевидное: люди во всех странах устали от военного психоза, они требуют разоружения и ликвидации американских военных баз. ▼

Эта японская женщина живет возле военной базы США в Итацуке. Почему она на костылях? Потому что ей оторвало ногу тросом тормозного парашюта американского военного самолета. Спросите ее и миллионы ее соотечественников: хотят ли они, чтобы военщина из далекой Америки распоряжалась, как у себя дома, на японских островах? ▼

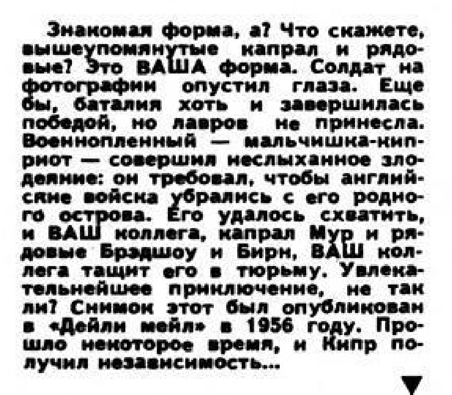
«Прочтите, почему они выбрали армию!» — приглашает рекламный плакат, напечатанный в английском журнале «Тудэй». Оказывается, «армейская жизнь — это хорошая зарплата, путешествия и приключения». Так по крайней мере заявляют персонажи рекламного плаката — капрал Кэйт Мур и рядовые Кеннет Брэдшоу и Патрик Бирн. Насчет зарплаты, действительно, ничего не скажешь. В армии платят больше, чем на заводе. И никаких тебе проблем: только стреляй, куда прикажут. А вот что касается путешествий и приключений, то здесь дело обстоит так... ▼

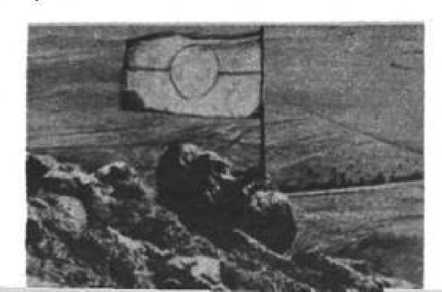
Эти танки «Центурион» — дорожный багаж британских путешественников в военной форме, прибывших в Аден. Что им нужно там? Полюбоваться красотами пустыни? Разумеется, нет. Все проще и грубее. Аденская военная база нужна монополиям для контроля над нефтяными промыслами на Аравийском полуострове. «Сперва стрелять, а затем вести переговоры» — так лондонская «Таймс» охарактеризовала позицию английского правительства в вопросе о грязной войне в Южной Аравии. Быть может, и вам придется совершить путешествие туда, капрал Мур и рядовые Брэдшоу и Бирн. Это будет малоромантичное и не очень приятное путешествие. И еще неизвестно, не окажется ли оно последним для вас, как стало последним для многих ваших сверстников... ▶

Знакомая форма, а? Что скажете, вышеупомянутые капрал и рядовые? Это ВАША форма. Солдат на фотографии опустил глаза. Еще бы, баталия хоть и завершилась победой, но лавров не принесла. Военнопленный — мальчишка-киприот — совершил неслыханное злодеяние: он требовал, чтобы английские войска убрались с его родного острова. Его удалось схватить, и ВАШ коллега, капрал Мур и рядовые Брэдшоу и Бирн, ВАШ коллега тащит его в тюрьму. Увлекательнейшее приключение, не так ли? Снимок этот был опубликован в «Дейли мейл» в 1956 году. Прошло некоторое время, и Кипр получил независимость... ▼

...Но что это? Опять все та же британская военная форма? Да, все та же. И снимок сделан уже не в 1956-м, а в 1964 году там, на Кипре. Правда, пристроившийся у камня здоровяк (между прочим, он тоже носит звание капрала) поднимает над головой флаг Организации Объединенных Наций. Но это лишь маскировка. Операция английских войск на многострадальном острове ничего общего не имеет с защитой мира и порядка. Не случайно против присутствия английских войск и против подстрекательства ими турецких экстремистов решительно протестует народ и правительство Кипра. Вам очень хочется услышать, как люди кричат: «Убирайтесь прочь!»,— капрал Мур и рядовые Брэдшоу и Бирн? ▼

Снимок сделан во Франции. Солдаты западногерманские. Они пришли на одно из военных кладбищ, которых много, очень много в Европе. Что ищут здесь солдаты бундесвера? Быть может, могилы отцов? Дважды на полях Европы всходил похоронными крестами кровавый посев германской агрессии. Двадцать миллионов жизней унесла первая мировая война, пятьдесят миллионов — вторая. Кое-кто в Бонне мечтает о третьей. Есть о чем поразмыслить этим молодым солдатам, склонившимся над могилами прошлой войны... ▼

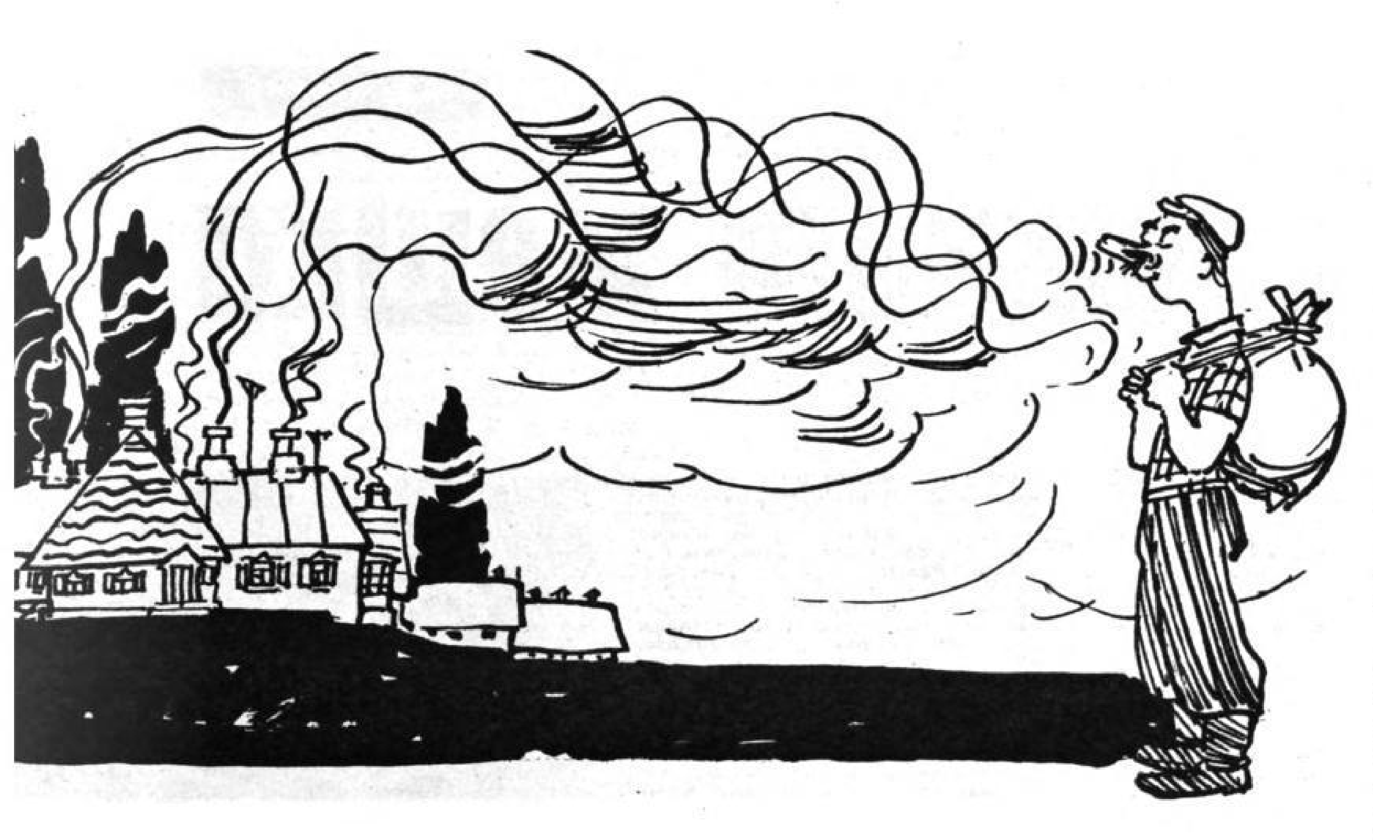
«Изнасилование. Возмущены террором войск США». Под таким заголовком франкфуртская «Нахтаусгабе» сообщила об очередном преступлении американских гангстеров в мундирах в гессенском городке Гельнхаузен. «Это преступление,— пишет газета,— одно из двух десятков насилий, совершенных за последнюю неделю оккупационными солдатами в Гельнхаузене».

Вот он, облик «рыцарей свободного мира»! ▼

FRANKFURTER

Nachtausgabe

Vergewaltigung: Empörung über US-Truppenterror

Три мушкетера из Сухих Млинцев

Юмористическая повесть

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

IX

Когда ветер подует из Сухих Млинцев, на всю Украину пахнет пирогами. Сегодня в Сухих Млинцах пекут пироги — с таком пекут, с калиной, с вареными грушами-гнилушками, а кое-кто и с фасолью печет.

Вкусные пироги в Сухих Млинцах! Не на дрожжах их пекут, а на сухом хмеле. Не ездить же в город за дрожжами, да и нет их там в магазинах, несознательные элементы расхватывают на самогон. Есть еще такие несознательные элементы, и в городе есть и в селе: гонят.

Горпина Горюн заквасила тесто и теперь ждет, пока оно подойдет. На душе у нее весело. Не оттого весело, что скоро пироги будут, а оттого, что дочь должна приехать. Известно, в городе на одних пончиках сидела. А пончик что? Пончик — это так, баловство, а не еда. С повидлом, правда, вкусно, пробовала как-то. А все же пончик не пирог.

Сегодня дым валит из труб в Сухих Млинцах вовсе не потому, что к Горпине Горюн возвращается дочь, а потому, что так заведено: в этот же день дым валил из труб и в прошлом году, и в позапрошлом году, и, возможно, даже сто или двести лет назад. Такое обычай: перед троицей в Сухих Млинцах всегда пекут пироги. На бога уже мало кто обращает внимание — есть он там или, может, его вовсе нет, этот вопрос теперь мало кого интересует в Сухих Млинцах. Говорят даже, что Гагарину было дано специальное задание: проверить, есть ли он там или, может, его нет. Проверил. Нет!

А пироги пекут. Но просто так, без предлога, их печь как-то не с руки. Причина какая-то нужна. Ну, а если уж печь, то всем селом, чтобы на всю Украину пахло пирогами.

Горпина сейчас присела передохнуть. А когда человек отдыхает, ему приходят в голову разные мысли, точно их кто-то позвал.

Жаль, конечно, что Мартын Кныш не заметил, какие у Горпины Горюн глаза. Серые, с темными ободками и веселые. Как жизнь ни ломала женщину, с какими только бедами ни пришлось ей биться, а все же сохранила веселые глаза. А что делать? Всю жизнь горевать и плакать? Нет, это не для нее. Поплакать никому, конечно, не мешает: порою слезы очищают человеческую душу. Иногда даже нужно поплакать. И она плачет на поминках. Здесь каждый немного поплачет и вспомнит тех, кого уже нет, кто когда-то тебе дорог и близок был, кого ты любил и почитал.

Правда, ее муж Гриша похоронен где-то очень далеко, на чужбине, говорят, где-то в Польше. Поэтому в поминальный понедельник Горпина Горюн ходит на кладбище и плачет на могиле неизвестного солдата. А там, в Польше, на чужой земле, может, вот так же чужая женщина покропит слезами могилу ее Гриши.

Кто его знает, может, веселое настроение Горпины вызвано не тем, что ей так уж хочется смеяться да улыбаться. Может, ее тоска терзает самая тягостная — тоска одиночества. И чтобы эту тоску рассеять и забыть, она улыбается на все тридцать два зуба.

Наилучшее лекарство от тоски — работа. Когда работаешь с душой, сердце радуется, словно ты на свадьбе.

Сегодня должна вернуться Леся, и Горпина печет пироги. Пускай полакомится, а то там, на пончиках, не очень-то весело ей было.

Вдруг Горпина вспомнила Мартына Кныша, и улыбка тронула ее губы. Мартын смотрит на нее, точно баран на новые ворота. С чего это он? Село полно девчат, вот и смотри на них. А он — на нее. Он улыбается, а нос у него то и дело передвигается с одной стороны на другую. Чудной какой-то Мартын Кныш! И канаву пришел на ферму рыть. Чего это он вдруг? Да его на работу, бывало, и калачом не заманишь. Торгует карасями и живет себе. А то пришел, на нее поглядывает и улыбается.

Нет, такой ей не нужен. Лодырь ведь, каких свет не родил. Роман Пулейко прозвал его мушкетером.

А все же приятно, что он на нее поглядывает. Выходит, не такая уж она старая, если мужчины на нее еще заглядываются. Конечно, вдова. На вдову каждому охота посмотреть, посмотреть и подумать, как это ей одной живется. Но ничего не поделаешь, теперь сватов уже не приходится ждать: не те годы.

А все же любопытно, придет ли Мартын Кныш еще разок на ферму. Пускай приходит. Не очень-то он видный собою, ой, совсем не видный! А все же холостяк. Говорят, всю жизнь один. В Сухих Млинцах тайн нет: если бы волочился за какой-нибудь, узнали бы. Не очень-то весело одному, поэтому, должно быть, и на нее поглядывает.

Но напрасно, ничего из этого не выйдет. Одни только взгляды и останутся. У нее вот и дочь есть. Приедет, и тоски как не бывало. А о Мартыне Кныше она и думать больше не будет. Кому он такой нужен, мушкетер?

И Горпина Горюн начала месить тесто.

X

Много есть на железной дороге таких крошечных станций, как Тарасики. Ну совсем малюсеньких. Поезд, да и то не всякий, останавливается на них минуты на две. Больше ему там делать нечего. Остановится, даст гудок и тронется дальше.

Так вот на маленькой станции Тарасики остановился поезд. Машинист высунулся из окошка, оглядел перрон и увидел: двое сошли. И то хорошо, недаром, значит, остановился. Машинист дал гудок, и поезд тронулся дальше. А двое с чемоданами пустились напрямик по протоптанной в пшенице тропинке. Эту тропинку каждый год распахивают и каждый год протаптывают. Известное дело, людям напрямик ближе ходить.

— Вот мы и приехали, Алик.— Девушка улыбнулась яркими губами и посмотрела на парня серыми глазами с ободками. Она улыбнулась на тридцать зубов. Она, возможно, по-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—26.

казала бы все тридцать два, но зубы мудрости у нее еще не прорезались.

— Ну и пейзаж! — сказал Алик, тоскливо поглядывая на зеленые поля.

— Тебе не нравится? — снова посмотрела на парня девушка своими очень серыми глазами с ободками.

— Переживем, Леся. Хотя у вас тут и очень зелено, ничего, мы переживем. Для полной скуки здесь не хватает лишь двух соловьев.

— Какой ты! — сказала Леся.

Ей вдруг стало обидно. Она думала, Алик увидит их неземную красоту, поля, левады и залюбуется ими. А он и не думает любоваться. Известное дело — горожанин. Ему лишь бы автобус проехал или такси задымило. Ты хоть и горожанин, а соловьев не трогай, не ругай их. И поля не трогай. И левады.

— Ну, а далеко еще до твоих Сухих Млинцев? — спросил Алик.

— Вот видишь — левада? А там и село. Ах, как я соскучилась по нему!

— По селу соскучилась?

— Ага. По своему селу.

— Брось, Леся. Село — это пережиток. Скоро совсем не будет сел. Повсюду будут города. Село — это скука. Коровы там и кабаны. Прямо даже смех разбирает.

Леся уже готова была сказать какую-нибудь колкость, но, нет, она смолчит. Не хочется ей сейчас ссориться со своим мужем. И почему это так бывает? Ведь Алик такой хороший! Красавец. Леся уверена, когда девушки Сухих Млинцев увидят Алика, они все с ума сойдут. Стройный, сильный, черноглазый. И губы у него очень хорошие. А как целует! Нет, ничего такого резкого она ему не скажет. Рассердить недолго, а потом попробуй мириться.

Несколько минут идут молча. Леся впереди, Алик позади.

Леся думает: «А как же мать встретит? Конечно, будет попрекать. Она ведь не знает, что Леся возвращается к ней с мужем. По селу пойдет молва: Леся примака из города привела. Ну и что? Пускай говорят. Скажут еще: она, мол, не на курсах училась, а жениха себе там искала. В Сухих Млинцах люди такие, что только держись! А вот мать что скажет? Уехала в город одна, а возвращается с мужем. Нужно было все же написать или с людьми передать: мол, так и так, замуж вышла я. Ждите, мама, зятя. Трудно, конечно, это объяснить, но придется. Хочешь не хочешь, а придется сказать, что они с Аликом не регистрировались. Не надо с этим спешить, сперва надо пожить, узнать, сошлись ли характерами или не сошлись, а потом уже, когда сойдутся характерами, можно пойти в загс и все оформить, чтобы законно было. Это Алик так придумал. Он говорит: теперь модно так в брак вступать. Если не сойдутся характерами, можно будет просто разойтись — и все. Не понадобится давать объявление в газету, не придется судиться. А то стыда не оберешься! Конечно, когда мать узнает правду, она немножко поплачет. На то она и мать, чтобы немного поплакать, когда дочь выходит замуж. Поплачет, поругает, а потом все наладится. Алик — прекрасный парень. Пускай девчата Сухих Млинцев с ума сходят, пускай завидуют ей. Видали, какого красавца привезла из города! А что? И привезла. Не была бы красивой, не привезла бы. А вы тут в селе сидите и женихов дожидаетесь».

Алик думает: «Леся — неплохая девушка. С такой жить можно. Железная девушка. Она, правда, немножко не элегантна, нет у нее этой заграничной талии. На француженку она совсем не похожа. Какая тут красота может быть, когда девушка в десятом классе первый юношеский разряд по толканию ядра получила. Руки у нее, как у тяжелоатлета. Железные. Откуда тут элегантности взяться! Имей она, скажем, первый разряд по гимнастике — другое дело. А то, видишь, ядро толкала. И ноги такие, что только на стадионах их демонстрировать. Но она девушка неплохая. Главное, как быстро он ее убедил. И она ему тут же поверила. Село. Да ничего. Он с чем угодно готов сейчас примириться. Когда в городе узнают, за голову схватятся, хохотать начнут: «Алик, мастер рок-н-ролла, любитель легкой жизни, и вдруг на село отправился!» А что ему оставалось делать? Уже дважды вызывали в горсовет и милицию. Разговор у них один: не будешь работать — вышлем. Ха! Это он, Алик, должен работать. Так сразу и помчится в кузнечный цех, возьмет молот в руки и начнет петь: «Мы, кузнецы, и друг наш молот»... Или в литейный цех, или к слесарным тискам. Чудаки! У него же незаконченное среднее образование. А если к тому же у него никакого вкуса к работе нет, тогда что?

Но, как ни агитировали, как ни воспитывали, ничего из этого не вышло. Кто душой аристократ, тот уговорам не поддается. Угрожали, а он умнее их оказался — исчез. Поищите его теперь. Он будет жить в Сухих Млинцах, как у Христа за пазухой. Конечно, здесь кальвадос гонят из свеклы, вонючий, вероятно. И танцуют прямо на траве. Эта трава, кажется, муравой называется. На мураве, видите ли, танцуют. Не очень-то элегантно. Но танцевать можно. Он проживет здесь лето, а там вернется в город. К тому времени забудут, что он тунеядец. На худой конец можно соврать, можно сказать, что на шахтах уголь рубал, а сейчас решил отдохнуть. Кто к нему, шахтеру, придерется? Ха! Только попробуй придраться! Придется в селе деньжат раздобыть. Леся говорит, что мать у нее — знатная свинарка. Почти маяк. Наверное, хорошо зарабатывает. Он из нее вытрусит шайбочки. Ничего страшного, можно пожить в Сухих Млинцах на лоне природы. Среди коров, свиней и соловьев».

— Ты меня любишь, Леся? — спросил Алик. После того, как Алик прочел «За рекой, в тени деревьев» Хемингуэя, он решил подражать старому полковнику, который на каждой странице трижды спрашивал свою возлюбленную, любит ли она его.

— Очень. Хочешь, поцелую? — отвечает Леся.

— Потом, Леся,— улыбается Алик тонкими губами. Здесь среди поля ему совсем не хочется целоваться.

— Подумай, Алик, как объяснить матери, что мы не зарегистрированы, а уже муж и жена.

Они шли левадой, по дорожке, протоптанной в осоке и аире. Ни в одной аптеке мира не вдохнешь одновременно столько запахов, сколько на леваде по берегу Многи. Все травы здесь пахли, словно им непременно нужно вернуть кому-то долг, словно сейчас здесь происходил фестиваль ароматов.

— Ты ей скажи,— отвечает Алик.— Я здесь человек посторонний.

— Как это посторонний? Придумай что-нибудь поубедительнее, Алик.

— Уже придумал. Ты ей скажешь, что у нас абстрактный брак, понимаешь?

— Нет.

— Скажешь, что этого никто не понимает.

С левады они поднялись на возвышенность. Из Сухих Млинцев тянул слабенький летний ветерок.

Алик остановился и потянул носом воздух.

— Что это так пахнет? — спросил он Лесю.

— Пироги в селе пекут.

— Настоящие?

— Нет,— улыбнулась Леся,— абстрактные.

Прошло еще несколько минут, и Леся с Аликом переступили порог ее дома.

XI

Разные праздники бывали в Сухих Млинцах, а такого, как сегодня, еще не было. Сегодня пуск автоматической установки на свинарнике.

На праздник прибыл председатель колхоза Максим Дыня, председатель ревизионной комиссии (сокращенно — ревком) Остап Вредный и с ними шофер Иосип Путря. На «Волге» прибыли.

Митинга не было: не до митингов летом! А все же речи произносили. Максим Дыня встал на старое корыто и сказал, что вот теперь у них на ферме имеется автоматика. А скоро она везде будет — не работа, а радость. Живи себе, наслаждайся и на кнопки нажимай. Вот что будет. После этих слов на обветренном, солнцем обожженном лице Максима Дыни засветилась улыбка. И у всех от этих слов и улыбки стало тепло и радостно на душе.

Затем Максим Дыня сказал, что мировой капитализм прогнил в своей основе и уже дышит на ладан. Дышать-то он дышит, а разоружаться, видишь ли, не хочет. Хочет удержаться на атомной бомбе. Не удержится.

Горпина Горюн стояла рядом с корытом и смотрела на Максима Дыню. Постарел Максим и поседел. Но могуч еще. Плечи вон какие! Затем Горпина взглянула на Мартына Кныша. Чего это он на ферму ходит? Что ему здесь нужно? И опять смотрит на нее, как баран на новые ворота. Хоть бы людей постыдился, а то выпучил буркалы и все на нее поглядывает.

Горпину мало интересовали коварные действия мирового империализма. Ее сейчас занимает другое: как пойдет откормка свиней, когда начнет действовать автоматика? Они с Романом Пулейко уже проверили все, три дня уже кормят свиней автоматически. Но на душе у нее все же неспокойно. Раньше, бывало, она задавала подсвинкам корм и со словом к ним обращалась:

— Ешьте, проклятые, чтоб вы лопнули! Идолы! Обжоры!

И они едят, да так, что за ушами трещит. Аж захлебываются.

А теперь как? Так она и будет стоять там возле дверей, вдали от них, и на кнопки нажимать. Не кричать же ей от порога. Не пропадет ли у них аппетит? Тут никакая кнопка не поможет. Разве что радио можно установить. Однажды какой-то лектор рассказывал, что под музыку даже растения быстрее растут.

Затем говорил ревком Остап Вредный. Ему, Остапу Вредному, можно было и не взбираться на корыто. Он худой и высокий, как тополь около бывшей церкви (теперь там зернохранилище). Но Остап Вредный все же влез на старое корыто. Он умел говорить необыкновенно красиво.

— Товарищи! На сегодняшний день наша свиноферма механизируется и электрифицируется. Наша свинина должна быть такой низкой себестоимости, чтобы нигде не было такой: ни в Сэшеа, ни в Фээрге, ни в колхозе «Червоний прапор», с которым мы соревнуемся.

Иосип Путря, шофер, не выступал. Он стоял у ворот свинофермы, подставив ветру свой роскошный чуб, и грыз семечки, да так быстро, что шелуха вылетала у него изо рта, как полова из веялки. Практика!

От бригады слово взял Роман Пулейко. Он весь светился радостью и совсем не дергал свою невзрачную бородку. Он сказал, что теперь их ферма будет держать переходящее Красное знамя сельхозуправления и области. Самая дешевая свинина будет у них. И чтобы два кабана на гектар. А затем и три.

— Но мы на этом не успокоимся. Мы не успокоимся, пока не механизируем все процессы труда и пока не завоюем звания села коммунистического труда. А сейчас выступит наша лучшая свинарка Горпина Горюн.

Вот тебе и на — она же слова не просила. А он сразу: выступит. Надо же было предупредить. Хочет показать председателю колхоза, какие, мол, у него здесь люди — активные и разговорчивые. Ладно, она скажет.

Горпина взобралась на корыто и поглядела сперва на председателя колхоза, а затем на всех прочих. И все слова вдруг вылетели у нее из головы. Горпина выступает на собраниях очень редко, большей частью на районных совещаниях, где приходится делиться опытом. Какой-нибудь корреспондент напишет, а она с этой бумажкой идет на трибуну. Положит бумажку перед глазами и не знает, что с ней делать — читать или говорить. Пускай себе, значит, бумажка лежит, а она будет говорить, что хочет. Однажды Горпина попробовала читать,— ничего не вышло. Это только районное начальство хорошо читает. Бормотала она, бормотала, а потом окончательно сбилась и запуталась. А в зале аплодируют. Чего, спрашивается, они хлопают? Рады, что она осрамилась? Горпина возвращалась с трибуны чуть ли не в слезах. Правда, секретарь парткома ее остановил, взял за руку и сказал:

— А мы сейчас вдвоем будем говорить. Согласны?

— Согласна,— ответила Горпина Горюн.

— Ну, в таком случае начинайте вы. Рассказывайте, как свиней кормите.

И она начала. Да так рассказала, что самой даже понравилось. А секретарь только рядом стоял и вопросы задавал. На вопросы, конечно, легче отвечать. А вот без вопросов как выступать? Что же скажешь, когда никто тебя ни о чем не спрашивает?

И сейчас никто не задавал Горпине Горюн никаких вопросов. Но ей самой хотелось сказать людям что-то очень хорошее, волнующее и красивое.

И Горпина Горюн заговорила:

в контору. Да и в клубе нужно кому-нибудь работать.

— А на поле? — спросил Максим Дыня.

— Ну,— иронически улыбнулся Алик.

— Почему же «ну»? Кто-то должен работать, а не ты?

— Не я.

— Значит, метишь в контору?

— Да никуда я не мечу. К чему этот разговор?

— Ясно,— сказал Максим Дыня,— но мы с тобой еще поговорим. А ты, Леся, когда на ферму пойдешь матери помогать?

— Я курсы кончила — кройки и шитья.

— Хорошее дело. За плечами знания не носить. Но где же ты шить будешь?

— Как где? Дома. Где же еще?

Максим Дыня поглядел на ревкома. Может, тот что-нибудь скажет. Нет, молчит. А ему, Максиму Дыне, сейчас не хотелось спорить, и он сказал:

— Вот что, молодожены, приходите-ка ко мне под вечер. Побеседуем. Может, мы вашего примака в колхоз примем. Все может быть.

— Принимайте. Это любопытно, даже оригинально: я и колхоз.

— Ты полагаешь, что так просто мы вот возьмем и примем. Напишешь заявление, и все?

— Ну да, конечно.

— Нет, брат, ошибаешься. Люди раньше посмотрят, как ты работаешь, а тогда, может, и проголосуют.

— Сложная штука! — улыбнулся Алик.

Горпина Горюн слушала и чувствовала, как слезы наворачиваются на глаза. Не из-за лоботряса этого, нет, за Лесю свою ей больно. Позор-то какой! Зять этот вот уже неделю отлеживается под шелковицей, расстелит рядно и с утра до вечера лежит. А вечером — в клуб. Говорят, танцует там что-то американское. Хотелось, ах, как хотелось Горпине Горюн поговорить со своим зятем! Но не смогла. Она видит, какими сияющими глазами смотрит на Алика дочь. Мать понимает, что такое любовь. Поэтому-то и приходится терпеть их абстрактный брак.

В комнату вошел Мартын Кныш. Вытащил из кармана две бутылки: одну — «Московскую», другую — Устину, закупоренную кукурузным кочаном, сказал:

— Есть.

Положил картуз на лавку возле чана и сел рядом с ревкомом.

Так вот какая хата у Горпины Горюн! Такая же, как и у него. Лет пятьдесят тому назад в Сухих Млинцах все хаты строились на один манер. У Горпины, ничего не скажешь, опрятнее, чем у него: занавесочки разные на окнах, полатей нет — кровати поставили с никелированными финтифлюшками и матрацы на пружинах. Должно быть, играют, как струнный оркестр, когда лежишь на них и ворочаешься. Вот весело! И зеркало не вмазано в стену, а висит на гвозде. В таком зеркале не только свой нос увидишь — вся фигура видна. Женщинам нужно, чтобы вся фигура была видна, а мужчинам и носа хватит.

— Как поживаешь, Мартын? — спросил Максим Дыня.— Все карасей ловишь?

— Да бывает. А что?

— Ничего. Ловишь, а на столе почему-то не вижу.

— Да не знал же я.

— А на рынке торгуешь?

— Бывает. Вы же распорядились, чтобы колхоз не принимал. Вот и ношу на рынок.

— Ах, да, да! Распорядился. Закон. А дальше что будешь делать, Мартын?

Вот пристал. Ну что ему нужно? Как будто нельзя для такого разговора другое время найти. Мартын Кныш посмотрел на Горпину Горюн. Она хлопочет возле печи и молчит, будто ее не касается этот разговор. И в самом деле, что ей? Не муж же он. Может, сейчас попросить, чтобы его направили на ферму работать? Нет, смеяться будут. Уж лучше он с бригадиром наедине поговорит. А сейчас можно и глазами похлопать. Не впервые: и на собраниях хлопал и на заседании правления.

Роман Пулейко принялся наводить порядок на столе. Он налил рюмки, подмигнул Алику, дескать, иди сюда, к столу.

Только теперь Мартын Кныш отважился ответить председателю:

— Да что-нибудь делать будем.

— Что вам сказать? Без автоматики работали неплохо, а теперь будем работать еще лучше. Нам с кнопкой легче и государству лучше.

Сказала это Горпина и слезла с корыта. Аплодировали. Максим Дыня похлопал в ладони, и ревком похлопал. А больше всех старался Мартын Кныш: хлопал так, что эхо раздавалось. Что ему здесь, театр, что ли? Чего это он так старается?

— Что ж, Горпино, показывай теперь, как тут кнопку нажимать,— сказал Максим Дыня.

Все направились к фанерной будке, которая стояла тут же, у входа в свинарник. Горпина Горюн открыла дверь будки и сказала:

— Вот эта кнопка.— Горпина поднесла палец к черной кнопке, посмотрела на всех, другой рукой заправила платок за уши и сказала: — Нажимаю.

Где-то что-то заурчало, засопело, затем в первом станке открылась задвижка, и корма потекли в корыто. Как только корыто наполнилось, люк открылся в соседнем станке. И пошло и пошло!

— Эх, едят его мухи с комарами, жизны! — воскликнул Остап Вредный.— Какая жизнь для животноводов наступила! Хоть контору бросай и иди на ферму.

Мартын Кныш усмехнулся. Видали, какой ревком — ему уже в конторе не хочется сидеть. Нет, ты сперва канаву покопай, а потом о кнопке думай.

Горпина Горюн, красивая такая, стояла сейчас в фанерной будке. Ну прямо тебе девушка, да и все! Еще и косу свою из-под платка вытащила, чтобы всем было видно, какая у нее чудесная коса. Еще и улыбается всем.

Мартын глубоко вздохнул. Если бы она не всем так улыбалась, а одному только ему, и если бы никто больше не смел смотреть на нее и думать: вот она какая красивая и веселая.

Полторы тысячи свиней хрюкали и ели. И никто им не говорил, что они идолы и обжоры, никто не намекал, что им лопнуть нужно. Какой-то все же завизжал, видимо, добавки захотел. «Так теперь и получишь добавку,— думает Горпина Горюн.— Это тебе не вручную — кому больше, кому меньше. Это тебе автоматика — получай и ешь. Никакой добавки не будет, потому что все кормоединицы там подсчитаны. Ты ешь, сколько дают. И имей в виду: получаешь три килограмма кормов — давай килограмм сала и мяса. Роман Пулейко все подсчитал».

— Ну, бригадир, ставь магарыч,— сказал Максим Дыня и подмигнул Горпине Горюн,— такой праздник не каждый день бывает.

— Вот именно,— вмешался ревком,— кнопку надо обмыть, чтобы она действовала и не рассыхалась.

— Вот Горпина Горюн приглашает,— сказал Роман Пулейко.— У нее ведь прибавка в семье — примака взяли, из города.

— И вправду, пойдемте ко мне. Очень прошу.

Горпина Горюн сказала так, а на душе у нее стало грустно. Там же тот, как его, Алик. Закрутил голову Лесе, а она и рада. Абстрактной любви рада. Пускай теперь с ним поговорит Максим Дыня, он всегда с новыми людьми разговаривает.

Мартын Кныш шел позади. Его, конечно, не пригласят. Очень он там нужен! Хоть и канаву рыл, однако не пригласят. Нет у него таких достижений, за какие на разные торжества приглашали бы.

Когда уже подошли к дому Горпины, Роман Пулейко сказал Мартыну:

— Сбегай-ка в кооперацию и бутылочку государственной притащи — для председателя. И к Усте заскочи: ревком-то государственную не пьет — возьмешь еще бутылку.— Роман Пулейко дал Мартыну деньги и добавил: — Но, смотри, не задерживайся.

Пока Горпина Горюн готовила закуску: нарезала розовое сало ровными ломтями, жарила яичницу, чистила зеленый чеснок, бегала в погреб за ряженкой, нарезала хлеб, крошила лук,— пока она все это делала, Максим Дыня беседовал с новоиспеченным зятем. Он хотел, чтобы и Леся что-нибудь сказала, но Леся сидела и молчала. Она лишь изредка загадочно улыбалась.

— Ну-ка садись, молодой человек, поближе, поговорим,— обратился Максим Дыня к Алику.

Алик неохотно сел ближе. Он иронически улыбался. Но тут же подумал, что это даже интересно: до сих пор ему еще не приходилось разговаривать с председателями колхозов.

— Хорошо ты сделал: полюбил девушку — и к нам в село. А другие из села увозят девушек. Хорошо. Хвалю!

Максим Дыня говорил и смотрел на парня. Но парень ему чем-то не понравился: улыбается, как будто на все ему наплевать с высокой колокольни.

— Думаешь постоянно у нас жить или как? — спрашивает Максим Дыня.

— Там видно будет,— отвечает Алик, закуривая сигарету и пуская дым кольцами.

— Кому видно будет, нам или тебе?

— И мне и вам.

— А что ты умеешь делать? — спрашивает Максим Дыня.

— Как вам сказать: у меня незаконченное среднее образование. Девять классов.

Леся уже не улыбается. Она говорит:

— У него еще нет специальности. Поживет у нас, а там, может, учетчиком возьмете или

— Он уже пробовал. Вместе канаву рыли,— сказал Роман Пулейко.

Ревком понюхал рюмку, с отвращением скривился и спросил:

— Устины?

— Чья же еще?

— Вот проклятая баба! И что она туда кладет? Табак или, может, кизяки?

— Белену,— отвечает Мартын Кныш.— Я спросил.

Ревком поднял рюмку, посмотрел на желтозеленую жидкость и неожиданно произнес в рифму:

— А выпьем ее проклятущую за ферму нашу цветущую!

Пригубив рюмку, ревком начал цедить вонючую жидкость сквозь зубы. Его продолговатое лицо как бы говорило: вот он пьет отраву, и тут ему каюк.

Роман Пулейко по привычке выпил полстопки. Он ненавидел водку, но такая уж у него работа, что пить надо. Попробуй не выпить, попробуй! Сразу скажут: загордился бригадир, нос задрал и от народа оторвался. Поэтому и пьет Роман Пулейко полстопки и только один раз.

Алик посмотрел на Лесю и одним духом опрокинул стопку. Ни один мускул не шевельнулся на его лице, словно он пил не вонючий Устин самогон, а обыкновенную воду. Леся тоже выпила — почему ей отставать от Алика? Опустила голову и долго не могла прийти в себя. Максим Дыня чмокнул губами и отодвинул стопку подальше от себя.

— Ну ее к черту! И выпить хочется, и нельзя: почки. Врачи говорят: почки у меня с дырками.

— Ой, батюшки, да вы же сами пожелали магарыча. Может, хоть пригубите? — всплеснула руками Горпина Горюн.

— Не могу. Если к губам поднесу, то уже выпью.

После стопки Роман Пулейко завел длинный разговор о силосорезке, которую уже следовало наладить, но еще не наладили, что пора уже силосовать ситник и молодой камыш,— ведь это главные витамины на зиму.

«Нет, какие все же чудаки эти деревенские,— решает Алик.— Разве нельзя поговорить о делах где-нибудь там, на собрании?»

Выпили еще. И Алик почувствовал, как его тело налилось бодростью, а голова стала ну совсем легкой: словно она ничего не весила. Ему хотелось говорить. А почему, собственно, ему молчать в такой компании? Они же тут протухли в своих Сухих Млинцах.

— Ты, молодой человек, приходи завтра в контору,— сказал Максим Дыня. Он аппетитно уплетал ряженку и с грустью поглядывал на свою полную рюмку.

— В контору? А зачем? Может, сейчас скажете? — спрашивает Алик. Он вообще никогда не закусывает после рюмки: кто же ест, когда так хорошо на душе.— Я могу сейчас сказать, что вы мне завтра говорить будете. Хотите?

Максим Дыня молчал, с сожалением поглядывая на молодого человека.

— Завтра вы мне скажете: кто не работает, тот не ест. Не так ли?

Максим Дыня молчал. Он теперь ел ряженку уже без всякого аппетита и молчал. На Алика ему даже глядеть не хотелось.

— Это я уже слышал. Но разве вы поймете такую простую истину: я хочу жить так, как я хочу, а не так, как кто-то мне скажет. Вы, может, думаете, что я прибыл сюда к вам свиней кормить? Чепуха. Свинаря из меня не будет. Ничего из меня не будет. Я хотел бы быть гением. Ну, скажем, художником или композитором. Но нет, гений из меня не получится. Таланта нет, ни к чему нет таланта. Серый я. Так чего же вы от меня хотите? Мне работа не дает наслаждения. Человека создал труд? А я вам докажу, что и без труда человек может прожить!

— Довольно! — Тяжелый кулак Максима Дыни упал на стол.

Алик еще постоял минуту и сел. Леся налила ему стопку, но он не выпил.

Воцарилась тишина. Только ревком нехотя жевал сало. Его нисколечко не взволновали слова Алика. Он сказал:

— Образованный дурак! — и засмеялся.

Максиму Дыне вдруг стало не по себе. Как это он не совладал с собой? То ли нервы сдали, то ли почки подвели. Не поймешь, что там в организме не срабатывает, когда ты трижды пулями прошит и шесть осколков сидят в теле, а в довершение ко всему, для полного, как говорится, комплекта, тебя еще контузило.

— Благодарю тебя, Горпина, за угощение. Ряженки такой и на небе не бывает,— сказал Максим.

— Посидите еще. Чего спешить,— говорит Горпина Горюн,— и простите, ежели что не так получилось.

— Благодарю тебя, Горпина. Хорошая ты, душевная. Гляди только, чтобы дети твои жили счастливо. А ты, молодой человек, когда пожелаешь, заходи. Я тебе такие вещи расскажу, о которых ты даже понятия не имеешь. А отец твой где?

— Не возвратился. Говорят, под Курском,— с трудом вымолвил Алик, и губы у него задрожали.

— Понятно,— вздохнул Максим Дыня и пошел из дома.

Вслед за ним, наскоро попрощавшись, вышел Роман Пулейко. Он, вероятно, вспомнил, что кирпич еще не вывезен на строительство. Может, удастся вырвать у председателя еще две-три машины.

Ревком и Алик глядели друг на друга и пили водку, Алик — «Московскую», а ревком — Устину. Мартыну Кнышу пить не хотелось, он смотрел на опечаленную Горпину Горюн и совсем забыл про стопку, хотя почки у него были в порядке, без дырок. И у врачей он еще ни разу не был. Иной раз, когда начнет колоть в боку, натопит печь, полежит на горячем поду — и на этом все кончается.

И до чего же красива Горпина! И косы еще без седины. Жаль только, что она не улыбается сейчас. До смеха ли, когда тебе такой зятек попался!

Ревком и Алик вылакали все, нетронутой осталась лишь стопка, которую налили Максиму Дыне.

— Спасибо за угощение, Горпина,— сказал Мартын Кныш, поднимаясь со стула. Он не прочь был еще посидеть, но увидел, что и ревком поднимается.

— Всего тебе наилучшего, Мартын. Может, посидишь еще?

— Нет. Мне уже пора.

— Не обходи наш дом,— говорит Горпина и кланяется.

— Может, карасей принести? — спрашивает Мартын Кныш.

— Не надо. Неси уж на рынок,— говорит Горпина Горюн.

Очень как-то сурово произнесла она эти слова, как бы упрек бросила ему, Мартыну. Когда говорят такие слова, какое тут может быть сватанье или ухаживание.

Мартын Кныш напялил картуз и пошел из дома.

XII

Горпина Горюн хлопочет возле печки, борщ варит. Она уже побывала на ферме и свиней накормила. Нажала на кнопку — и, пожалуйста, ешьте. Которые послабее — тем вручную подкормку: ешьте витамины. И совсем не надо их идолами называть или обжорами, без доброго человеческого голоса едят.

Раньше, когда Леся училась на курсах кройки и шитья в городе, Горпина Горюн никогда не возвращалась так рано с фермы. А теперь приходится: обед надо варить.

Раньше, бывало, проснувшись на заре, она растапливает печь, ставит борщ, кормит своих свиней, доит корову, насыпает курам кукурузы. А теперь нельзя: Алик спит.

Теперь Горпине Горюн приходится возвращаться с фермы домой, чтобы сварить борщ. Солнце уже вон куда поднялось, на улице зной стоит, а он, Алик, еще дрыхнет. И Леся рядом с ним.

Да и не спят они вовсе. Потому что Горпина Горюн слышит: «Ты меня любишь, Леся?» Это он спрашивает. А она отвечает: «Люблю».

Полежат немного, и он снова спрашивает: «Ты меня любишь, Леся?» А она то же самое отвечает, мол, люблю. И как это им не надоест?

С того дня, как Леся сказала, что они не зарегистрированы и что брак у них как-то чудно называется — абстрактный, у Горпины Горюн камень лег на сердце.

Еще в тот первый день Горпина Горюн допытывалась у дочери, что это за брак такой. Леся объяснила, но такого наговорила, что Горпина Горюн ничего не поняла. Тогда объяснил Алик. Этот сказал так просто, что тут же все стало понятно:

— Абстрактный — это такой, который не регистрируется. Поживем, узнаем друг друга, и если сойдемся характерами, то жить будем, а если нет, то разойдемся. И в суд не надо ходить, и объявление в газете не надо печатать.

— А сколько же длится такой брак? — спросила Горпина Горюн.

Засмеялся, ну честное слово, засмеялся. И Леся туда же. А потом все же сказала:

— Сколько нам захочется.

И тогда на сердце матери лег камень. А теперь там на сердце уже не камень, а целая скала. И Горпина Горюн не находит себе покоя ни дома, ни на ферме.

Тогда она ничего не сказала. А что скажешь? Ведь они уже муж и жена. Что им до того, нравится это матери или нет? Ничего она тогда не сказала, а теперь скажет. И почему это она должна молчать у себя в доме?

«Ты меня любишь, Леся?» «Очень».

И целуются. Мать в доме, а они целуются.

Сегодня она им скажет. Больше она не может терпеть этого срама.

— Мама, пожарьте нам яичницу! — крикнула Леся.

Горпина Горюн не ответила. Она вышла в сени, взяла там шесть яиц и кусок сала. Она поджарит им яичницу, поджарит и скажет все.

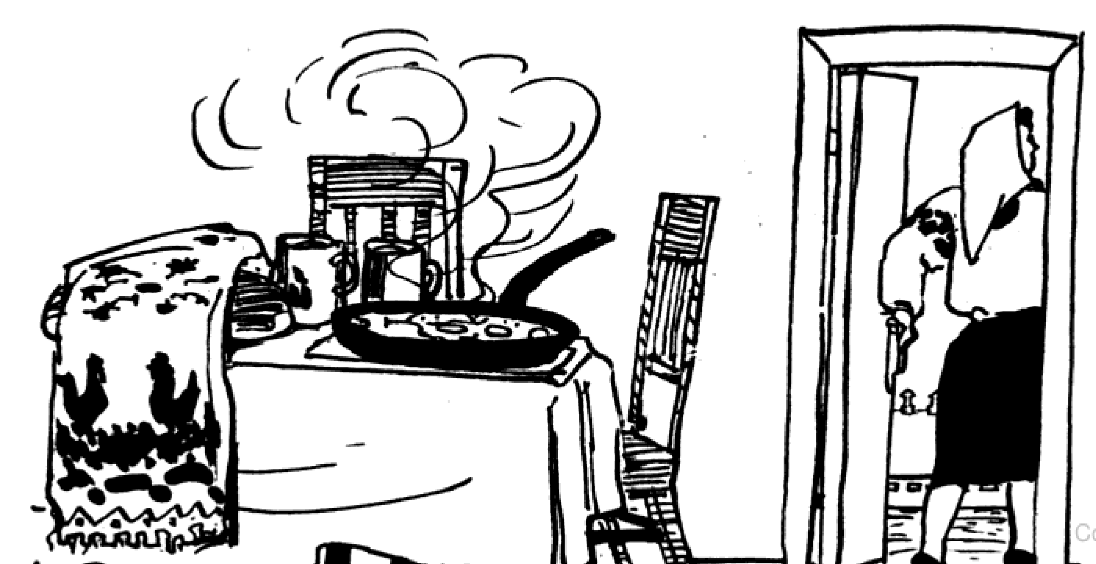
Первой поднялась Леся. Мать взглянула на дочь и залюбовалась. Красивая. Фигура какая! Она шла усталой походкой, и в глазах у нее светилась радость, радость влюбленной, радость счастливой, радость светлейшей поры любви.

Затем поднялся Алик. Он тоже шел тихой походкой, он тоже утомился любить. И в глазах у него светилась такая же радость, такое же счастье. Он был в трусиках, красивый, стройный, юный.

Горпина Горюн жарила яичницу. На сковороде сердито шипело и трещало сало, усмехались желтки.

Горпина поставила сковородку на стол, налила две кружки молока, положила буханку хлеба — вчера только испекла,— накрыла полотенцем и вышла из дома.

Окончание следует.

Загадка, проблема, открытие, факт

НОВАЯ ЧАСТИЦА

К многочисленной семье атомных частиц, известных сейчас науке, прибавилась еще одна. Она открыта на Брукхейвенском синхрофазотроне в США. Ее имя — омега-минус, время жизни — 10^{10} секунды.

ЕГИПЕТСКИЙ УРАН

В Объединенной Арабской Республике в 100 километрах от Каира с помощью Советского Союза создан и работает атомный центр, где ведутся ядерные исследования.

Недавно на опытном заводе арабские ученые и инженеры освоили извлечение урана и тория из руды.

Проектируется строительство нового завода.

БАОБАБ-РЕКОРДСМЕН

До последнего времени считалось, что самый большой баобаб Сенегала находится близ Дакара. Объем «талии» чемпиона — 20 метров 30 сантиметров. Но недавно нашелся еще больший собрат. Он растет в деревне Фисель в 90 километрах от Дакара. Исследователи замерили дерево в полутора метрах от земли — 22 метра!

СВЕТ И ЗВУК

В двадцатом ряду партера встает человек. По всей видимости, он хочет задать вопрос оратору. Оратор берет в руки небольшой прибор и направляет на вставшего... луч света.

«Ретрометр» — так называется этот новый аппарат для связи, продемонстрированный американской администрацией по аэронавтике и космосу. Он представляет собой передатчик-приемник, излучающий направленный пучок света от двадцатипятиваттной лампочки. Луч света попадает на трехгранный рефлектор, который держит собеседник. Одна из граней рефлектора колеблется от звука голоса, и луч, отражающийся от нее, модулируется. Приемное устройство вновь превращает модулированный свет в звук.

Ретрометр может применяться в больших аудиториях, где присутствующим будут выдаваться легкие и дешевые рефлекторы. При их помощи из любого места в зале, не напрягая голоса, можно будет задать вопрос лектору или оратору. Нужно лишь, чтобы он направил на спрашивающего луч света.

Рефлекторы можно сбросить на судно, терпящее аварию, и находящиеся на нем смогут непосредственно разговаривать со спасателями. Таким же образом будет осуществлена связь между контрольной башней и идущим на посадку самолетом.

ОБРАЗЫ ДАЛЕКИХ ЭПОХ

...Их не видел ни один человек. Сам человек появился миллионы лет спустя. И все же сегодня мы вглядываемся в их облик, воссозданный кистью художника и ученого.

Ф. КАМЕНСКИЙ

Он поднимается над нами на добрые шесть метров — скелет зауролофа — одного из тех, чьи кости раскопали палеонтологи в пустыне Гоби. Этот утконосый динозавр весил столько же, сколько два взрослых слона. Вылезая из воды, где он проводил большую часть времени, гигант медленно ступал своими ножищами диаметром с велосипедное колесо, прокладывая себе путь в густых зарослях заболоченного субтропического леса. Он пожирал огромные количества растений, перетирал их своими зубами-терками. Их тоже раскопали палеонтологи, и эта «техника» представлена рядом со скелетом в остекленной витрине.

Как же выглядело это чудовище? Каков был вид всех этих динозавров, индрикатериев и других больших и малых созданий, кости которых сохранились в многоэтажных наслоениях Земли?

На этот вопрос отвечает доктор биологических наук К. К. Флёров, отвечает не только своими исследованиями, но и замечательными полотнами и рисунками, украшающими ряд музеев, в том числе Палеонтологический музей, где мы ведем с ним беседу.

Он рассказывает, как из отдельных обломков костей формируются фрагменты, а из них — целые скелеты, как наука позволяет более или менее точно восстанавливать внешний вид животных.

Картины профессора К. К. Флёрова известны во всем мире. Во многих книгах по палеонтологии — ученых трудах или популярных брошюрах — имеются снимки с его полотен и рисунков. Они надолго запоминаются и поражают воображение.

К. К. Флёрова отличает сугубо научный подход к изображаемому. Все эти ихтиозавры, плиозавры не фантазия живописца, хотя ее элементы имеются и здесь. Скелеты животных точно определяют их рост и объем тела. Оказывается даже, что представление об их шкуре и цвете тоже не выдумка. Даже о поведении древнего животного палеонтологи могут рассказать много интересного.

Палеогеография, палеозоология и палеоботаника — науки, все глубже и глубже вгрызающиеся в прошлое Земли. Например, в эпоху олигоцена Северный Ледовитый океан широченным проливом соединялся с морем, которое мы ныне называем Каспийским. Это подтверждают также находки, сделанные вдоль восточной зауральской низменности, где на большой глубине в земле обнаружены зубы акул. А о том, какая была растительность разных эпох, повествуют остатки деревьев и цветов, пыльца растений. Точными научными методами выявляются и характерные особенности древнего климата. Скажем, теперь известно, что в Казахстане в районе Аральского моря миллионы лет назад температура была на пять-шесть градусов выше современной. Сведения же о климате позволяют сделать вывод о том, было ли тело животного покрыто шерстью или оно имело более легкую «одежду». На помощь приходят отпечатки кожи, которые нет-нет и находят среди ископаемых, извлекаемых из глубин.

Опыт изучения животного мира настоящего и прошлого позволил вывести любопытную закономерность. Оказалось, что чем влажней климат, тем интенсивней окраска, и наоборот, при сухом, пустынном климате цвета шкур как бы линяли под лучами солнца, от которого стало трудней находить тень. Изменения климата вызывали изменение характера пищи, а это, в свою очередь, отражалось на зубах: растительное питание превращало зубы в терки, а уход от вегетарианства к истреблению себе подобных приводил к развитию острых зубов и прочных клыков.

Часами, не уставая, можно слушать эти повести о прошлом Земли и ее обитателях.

Константин Константинович, влюбленный в свою науку, столь отчетливо видит ландшафты Земли в отдаленные периоды ее развития, что путешествует по ней, как будто бы речь идет о сегодняшнем Подмосковье. Смеясь, он рассказывает, что и сны его подчас чисто палеонтологические. Не раз он бывает «свидетелем» необычайных происшествий в давно ушедшем времени. То перед ним, тяжело ступая, проходит группа гигантов-индрикатериев — самых крупных млекопитающих. То мчатся табуны быстроногих гиппорионов — вымерших трехпалых лошадей. То саблезубый тигр рвет на части зазевавшуюся «корову» тех времен.

О том, как зримо можно представить себе иные эпохи, свидетельствуют материалы, собранные под стеклами одной из витрин Палеонтологического музея. Здесь все посвящено индрикатериевой фауне, характерной для эпохи олигоцена (25—40 миллионов лет назад). Карта мира той эпохи непривычна для нас. Широкий пролив разделяет Европу от Азии. Азия и Америка — единый материк. Африка слита с Азией.

На этом общем фоне дается представление об одном из районов Казахстана, который в олигоцене был покрыт богатой растительностью. Перед нами картины природы того времени, восстанавливаемые по данным о флоре, климате и географии. Их автор — К. К. Флёров. Он называет основания, позволяющие делать выводы об этом ландшафте, об обширных и густых, тенистых лесах из грабов и буков, о густо заросших болотах.

Стрекозы и другие насекомые (их ископаемые остатки — тут же, под стеклом витрины) плотными стаями летали над водными просторами. В лесах бродили халикотерии, объедавшие верхние ветви растений, поднимаясь на задних ногах и цепляясь когтями за стволы. На деревьях жили приматы, которые, быть может, спустя многие миллионы лет, дали ветвь, развившуюся в человекоподобных. Были в лесах и белки, похожие на наших, были и ежи, если не совсем такие, как современные, то, во всяком случае, близкие к ним. На сухих пространствах Казахстана, в его южной части, было царство индрикатериев.

У индрикатерия не было врагов, которые могли бы его осилить. Он жил беспечно в теплом климате, не требовавшем длинной шерсти, и она, по-видимому, мало чем отличалась от шерсти нынешних тапиров из тропической зоны. Кожа у индрикатерия, конечно, была толстая, но не толще, чем этого требовали пропорции его туловища.

— И потому,— говорит Константин Константинович, указывая на полотно, висящее на стене,— я рисую индрика таким, каким вы его видите на этой картине.

* * *

Академические палеонтологические коллекции не имеют себе равных. Но беда в том, что эти несметные богатства остаются недоступными для народа, потому что два небольших зала музея не в состоянии вместить всего того, что добыли золотые руки палеонтологов из земных кладовых. Это скорее своеобразный склад древностей, а не музей. Мы обращаем внимание Президиума Академии наук на это обстоятельство. Живопись К. К. Флёрова также достойна широкой экспозиции. Работы художника и ученого, рассказывающие нам о далеких эпохах, вызывают живой интерес, будят воображение, дают много любознательному уму.

Эти гиганты жили на нашей планете миллионы лет назад. Остатки зауролофов из группы динозавров были впервые найдены в пустыне Гоби экспедицией, которой руководил известный путешественник, палеонтолог и писатель И. А. Ефремов.

К. Флёров

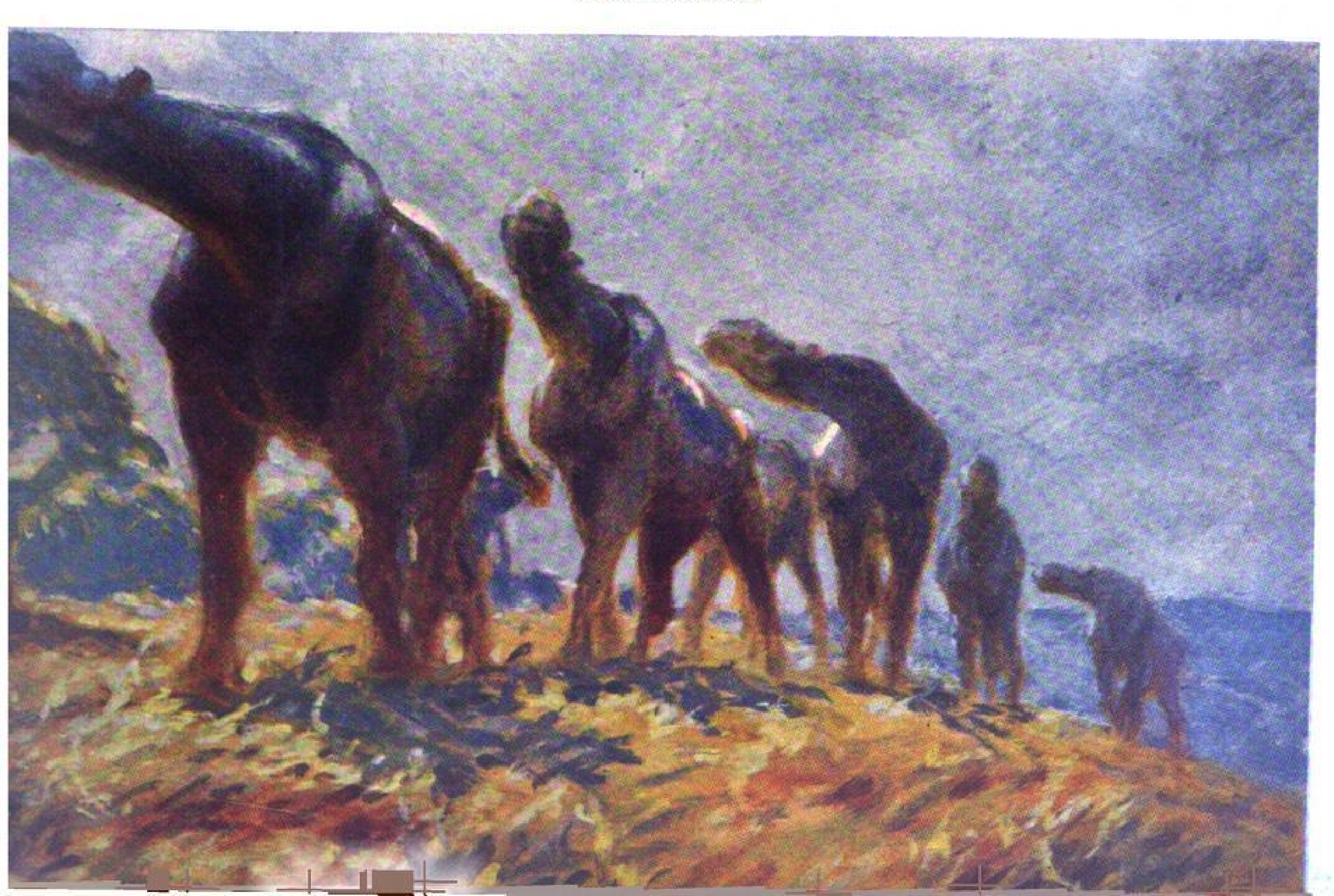
Таким себе представляет «Юрское море» на территории Европейской части СССР профессор К. К. Флёров. Он изобразил стадо ихтиозавров — морских пресмыкающихся, живших миллионы лет назад. Остатки этих животных обнаружены в Поволжье.

К. Флёров

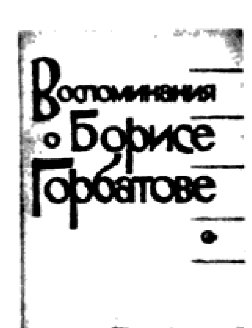
Бизоны — прямые предки нынешних бизонов и зубров. Они жили, с позиций палеонтологических сроков, недавно, всего 15—20 тысяч лет назад.

Самые гигантские млекопитающие на земле — индрикатерии. Рост их около 5 метров. Они жили в Азии, на территории нынешнего Казахстана и Монголии.

ТАЛАНТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Когда вспоминаешь Бориса Горбатова, всегда представляешь его в движении. В его живых глазах и славной улыбке, в подвижной коренастой фигуре, в торопливой энергичной походке и бодрой скороговорке было много привлекательной неугомонной юности. «Путешественник по эпохе» — назвал его один из друзей. Горбатов прожил жизнь недолгую (1908—1954), но насыщенную событиями, полную труда, борьбы, творчества. Об этой жизни рассказывают в своих воспоминаниях К. Симонов, Ю. Либединский, Б. Галин, Г. Серебрякова, Д. Кабалевский, Л. Луков, А. Ионов, В. Молоков и многие другие — друзья и родные, полярники и журналисты, партийные работники, деятели литературы и искусства. Перед читателем этих «Воспоминаний о Борисе Горбатове» возникает облик замечательного человека, который талантливо жил и талантливо писал.

Талантливо жил... Авторы воспоминаний пишут об общественной активности Горбатова, о неотделимости его жизни от жизни народной. Он никогда не занимал позиции наблюдателя, не отходил в сторону с блокнотом в руках. Нет, он был зимовщиком среди зимовщиков, солдатом среди солдат, работником среди работников.

Талантливо писал... Перед читателем раскрываются жизненные истоки его творчества, процесс его формирования как художника. И возникает желание перечитать произведения Горбатова — «Мое поколение» и «Обыкновенную Арктику», «Письма товарищу» и «Непокоренные», «Закон зимовки» и «Донбасс», книги, проникнутые страстностью, полные жизненной правды, сочетающие романтическую воодушевленность с реалистической точностью. Они, эти книги, стали превосходным доказательством того, что прямое признание в любви к своему времени, в верности коммунистической идее отнюдь не обедняет, а обогащает творчество художника.

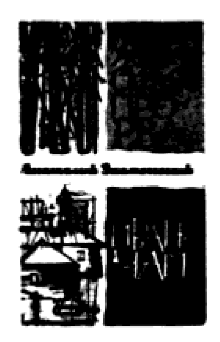
Заслуга авторов сборника заключается в том, что они не только возбуждают интерес к творчеству Горбатова, но порой решают задачу исследовательскую: помогают понять особенности его творчества, прослеживают долгие и упорные поиски писателем своего стиля. В воспоминаниях читатель найдет доказательство того, что лирико-романтическая приподнятость горбатовской прозы, свободной от искусственности и аффектации, рождена любовью писателя к обществу и к героям, близким его сердцу, что она следствие страстного отношения писателя-борца к жизни.

Желание «распахнуть настежь свое сердце» и определило лиричность горбатовской прозы, лиричность, столь неразрывно связанную с эпическим началом. В этом органическом сочетании и проявилась особенность стиля Б. Горбатова. В непрестанных творческих поисках решал Горбатов свою основную задачу — создание образа современника, стремясь выразить через него наше «необыкновенное время».

В. КАРПОВА

Воспоминания о Борисе Горбатове. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1964.

В ТАЕЖНЫХ ДЕБРЯХ

Вышел новый роман краснодарского писателя Анатолия Знаменского «Иван-чай». Вместе с прежним романом, «Ухтинская прорва», составилась дилогия, посвященная истории освоения нефтяных богатств нашего Севера — до революции и в советское время.

Анатолий Знаменский, писатель нелегкой судьбы, в прошлом комсомольский работник, сам долгие годы проживший на далеком Севере, в таежной глухомани, отлично знает быт и труд людей, которые в годы Отечественной войны не щадя сил добывали нефть — золото земли, столь нужное для фронта и тыла.

Роман «Иван-чай», несомненно, привлечет к себе внимание широких кругов читателей. Он населен людьми сильными, смелыми, с крутыми характерами и той неистребимой любовью к жизни, которая возникает там, где соседствуют труд и героизм, лютые невзгоды и радостные свершения.

«Глуха тайга! Молчаливые дебри ревниво хранят были прошедших времен и богатства недр, преграждая путь человеку спутанным буреломом, хлябью болот и хаосом загадочного».

И вот в глухой тайге работают люди. Нелегко им: промерзшие бараки, скудная пища, рабочий день, начинающийся затемно, трудности, нехватки — идет война, все силы напряжены.

Десятник-вышечник Шумихин, буровой мастер Золотов, бывший вор Овчаренко, начальник участка Николай Горбачев, лесоруб Канев — все они, такие разные, ничем, казалось бы, не похожие друг на друга, охвачены одним желанием — скорее добыть нефть. На их пути не только морозы, лесные дебри, земля, от холодов превратившаяся в железо, но и плохие люди: ворснабженец Ухов со своей шайкой, бандит Обгон, обирающий работяг, следователь Чернованов — бериевский приспешник, холодный, злобный карьерист. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Но когда немецкий парашютный десант вторгается на территорию стройки, тут и определяется истинное лицо каждого человека. Немцы, рассчитывающие на поддержку со стороны тех, кто «пострадал от власти», остаются в изоляции и гибнут в лесных дебрях.

Роман «Иван-чай» свидетельствует, что его автор набирает силу, находит свой голос, звучащий все более и более уверенно. Жаль только, что последние главы романа несколько скомканы, написаны торопливо, и это оставляет впечатление чего-то недосказанного.

Хочется спросить писателя: «Ну, а дальше? Что же стало с героями «Иван-чая»? Как сложился дальше их нелегкий жизненный путь?»

Может быть, дилогия превратится в трилогию?

Ник. КРУЖКОВ

Анатолий Знаменский. Ухтинская прорва. Иван-чай. Романы. Изд-во «Советский писатель». 1964.

ВЕРНОСТЬ ПОЭТА

Более двадцати лет назад, в суровые дни Великой Отечественной войны, в эфире впервые прозвучала песня композитора Е. Жарковского «Прощайте, скалистые горы». Слова этой песни написаны Николаем Букиным в 1942 году на полуострове Рыбачьем. С тех пор автор полюбившейся народу песни издал несколько поэтических сборников. Новая книга стихов Н. Букина открывается этой популярной песней.

...Обратно вернусь я не
скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить
мне без моря,
Как море мертво без меня.

Поэт и сейчас остается верен своей теме. В издание вошли в основном стихи, написанные Н. Букиным в поездках по родной стране и за границей, причем некоторые из них сугубо «сухопутные». Но главное в этих произведениях — по-прежнему люди, без которых «море мертво».

География стихов Николая Букина богата: полуостров Рыбачий, Выборг, Полярный, Мурманск, Балтийск, Лиинахамари, Североморск, Портсмут, Лондон... Но где бы поэт ни находился, он всюду чувствует себя гражданином «великих штатов СССР». Его небольшой цикл стихов об Англии — «К берегам Британии», «На Спитхэдском рейде», «Хайгетское кладбище», «У моста Ватерлоо», «Гости корабля», «Песня о Москве», «У Букингемского дворца» — говорит о высоком чувстве патриотизма.

Отрадно, что какой бы темы поэт ни касался, форма и язык его стихов просты, безыскусны, в них нет фальши. Поэту веришь, когда он в стихотворении «Счастье морское» заявляет, что моряки

...готовы надолго лишиться
покоя,
Чтоб людям спокойней
жилось на земле.

Мих. СЕРГЕВИЧ

Н. Букин. Вернусь я не скоро. Библиотечка журнала «Советский воин». 1963.

Макаров и Нансен

Известный русский моряк и ученый адмирал Степан Осипович Макаров мечтал о покорении Северного полюса. Он считал, что лучше всего проникнуть в глубь Арктики с помощью ледоколов.

Но вместе с тем Макаров с интересом относился к другим идеям освоения Арктики и следил, в частности, за исследованиями скандинавских ученых. Не без участия Макарова для экспедиции Нансена из Петербурга были высланы карты северных окраин Сибири, описания населенных пунктов побережья и другие материалы. После своего знаменитого дрейфа в Ледовитом океане на судне «Фрам» Нансен совершил поездку по странам Европы и в апреле 1898 года впервые посетил Россию. В Петербурге прославленному норвежцу была вручена высшая награда Русского географического общества — Константиновская медаль. Академия наук избрала его своим почетным членом.

17 апреля Нансен присутствовал на заседании Русского географического общества, где обсуждался вопрос об исследованиях в Ледовитом океане. Макаров снова выступил со своим проектом исследования Арктики. Нансен был поражен смелостью и глубиной научных замыслов русского мореплавателя. Норвежский ученый выступил в поддержку проекта Макарова. «Он (Нансен) много говорил о моем проекте. Говорил в выражениях симпатичных»,— отметил в своем дневнике Макаров.

Возвратившись на родину, знаменитый норвежец не переставал интересоваться научной деятельностью Макарова. Об этом свидетельствуют письма Нансена адмиралу Макарову, хранящиеся в Военно-морском архиве в Ленинграде. В письме от 11 марта 1899 года Нансен писал:

«Дорогой адмирал Макаров!

Я очень давно собирался написать Вам, но, будучи перегружен, все откладывал. Прежде всего я хочу сердечно поблагодарить Вас за те приятные и интересные дни, что мы провели вместе в Санкт-Петербурге и которые я буду с большой любовью вспоминать и жалеть, что встреча эта была очень короткой и что у нас было так мало времени, чтобы обсудить такое множество вопросов, в разрешении которых мы оба очень заинтересованы».

Далее Нансен сообщал, что он с большим нетерпением ждет результатов первых испытаний чудесного ледокола «Ермак», подчеркивает важность идей Макарова для строительства кораблей другого назначения и сообщает, что он думает приступить к постройке нового корабля для полярных экспедиций. «Но я еще не хочу начинать,— пишет он,— так как уверен, что Ваш опыт и Ваши советы будут важны для меня даже при строительстве такого корабля, как мой».

Летом 1899 года ледокол «Ермак» совершил два похода в Арктику. Макаров подробно информировал Нансена о научных результатах этого плавания. Материалы о летнем плавании «Ермака», полученные от Макарова, были использованы, по словам самого Нансена, в его лекциях, прочитанных в Мюнхене и Берлине, и в книге «Исследования Арктики в XIX веке».

31 марта 1904 года адмирал Макаров погиб вместе с броненосцем «Петропавловск», наскочившим на японскую мину. Трагическая гибель адмирала Макарова прервала плодотворное сотрудничество двух великих ученых.

После победы Октябрьской социалистической революции Нансен одним из первых начал сотрудничать с советскими учеными. В 1921 году он организовал помощь голодающим жителям Поволжья. IX Всероссийский съезд Советов в ознаменование его благородных усилий наградил Нансена грамотой. «Русский народ,— говорилось в грамоте,— сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена». В это время Ф. Нансен был избран почетным депутатом Моссовета.

В 1928 году великий норвежец в последний раз посетил нашу страну. В Ленинграде он выступил с докладом «Об итогах и перспективах исследования Арктики», в котором он, в частности, сказал: «Для меня великая честь вновь быть и говорить в Советской России, быть среди народа, имеющего столь великое будущее».

Заветная мечта полярных исследователей Скандинавии и России о превращении Ледовитого океана в нормально действующую транспортную магистраль была осуществлена советскими мореходами. Северный морской путь волею советских людей стал водной дорогой крупного народнохозяйственного значения.

В. ВИНОГРАДОВ,
кандидат исторических наук

В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ «ОГОНЬКА»

ЧЕЛОВЕК ИЗ МАГАЗИНА

В редакции «Огонька» состоялась встреча тех, кого мы обычно привыкли видеть за прилавками магазинов. Пришли молодые продавцы, которые недавно окончили школу торгового ученичества, и директора крупнейших столичных магазинов. Здесь можно было встретить работников министерства и профсоюзных руководителей. Людей, стоящих за прилавком, волнует много острых проблем. Но сегодня речь идет лишь об одной из них: почему молодежь, пришедшая в торговлю, вскоре убегает отсюда, почему еще бытует такое неправильное мнение, будто любой работник магазина — это жулик, почему порой так унижают честь и достоинство продавца? Участники встречи как бы заключали большой разговор, начатый в очерке «Бегство» («Огонек» № 34 за 1963 год) и продолженный в письмах читателей (№ 48 за 1963 год и № 6 за 1964 год).

Мы собрались здесь на «исповедь»,—начала свою речь председатель Центрального комитета профсоюза работников торговли и потребкооперации Антонина Григорьевна Шелаурова.— Наша профессия имеет большое значение для советских людей. Только в Российской Федерации в торговле трудится 1 миллион 650 тысяч человек. Не будет откровением, если я скажу, что многие, в том числе некоторые писатели и работники искусства, относятся недоверчиво, настороженно, а порой и предвзято к нашей профессии. Это не может не вызвать тревоги. Не случайно очерк «Бегство», опубликованный в «Огоньке», вызвал такое большое количество откликов. Сегодня хотелось бы ответить на вопросы, поднятые в журнале. Хотелось бы, чтобы все намеки, вроде таких, как «уволить по-плохому», таинственность, которая якобы существует в подсобных помещениях магазинов, разговоры о «естественке», были бы раскрыты. Мы пришли в редакцию «Огонька» для совершенно откровенного разговора. Это необходимо для того, чтобы ответить на главный вопрос: почему бегут из торговли?

Труд наш нелегкий. Продавец всегда должен иметь хорошее настроение, опрятный вид, быть всегда внимательным к покупателю. Если хотите, продавец — это артист своего рода. Когда он подходит к прилавку, он должен забыть обо всех своих неприятностях и целиком посвятить себя внимательному обслуживанию покупателей. Тысячи глаз покупателей наблюдают за каждым движением продавца. Требуются профессиональная выдержка, профессиональная приветливость, внимание, терпимость. Если у кого-нибудь эти качества отсутствуют, надо приложить все усилия, чтобы их приобрести. Без них работать невозможно.

Я бы могла тут назвать фамилии многих людей, которые прошли путь от ученика продавца до директора крупного универмага. Возьмите товарища Чалую, директора «Детского мира». Сейчас она возглавляет коллектив в шесть тысяч человек, а начинала с должности скромного калькулятора. Я сама двадцать лет назад пришла в маленький продовольственный магазин рядовым продавцом. Шла война, работали мы с утра до глубокой ночи. Выходных дней не было. Затем поступила учиться, потом других в течение семи лет учила. Подобный путь характерен для многих.

Но, к сожалению, встречаются за прилавком и люди, которые не оправдывают оказываемого им доверия. Еще не всегда мы понастоящему боремся с отрицательными явлениями в торговле. Вместо того, чтобы схватить за руку вора, растратчика, честный человек молчит, вернее, делает вид, что ничего не замечает. А некоторые предпочитают открытой борьбе бегство.

ПОКУПАТЕЛИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...

Зина Иванова в торговлю пришла не случайно. Окончила техникум, работала старшим продавцом, товароведом, сейчас она заместитель заведующего отделом, учится на втором курсе заочного института, окончила курсы английского языка. Самое же главное — ни разу за шесть лет не пожалела, что избрала профессию работника прилавка. Она рассказала о своих подругах и товарищах, которые также не жалеют об избранной профессии.

— Никто у нас не трясется, пусть трясутся те, кто ворует. А что нам трястись? У нас в бригаде не бывает недостач.

Покупатели есть разные. И, стоя за прилавком, обо многом судишь по ним. Как-то, когда я только пришла на работу в магазин после окончания техникума, один покупатель сунул мне за хорошее обслуживание четыре пятерки старыми деньгами. Хочу крикнуть, что нельзя всех считать взяточниками, а в горле, чувствую, комок. Вот вам картина: продавец и покупатель! Неужели такие люди не понимают, что есть честь и у нас, продавцов? Конечно, покупатели бывают разные. Я читала в «Огоньке» про одного парня, который, узнав от девушки, что она работает продавцом, сказал ей, что продавцов он презирает. Девушка покраснела и убежала. Скажу откровенно: был и со мной подобный случай. Поехала я в дом отдыха и познакомилась там с одним парнем. Сказала ему, что работаю в магазине, а он презрительно хмыкнул... Ну и пусть себе хмыкает!

«ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ» И ПРОДАВЩИЦЫ БРЮК

В редакцию пришли и работники крошечных подмосковных сельпо и директора таких столичных магазинов, которые, можно сказать, привлекают к себе не только москвичей, но и всех, кто приезжает в Москву. Каждый говорил о том, что его волнует. Например, директор продовольственного магазина Даниловского сельпо Воскресенского райсовета А. В. Волынец рассказывал о том, как его предшественник распивал водку на работе непосредственно в магазине. Конечно, подобной истории нельзя себе представить, скажем, в ЦУМе, ГУМе, «Гастрономе» № 1 и т. д. Однако выяснилось, что есть вопросы, которые в одинаковой мере волнуют директора сельпо и, скажем, директора такого магазина, как ЦУМ, Г. И. Фокина или директора Ленинского универмага М. А. Фомина. Какие же это вопросы?

Вот Волынец, например, рассказал, как он и его друзья, удрученные тем, что покупатели часто без всякого на то основания оскорбляют работников торговли, решили, так сказать, душевно отдохнуть и коллективно отправиться в театр. Долго обсуждали, какой спектакль выбрать. Закупили билеты на «Иркутскую историю». Почему именно на этот спектакль? Хотелось отвлечься от обыденщины, поглядеть, как люди трудятся на больших стройках. И вот отправились. «Пришли, посмотрели, а вышли с ударом в голове: продавщица там была показана со всех плохих сторон — пьяница, развратница, жулик».

Директора Центрального московского универмага Георгия Ивановича Фокина «Иркутская история» также глубоко тревожит. Сам Фокин окончил институт, проработал в магазине, о котором идет речь, четверть века, воспитал целую армию работников прилавка. Но и он жалуется, что, случается, обзывают его «барыгой». «Несмотря на то, что вкладываешь в работу всю энергию, а нигде благодарного слова не услышишь. Работа директора магазина начинается в 9 утра, а кончается поздно вечером; иной раз придешь домой, не успеешь снять пальто — звонок по телефону, что-то случилось в магазине, и бежишь обратно. Продавцы должны быть выше покупателей, они должны быть и психологами, и педагогами, и технологами — словом, многое должны знать. Наши продавцы вкладывают душу в работу, а их все равно бранят».

Директор Ленинского универмага Михаил Алексеевич Фомин сказал, что, по его мнению, разговор ведется не вполне откровенно. «Недостатков в торговле очень много. Ведь не секрет, что большинство из нас скрывает свою профессию. А почему? Я сам с шестнадцати лет пришел в магазин работать. Если бы тогда так ругали работников торговли, я бы не пошел. Что ж, выходит, нынешние молодые люди хуже нашего поколения? Ведь это не так. А между тем ругают их во много раз больше, чем когда-то ругали нас. И вот результат. Как правило, юноши не идут в школы торгового ученичества, там учатся одни девчата. А магазины растут. И, представьте себе, некому торговать брюками. В этом отделе работают девушки. Да разве это порядок? Мужчина не может посмотреть, как сидят на нем брюки.

Мы все в юности мечтаем стать писателями, артистами, космонавтами, но, избрав более прозаическую профессию, все же не теряем надежды отличиться и в ней. Но, увы, окончит человек торговый техникум или экономический институт, пошлют его в магазин, а потом смотрят на него косо: не жулик ли? Скажите, кого такое не обратит в бегство? Считаю, что в текучести кадров есть вина и писателей, журналистов, кинодеятелей. Наглядится молодой человек, начитается и бежит от торговли, как черт от ладана. Вот вам простой пример. Куда ни придешь, везде на нас смотрят с опаской. Скажем, нужна путевка в санаторий, заболел человек. Приходишь, а тебе отказывают. И не потому, что нет путевки, а просто боятся удовлетворить просьбу торгового работника. Конечно же, сразу пойдут разговоры: мол, такой-то заодно с торгашами. Но это еще не главное зло. Есть зло похлестче. Когда некоторые студенты при распределении говорят, что идут работать в промтоварные магазины, то им другие советуют: иди, мол, на продовольствие, там выгоды больше, есть «естественка». Подумайте только — вступают на трудовой путь, а о чем заботятся! Но я о другом. Не надо мерить всех на один аршин. Нельзя человека брать на подозрение только потому, что он стоит за прилавком. Вот если бы всё это принимали во внимание авторы пьес и книг, они бы помогли нам, и не было бы такого явления, когда даже в крупнейших магазинах иногда некого поставить брюками торговать».

СУДЬБА МОЛОДЫХ

Как мы уже сказали, среди наших гостей было немало молодых

продавщиц. И, надо сказать, они со всей откровенностью говорили о том, что происходит в «торговом мире». Была еще одна особенность в их выступлениях. Почти каждая упоминала, как к ее профессии относятся дома, родные. Как правило, не очень доброжелательно. Чаще всего стараются своих дочек «вырвать» из торговой сети. Считают, это вроде семейного несчастья, матери переживают. Вот продавщица универмага № 8 Мосторга Светлана Подосинникова, так та без обиняков сказала: «Мама считает, что зря меня учила. Когда у нас в магазине идет переучет, так она целыми ночами не спит. А между прочим, у нас за пять лет работы недостач не было. Но мама ведь смотрит телевизор, читает книги... Я и то уже потратилась на нее. Выписала специальную газету «Советская торговля», там хоть иногда про нас доброе слово напишут. Надеюсь маму перевоспитать. Газету она читает, но в магазин пришла поглядеть со стороны, как я работаю, и говорит мне вечером дома: «Что это за работа? Целый день только и слышно: «Дай, подай». Для чего я только тебя учила!» Я все же не собираюсь уходить из торговли. Я люблю работать с людьми. Я секретарь комсомольской организации, выпускаю «молнию» и своей судьбой довольна».

Вслед за Светланой выступила такая же молодая продавщица из города Электростали Валя Щербакова. Она тоже пришла в магазин со школьной скамьи. И ее тоже на первых порах пугали, что вокруг одни нечестные люди. И все-таки работа полюбилась.

Электросталь — это город металлургов, сталеваров. В газетах много пишут об этих людях, публикуют их портреты. А вот ни одного работника торговли даже на Доске почета не увидишь. А почему? Никто не интересуется, о чем думают такие девушки, как я, что нас волнует, чем мы дышим, каков наш внутренний мир.

Валя Щербакова со всей откровенностью рассказала, какие «порядки» еще существуют у них в районе. Так, например, однажды поехала она с заведующей на торговую базу. Там сказали им, что товаров нет. А вот приехали из другого магазина — им дали хороший товар. Причина? Очень простая: взятка. Дашь взятку — получишь с базы самые лучшие товары.

Выступил в редакции заместитель министра торговли РСФСР Василий Иванович Феофанов:

— К сожалению, у многих неправильное представление о профессии продавца. У нас в торговле еще много непорядков и недостатков, большая текучесть кадров. Однако из этого не следует, что все плохо.

Не везде относятся, как здесь говорили, пренебрежительно к нашим товарищам. Я вот сейчас вернулся из Сыктывкара, видел там жилые дома, детсады, пионерские лагеря для детей работников торговли.

Вопросы, поставленные «Огоньком», имеют актуальное значение. Правильно было сказано, что все мы, советские люди, заинтересованы в том, чтобы никто не унижал человеческого достоинства. Надо всегда помнить, что каждую работу делаешь не для себя, а для народа. Правильно написала одна из читательниц «Огонька», что все мы служим народу.

В. ВЛАДИМИРОВ

ИСКУССТВО ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Еще со времен немого кинематографа сценаристов и режиссеров влечет к себе творчество замечательного советского писателя Михаила Александровича Шолохова. О. Преображенская и И. Правов впервые воплотили на экране бессмертные образы «Тихого Дона», потом была «Поднятая целина» в постановке Ю. Райзмана, и снова «Тихий Дон» — многосерийная киноэпопея С. Герасимова, и прогремевшая на весь мир «Судьба человека» С. Бондарчука, и трогательный «Нахаленок»...

На нескольких шолоховских картинах, вышедших на экраны за последние годы, стоит марка киностудии «Ленфильм». Герои «Поднятой целины» вновь ожили в фильме режиссера А. Иванова; один из ранних рассказов Шолохова, «Жеребенок», лег в основу первой картины, снятой молодым режиссером В. Фетиным.

Дарья — Л. Чурсина, Шибалок — Е. Леонов.

Николка — А. Блинов.

И вот новая встреча с героями Шолохова на экране.

...Уже год по станицам нижнего Дона гоняется за кулацкими бандами красная конная сотня. Уже год возит за собой в пулеметной тачанке Яков Шибалок озорную, острую на язык Дарью. И вдруг кто-то предает отряд — бандиты, узнав, что у красных кончились патроны, «отводят душу». Только несколько человек — все, что осталось от боевой сотни,— скрываются за степными курганами. Смертельно ранен в бою молодой командир. Ошеломлены, подавлены бойцы. А тут еще Дарья некстати собралась подарить Шибалку сына... Но перед самыми родами она сознается, что год назад была подослана бандитами к красным «для сведениев», что предала отряд. И когда казаки в горьком молчании опускают в могилу своего командира, в придорожных кустах раздается выстрел. Это Яков Шибалок, приняв у Дарьи ребенка, по закону совести пустил ее «в распыл»...

Таково краткое содержание нового фильма «Донская повесть», созданного ленинградскими кинематографистами.

— «Донская повесть»? Разве есть такая у Шолохова?

Нет, у Шолохова такой повести нет. Но тем больше заслуга сценариста А. Витоля (кстати сказать, автора сценариев картин «Жеребенок» и «Нахаленок»), который с большим мастерством и тактом соединил в своем сценарии рассказы «Шибалково семя» и «Родинка». Бережно и тактично дополнил он их эпизодами из «Тихого Дона» (не вошедшими в картину С. Герасимова), и в результате фильм воспринимается как экранизация одного, цельного, по-шолоховски правдивого и глубокого произведения.

Задача, поставленная сценаристом перед режиссером В. Фетиным, была чрезвычайно сложной. Уже сама тематика — гражданская война настолько широко освещена в нашем киноискусстве, что сказать о ней что-либо новое, казалось, невозможно. Но Владимиру Фетину это удалось. Без тени ложной многозначительности, без суетливого оригинальничания, спокойно и серьезно, с безупречной человеческой честностью рассказывает он о трагедии Дарьи и Шибалка.

С каким вдумчивым и точным проникновением в психологию шолоховских героев решены сцены смерти Дарьи; похорон командира под звуки единственной трубы (оркестранты расстреляны белогвардейцами); эпизод, когда бойцы, измотанные нескончаемой войной, с жадностью бросаются к плугу и самозабвенно пашут землю... Эти и многие другие эпизоды «Донской повести» надолго запомнятся зрителям.

Есть в картине примечательная сцена. На собрании в станичном Совете заходит разговор о Ленине. Казаки убеждены, что Ленин — их земляк, уроженец станицы Великокняжеской.

И трудно Николке, молодому командиру сотни, разуверить в этом старого казака Кузьмича. Кузьмич упорствует.

— Я сам про это так понимаю: Пугач из казаков? А Степан Разин? А Ермак Тимофеевич? То-то и оно! Все, какие бедненющий народ на царей подымали,— все из казаков.

В этой любви и вере простых людей в Ленина — истоки той высокой нравственной силы и идейности, которая так характерна для героев Шолохова.

Каждый боец красной сотни — это прежде всего «человек с ружьем», и он понимает, что обязан быть непримиримым к врагам революции. Но за внешней грубоватостью и суровостью скрыты нежные сердца, крестьянская любовь ко всему живому.

И расстрел Дарьи, оказавшейся предательницей,— это глубокая трагедия человеческого сердца. Мучительно переживает ее смерть Шибалок, трогательно и самоотверженно заботится он о ребенке, ибо ребенок — это новая жизнь, которую он должен пронести сквозь огонь войны.

Так авторы «Донской повести» вновь и вновь утверждают шолоховский гуманизм, жизнеутверждающее начало всего его творчества.

Смелость режиссера сказалась в выборе актеров на главные роли — Дарьи и Шибалка. По существу, оба исполнителя выступают в этом фильме в качестве дебютантов: Л. Чурсина впервые снимается в кино в большой роли, а Е. Леонов, которого мы привыкли видеть только в комедийных ролях, предстает в новом, совершенно неожиданном амплуа.

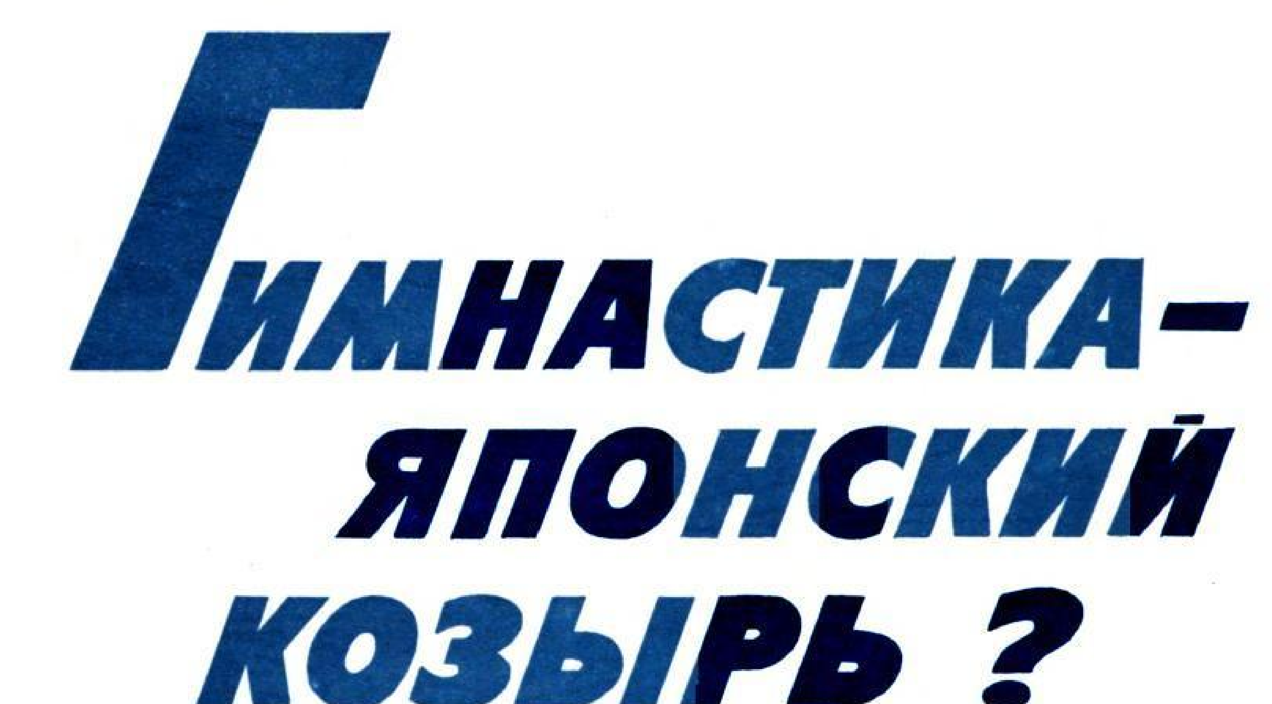
Пристальное внимание к человеку сказалось и в том, как вылеплены в фильме фигуры «второго плана». Полный горячей убежденности, революционной чистоты, пламенный молодой командир Николка (А. Блинов), сложный, живой, не укладывающийся ни в какие схемы «положительного» или «отрицательного» Чубуков (Б. Новиков), колоритный старик станичник (А. Грибов) — все эти люди надолго остаются в памяти, дополняя богатую галерею шолоховских персонажей, созданную мастерами советского киноискусства.

Хороший фильм всегда предполагает большую и слаженную работу съемочного коллектива. Успех «Донской повести» — это не только успех Витоля и Фетина, Чурсиной и Леонова, но и в большой степени оператора Е. Кирпичева, художника А. Рудякова, композитора В. Соловьева-Седого, звукооператора Н. Косарева.

Радостно, что «Донская повесть» не единичная удача «Ленфильма», в частности его первого творческого объединения, уже выпустившего в этом году «Гамлета» (режиссер Г. Козинцев) и «День счастья» (режиссер И. Хейфиц). Разные эпохи, разные нравственные проблемы легли в основу этих картин, но их объединяет пристальный интерес к духовному миру человека, высокий гуманизм, стремление к чистоте, справедливости и добру.

Первенство мира по гимнастике 1958 года. В центре: капитан советской команды Валентин Муратов. Слева — японский гимнаст Такаси Оно.

Гимнастика — японский козырь?

Валентин МУРАТОВ,
старший тренер сборной команды СССР

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Гимнастика — такой же олимпийский ветеран, как и легкая атлетика: уже в программе афинской олимпиады 1896 года мы находим имена первых гимнастов-победителей. Правда, в то далекое время выступления на снарядах были совсем не похожи на нынешние сложнейшие комбинации на брусьях, перекладине, коне.

В совершенствовании гимнастики огромное значение имели Олимпийские игры. Если бы сейчас первые олимпийские чемпионы увидели выступления своих потомков, они глазам бы своим не поверили! Мы смело можем утверждать, что своего расцвета гимнастика достигла на XV олимпиаде в Хельсинки, где впервые выступила команда СССР. В столице Финляндии были отодвинуты назад неизменные победители-гимнасты Швейцарии и Финляндии, и вперед шагнула команда Советского Союза во главе с В. Чукариным...

Австралия. XVI Олимпийские игры. Гимнасты СССР вновь завоевали не только личную победу, но и командную, однако распределение призовых мест показало, что на авансцену выходит новая гимнастическая держава — Япония.

К чести японских гимнастов надо отметить, что они никогда не скрывали своих намерений учиться у советских спортсменов. Со скрупулезной точностью они изучали выступления всех наших лучших гимнастов и, творчески осваивая советскую гимнастическую школу, привносили в нее свой стиль, свое понимание красоты.

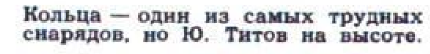
Когда мы встретились с японцами после Мельбурна в Москве на первенстве мира, то убедились, что отныне японцы поведут с нами борьбу на равных, что наш новый лидер Борис Шахлин имеет в лице Такаси Оно грозного соперника. И действительно, на XVII Олимпийских играх в Риме борьба Шахлина и Оно за личное первенство стала одним из самых ярких эпизодов олимпиады. Оно проиграл абсолютное первенство, отстав от Шахлина всего на пять сотых балла! Однако японцы взяли убедительный реванш: в Риме они завоевали золотую медаль в командном первенстве. Впервые удалось японским гимнастам добиться такой значительной победы.

Можно восхищаться упорством и целеустремленностью японских гимнастов. Не знаю, соответствуют ли действительности разговоры о том, что, вступая в гимнастический клуб, молодой спортсмен дает клятву посвятить свою жизнь достижению высокого класса,— на японцев это похоже!

Но вот что интересно: появление сильных соперников послужило хорошим стимулом для дальнейшего роста и советских гимнастов. В Хельсинки и Мельбурне мы по праву гордились успехами Виктора Чукарина, но уже тогда рядом с ним успешно выступал Борис Шахлин, который в римских термах Каракаллы достиг новых высот мастерства. А рядом с Шахли-

Молодой гимнаст Ю. Цапенко отличается своим искусством на коне.

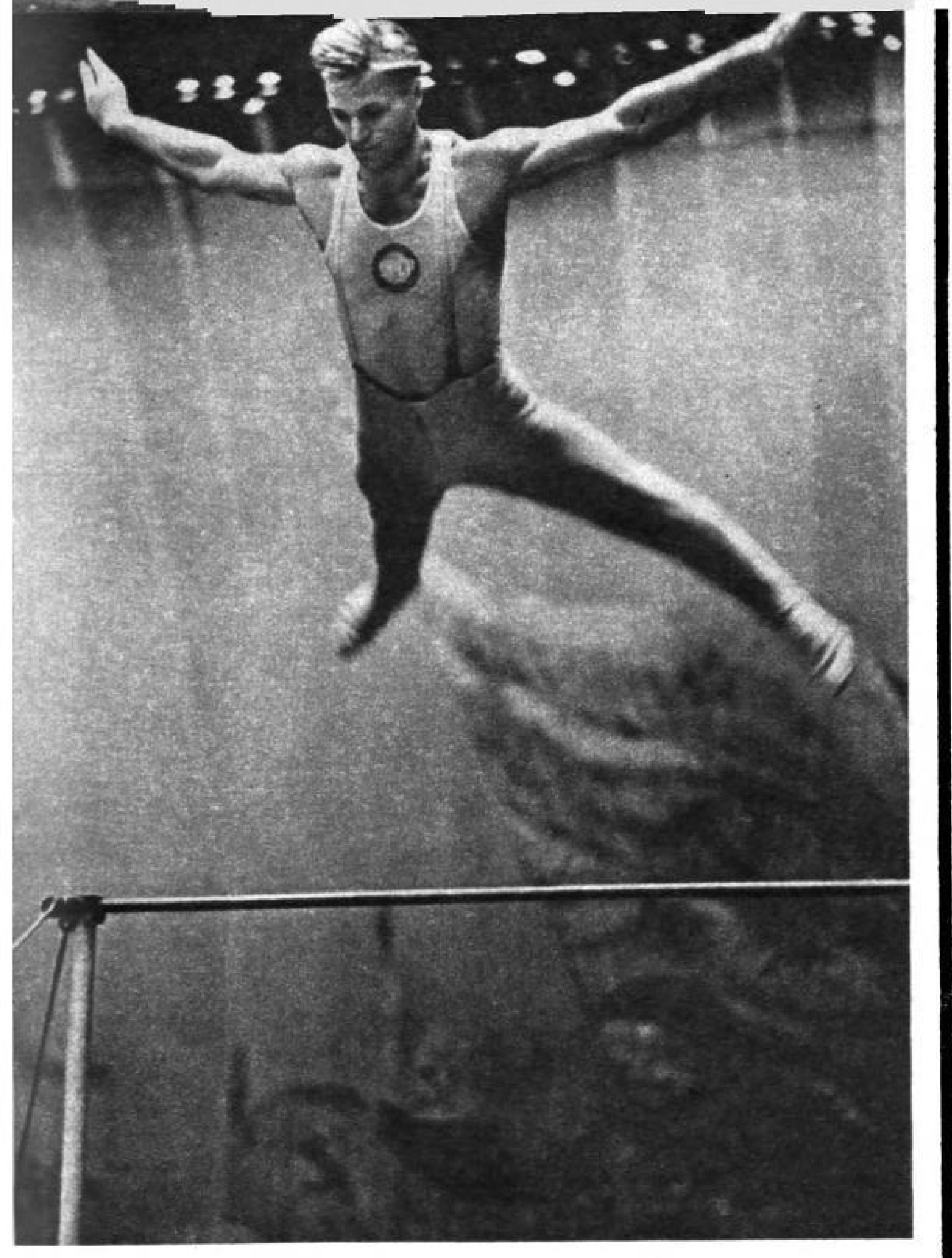

Кольца — один из самых трудных снарядов, но Ю. Титов на высоте.

В. Кердемелиди — надежда нашей команды.

Соскок Бориса Шахлина с перекладины.

ным можно было видеть нового кандидата в лидеры — Юрия Титова. И пришло время, когда он действительно вышел вперед.

Это произошло на первенстве мира 1962 года в Праге, где Титов в борьбе со своим ровесником, японским гимнастом Юкио Эндо, преемником Такаси Оно, занял первое место. Борис Шахлин на чемпионате мира получил бронзовую медаль, и после этого кое-кто стал считать, что его время кончилось. Но это было ошибкой. Нет, Борис Шахлин и сегодня полон творческих планов. Он и после десяти лет выступлений не собирается выходить «на пенсию». Мы еще увидим его в Токио.

Легко представить себе, какие усилия прилагают японские гимнасты, чтобы и у себя на родине победить. Да они и не скрывают своих намерений. Вот, например, заявление тренера японских гимнастов Тосихико Сасано: «Победа над советской командой была всегда нашей основной целью, и мы упорно тренируемся, чтобы быть первыми на олимпиаде в Токио».

Гимнасты с полным напряжением сил готовятся к встрече в Токио. Год тому назад была обнародована новая обязательная программа. По сравнению с программой римской она значительно сложнее, особенно на брусьях, на кольцах и в вольных упражнениях.

Изменились и требования к составлению произвольной программы. Теперь каждый гимнаст в борьбе за личное первенство по отдельным снарядам должен иметь в комбинации два движения высшей трудности.

Чем же будет отличаться произвольная программа на XVIII Олимпийских играх от комбинаций, продемонстрированных в Риме и Праге? Думаю, что прежде всего своей артистичностью. Мы наблюдаем все большее приближение гимнастики к искусству. Особенно этот процесс заметен в вольных упражнениях, где так сильны японцы. (В Риме Нобуюки Айхара завоевал золотую медаль.)

Какова же расстановка сил перед встречами у снарядов в Токио? Кто из наших гимнастов имеет шансы попасть в олимпийскую команду? Ответить на эти вопросы нелегко. Ведь команда будет состоять из шести человек, а мы располагаем значительно большим числом кандидатов. Окончательный состав команды определится лишь после первенства СССР, которое будет проведено в начале июля в Москве, и соревнований сильнейших — 20 августа в Тбилиси.

А пока наши гимнасты пробовали свои силы в товарищеских матчах с гимнастами ГДР, Финляндии, Франции, Италии. В этих матчах отлично проявили себя Юрий Цапенко (он победил во Франции с высокой суммой баллов — 116), Виктор Лисицкий, завоевавший первенство в ГДР. Валерий Керделидзи, Виктор Леонтьев, Эдуард Громов получают обычно высокие оценки в отдельных видах многоборья. Эти молодые гимнасты — отличная смена нашим лидерам. Но входят в свою боевую форму и такие замечательные мастера, как Борис Шахлин, Юрий Титов, Павел Столбов. Убедились мы и в том, что в Токио отлично могут выступить и многие европейские спортсмены — югослав Мирослав Церар, чехословацкий гимнаст Пржемысл Крбец, итальянец Франко Миничелли.

Что сказать о гимнастках? Результаты, показанные советскими спортсменками в Риме, на первенстве мира в Праге и на других соревнованиях, нас вполне удовлетворяют; по-прежнему Лариса Латынина, Софья Муратова, Полина Астахова, Тамара Манина и другие между собой решают вопрос, кому быть первой.

Как сложится борьба сильнейших гимнастов мира на Олимпийских играх в Токио, предугадать, конечно, невозможно. Но ясно одно: советские гимнасты готовы к борьбе и за личное и за командное первенство.

Пять пишем — один в уме

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер,
специальный корреспондент
«Огонька»

Медициной установлено, что самый полезный сон около полуночи. Именно в этот момент, по словам Бронштейна,— в двенадцать ноль-ноль — он нашел ход, не замеченный всем шахматным Амстердамом, блестящий ход, с помощью которого он мог бы не только не проиграть, но, кажется, даже выиграть у Ларсена. Когда Бронштейн на следующее утро за завтраком показал эту находку Ларсену, тот ахнул от восторга. Ясно, Бронштейну не спалось (а кому из шахматистов спится после проигрыша?), и в двадцатом туре он не сумел победить Квинонеса. Не везет Бронштейну: Квинонес отнял у Давида важные пол-очка.

Слабые шахматисты в амстердамском турнире имелись в изобилии, но и они иногда бунтовали. Так, например, Решевский подсчитал, что ему на финиш остается вкусная закуска — Фогельман, Порат и Перес. Как же расстроился Решевский, когда первая же намеченная им «жертва» — Фогельман — ему не выдала желанного очка. Решевскому надо было не расстраиваться, а радоваться, ибо ничья в худшей позиции — это подарок, а не потеря.

В 21-м туре казалось, что проблема «Ларсен» будет решена положительно: Штейн просто «задушил» датского гроссмейстера и после этой важнейшей победы догнал Ларсена и Таля.

До конца турнира оставалось два тура. Вся наша пятерка еще имеет шанс на выигрыш. Как же тут не нервничать! И нервы нашей пятерки не выдержали в двадцать втором, предпоследнем, туре.

В амстердамском турнире были очень плохие дни для американцев, венгров и югославов. К сожалению, настала «черная пятница» и для наших гроссмейстеров. Еще хорошо, что Россетто принял ничью Смыслова, а то могло быть хуже. Сделал еще раз свое «черное» дело Квинонес: он отнял у Штейна пол-очка — как раз ту половину, которая оставила чемпиона СССР за бортом. Бронштейн испортил выигрышную позицию с Тринговым. Таль также добился лишь ничьей с Дарга.

Ларсен стал первым участником, которого можно было поздравить с выходом в турнир претендентов. Психологически легко понять, что, имея в кармане плацкарту на этот форум кандидатов в чемпионы мира, можно играть остро на выигрыш с теми противниками, для которых поражение означает «вылет». Вот почему Ларсен на финише выступил в роли регулировщика движения. Это испытал в полной мере наш Спасский. В партии с Ларсеном он играл как-то скованно, а его соперник отлично провел этот гроссмейстерский поединок и добился победы. Итак, перед самым финишным рывком на первом месте оказались Смыслов и Ларсен. Но даже Смыслову еще не было обеспечено место в тройке. Кроме Ларсена, в порядке Ивков, но на третье вакантное место большая очередь. Чуть-чуть не погорел Решевский с Глигоричем, но югославский гроссмейстер в какой уже раз в этом турнире упустил свой шанс.

Волнуется наша пятерка: а вдруг четверо наших гроссмейстеров разделят с Ларсеном первые пять мест? Тогда дома все начнется сначала. Такой вариант считался вполне реальным, но... Штейн, играя с Дарга, не сумел получить преимущество и с грустью должен был согласиться на ничью. Дележ первых пяти мест стал невозможным, ибо Таль уже на 17-м ходу нокаутировал Квинонеса. Таль эффектно попрощался с шахматным Амстердамом, а в это время профессор Эйве подсчитывал еще один вариант. Что, если Ларсен выиграет у Смыслова, а Бронштейн у Портиша? Тогда будет матч Бронштейн, Штейн и Смыслов...

Штейн и Бронштейн не возражали против такой возможности, но Смыслов добился ничьей. Любопытно, что последний ход турнира был сделан в этой важнейшей встрече Смыслов — Ларсен. Итак, советско-датский квартет — Смыслов, Спасский, Таль, Ларсен — набрал по 17 очков. Но кто был в особенном восторге от блестящего успеха Ларсена? Президент ФИДЕ Ф. Рогарт. Во-первых, Ларсен из Скандинавии, во-вторых, успех Ларсена — частичный ответ Роберту Фишеру, на которого Рогарт имеет зуб и называет Фишера шахматным квислингом. Теперь пусть Фишер не особенно зазнается, кроме него, есть на Западе люди, которые могут сражаться с русскими шахматистами!

Но радость президента была недолговременной, слишком много упреков пришлось ему выслушать от недовольных. Как, например, успокоить расстроенных Л. Штейна и Д. Бронштейна? Занять пятое и шестое места и уступить право играть в турнире претендентов Б. Ивкову, оказавшемуся седьмым, Л. Портишу и С. Решевскому, разделившим восьмое и девятое места! Разве это не обидно?

Итак, амстердамский турнир окончен, но счастливая шестерка еще полностью не сформирована. Как говорится, пять пишем — один в уме. За третье место среди иностранных шахматистов предстоит матч между Решевским и Портишем.

Когда? Где? Президент Рогарт заявил, что надо играть сразу, и Решевский в понедельник утром отправился к врачу за справкой о том, что он переутомлен и болен. Но во второй половине дня он передумал и дал согласие начать игру в четверг. Этот матч из четырех партий явится заключительным аккордом турнира в Амстердаме.

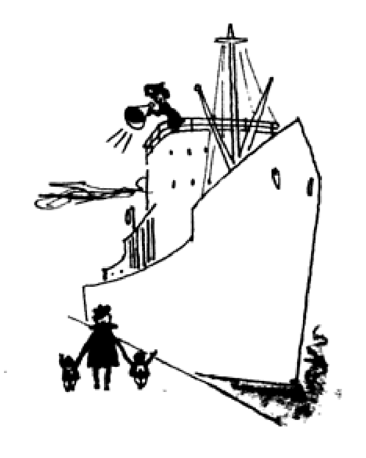
Президент Рогарт провел жеребьевку турнира претендентов. Она сложилась крайне неудачно для советских шахматистов, ибо на первом этапе встречаются две советские пары: Ботвинник — Смыслов и Керес — Спасский.

Таль встретится с победителями матча Решевский — Портиш, а Ларсен с Ивковым. Как известно, турнир претендентов теперь проводится по олимпийской системе: проигравший выбывает из дальнейшей борьбы. Во втором круге победитель матча Ботвинник — Смыслов будет играть с победителем матча Керес — Спасский. Таким образом, Таль «обслуживает» иностранцев и только в случае успеха будет иметь дело с советским гроссмейстером в матче, который и определит претендента на матч с чемпионом мира Тиграном Петросяном.

Турнир претендентов намечено провести в 1965 году, по-видимому, в Швейцарии. Но об этом мы более подробно расскажем читателю в следующий раз, уже вернувшись домой.

Амстердам,
по телефону
23 июня.

У ПРИЧАЛА

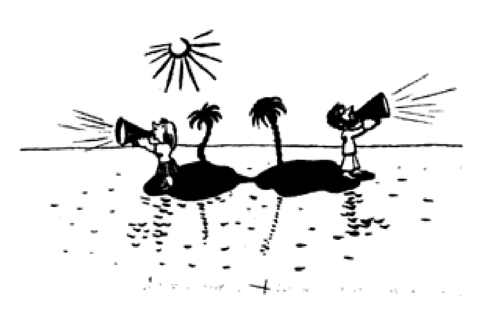
— Слушайтесь папу!

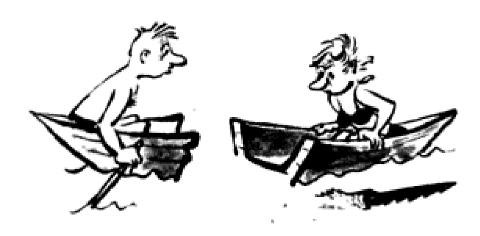
Папин бинокль.

С бала на корабль.
Рисунки Ю. Черепанова.

— Меняем двухкомнатную квартиру на две однокомнатные в разных районах.

— Опять на рыбу-пилу напоролись.

— Смотри, аптекарь пошел учиться плавать.
Рисунки В. Воеводина.

После бала

В. МОРОЗОВА

ТАК ДЕРЖАТЬ!..

Не станем утверждать, что в тот вечер произносились именно такие слова, но смысл всех речей и напутствий, обращенных к выпускникам, был, безусловно, этот: «Так держать!..» Дорожить честью школы, следовать добрым советам своих педагогов, развивать все лучшее, что запало в душу и сердце за долгие и такие памятные школьные годы.

Вероятно, не все из тех, кто еще вчера сидел за школьной партой, вслушивались в эти напутствия одинаково внимательно. Но их можно было понять: они стояли на пороге новой жизни, зовущей в новые и пока неведомые дали. От этого кружилась голова, учащенно билось сердце.

Во всяком случае, за сероглазую девушку с копной вьющихся каштановых волос учителя абсолютно спокойны. Эта найдет правильную дорогу в жизни, не оступится! Ведь именно она, комсомольский секретарь школы, была все эти годы заводилой веселых и добрых школьных дел. Она верховодит и сейчас, на выпускном вечере.

Горячо обсуждают ребята текст шутливого завещания, которое они вместе с огромным ключом от двери последнего, одиннадцатого класса вручат своим младшим товарищам. Такова традиция школы. И вот уже комсорг зачитывает завещание, вот уже ключ переходит в руки тех, кому предстоит провести в стенах школы еще один год.

Звучит вальс, кружатся пары, танцует и девушка с большими серыми глазами...

СУД ИДЕТ...

Да, именно этими словами начался день в жизни сероглазой девушки с вьющимися каштановыми волосами. Она вошла в зал суда в сопровождении двух конвойных и, ни на кого не глядя, опустилась на скамью подсудимых. И раздались слова:

— Встать, суд идет!

Зачитывается обвинительное заключение, допрашивается подсудимая. Один за другим выступают свидетели, пострадавшие. Зал волнуется, зал негодует...

И только она спокойна. На ее лице иронически-снисходительная улыбка. Кажется, она хочет сказать сидящим в зале людям: «Вы можете осудить меня, можете наказать, но понять меня вам не дано!» Она не произносит таких слов, но вся ее поза оскорбленного достоинства, поза одаренного, но непонятого человека говорит об этом.

Впрочем, суд пытается понять ее. И председательствующий, многоопытный судья, и народные заседатели, убеленные сединами люди, и видавший виды адвокат, и все, кто оказался сегодня в этом зале... Они хотят разобраться, как могло случиться, что эта девушка ровно через полтора года после веселого выпускного вечера оказалась на скамье подсудимых? Что могло привести ее сюда? Какие причины толкнули ее на преступление?

Пытаюсь разобраться в этом и я. Ниеля Швегждайте, бывшая школьница из города Друскининкай, не хочет помочь мне в этом. С каменно непроницаемым лицом выслушивает она приговор и, гордо подняв голову, в сопровождении тех же конвойных выходит из зала.

И вот я добиваюсь свидания с Ниелей в пересыльной тюрьме, затем еду в тихий литовский городок Друскининкай, разговариваю с родителями Ниели, ее родными, подругами, педагогами.

Я не могла поступить иначе. В сущности, что нас разделяет? Мои школьные годы еще свежи в памяти. И у меня был свой выпускной вечер, и белое платье, и вальс... Я должна понять тебя, Ниеля!

МНОГО ДОРОГ

В жизни много дорог. Трудных и легких, счастливых и горьких. Нет, Ниеля, я не хочу обвинить тебя в том, что ты искала легкую дорогу в жизни. Такое обвинение было бы несправедливым. Ты искала красивую дорогу. Жизнь влекла тебя именно своей красотой.

Об этой стороне ты думала, когда вкладывала в конверт свою фотографию. Но конверт с портретом вернулся обратно. Кто-то с киностудии написал тебе, что стать киноактрисой не так просто, что для этого одной приятной внешности мало. Но ты с обидой восприняла этот вежливый отказ как случайную неудачу.

Женщина-декоратор — и это красиво! И вот ты уже в аудитории художественного института. Но преподаватель будничным голосом произносит:

— Девушка, вы совсем не умеете обращаться с красками. Вам здесь нечего делать.

Ниеля, ты не терпела подсказок. Когда родители отправили тебя в Вильнюсский университет, ты восприняла это как насилие над волей и принципиально провалила вступительные экзамены.

И снова право свободного выбора. Если нельзя самой стать киноактрисой, то можно демонстрировать кинозвезд перед взорами очарованной публики. Опять же красиво! И вот Каунас, курсы киномехаников, где надо учиться девять месяцев. Но, боже мой, какая тоска — все эти законы электричества, механики, непонятная, как далекая туманность, оптика! И, не пройдя по этой дороге и сотни шагов, ты, Ниеля, сошла с нее. Но когда же, в какой момент ты свернула совсем не туда и оступилась?

ПЕРВЫЙ РАЗ...

Когда же это было? Может быть, тогда, когда ты обманула своих родственников в Вильнюсе? Ты сказала, что возвращаешься домой, а сама воровски унесла вещи близких людей из дому, продала их и отправилась куда глаза глядят.

А может быть, роковую роль сыграл тот случай в Карелии? Кажется, на стройке тебе жилось неплохо. Ты училась на курсах крановщиков, тебе доверяли раздавать зарплату рабочим своего участка. Но произошло то, что бывает с кассиром: ты случайно обсчиталась. И вместо того, чтобы честно сказать об этом своим товарищам, смалодушничала, сбежала от них.

И вот Москва — желанный для тысяч и тысяч людей город. Москва с ее шумной жизнью, ее театрами, художественными галереями и широкими, как полноводные реки, проспектами. Да, хороша Москва для отдыха, веселья, развлечений! И ты с охотой отдалась всему этому, не замечая, что вокруг тебя веселятся и развлекаются люди, заслужившие свой отдых трудом.

Когда же это случилось в первый раз? После какой премьеры, после какого вернисажа?

Казанский вокзал. Ниеля знакомится с элеваторщицей из Кустаная Анной Н., говорит, что едет на учебу в Душанбе, но вот оказалась в столице совсем без денег. Ей не на что даже позавтракать. Анна кормит попавшую в беду девушку и просит пойти вместе с ней в магазин за покупками. В «Детском мире» Анна купила шубу и решила померить туфли. Пока она советовалась с продавщицей, Ниеля убежала с шубой и сразу же отнесла ее в скупку.

Зине К. она представилась уже студенткой, окончившей институт и едущей на работу в Туркмению. Целый день она возила Зину по Москве, показывала ей достопримечательности столицы, а вечером скрылась, захватив чемодан доверчивой девушки.

Так, Ниеля Швегждайте, мечтавшая о красивой жизни, занялась грязным ремеслом. Она стала воровкой и аферисткой.

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Я хочу понять тебя, Ниеля. Почему ты сейчас в тюрьме? Может быть, потому, что твоя короткая жизнь была сплошной «зеленой улицей»?

...Идет урок литературы. Ниеля пишет сочинение грязно, неряшливо. Преподавательница делает ей замечание и слышит в ответ дерзость. Класс замер. Но Ниеля как ни в чем не бывало продолжает:

— Вместо того, чтобы обращать внимание на мои тетрадки, преподавателям следовало бы подумать о программе по литературе. Такая жалкая программа не отвечает запросам культурных людей. Почему у нас не изучается творчество многих, на мой взгляд, интересных писателей?

Эта выходка осталась без последствий. Наоборот, Ниеля даже стала героиней в глазах своих подруг. После уроков она хвасталась:

— Все вы трусихи! Разве кто-нибудь из вас посмел бы поспорить с учителем?

Она привыкла считать, что для того, чтобы прослыть настоящим человеком, надо всегда иметь свое особое мнение.

Если в газете ругали какой-нибудь спектакль, она непременно шла смотреть его. Если подруга говорила, что ей не нравится джазовая музыка, она уверяла, что только джаз может доставить истинное удовольствие.

Родители, педагоги эту браваду считали странностью характера способной девочки. И не замечали, что так складывается ее философия.

Она с жадностью читала роман Ремарка «Жизнь взаймы», но не видела в нем трагедии личности. В образе смертельно больной героини ее привлекала лишь исключительность положения, как бы ставящая ее вне общества. В чем-то она даже завидовала Лилиан Дюнкерк. Запоем проглатывала она сцены примерки платьев и наизусть могла перечислить все названия вин, которые любили Клерфэ и Лилиан.

Так складывались ее взгляды на жизнь, ее идеалы. «Я хочу познать в жизни все: и плохое и хорошее»,— часто любила повторять Ниеля.

А вот что она писала сестре Руте из Карелии:

«Ты думаешь, что я приехала сюда из патриотических чувств? О нет! Этот вопрос имеет вторую сторону, которая, быть может, многим покажется непривлекательной. Я здесь потому, что это нужно мне. И если я от этого не получила бы пользы, никто даже палкой не загнал бы меня на стройку. Давай не бояться называть вещи своими именами. Я здесь для того, чтобы в будущем легче было найти теплое местечко, о котором я мечтаю. Я вполне согласна с пословицей: «Рыба ищет, где глубже, человек, где лучше». Я никому бы этого не сказала, кроме тебя, потому что многие смотрят на это иначе».

Дальше Ниеля удивляется по поводу мечты Руты стать геологом:

«Геология — это не только романтика. Это шесть месяцев в тайге, ночевки в лесу, комары, мокрая утренняя трава. Понимаешь ли ты, что это такое? А я понимаю. Это все не для меня».

И последнее письмо из тюрьмы:

«Когда я нахожусь среди людей, то чувствую превосходство над ними».

* * *

Когда я думаю о судьбе Ниели Швегждайте, мне кажется, что среди окружавших ее людей было слишком мало по-настоящему внимательных, строгих друзей. Ведь именно они должны были помочь формированию ее характера, мировоззрения, вовремя удержать от необдуманных поступков. Может быть, тогда не свернул бы человек на неправильную дорогу.

Светлана ПЕТРЕНКО

Рисунки В. Черникова

Сказки

ВЕЧЕР

Летний вечер был очень хорош. Он рано пришел в город и долго собирал звуки, краски и запахи. Ведь что это за вечер, если дома не укрыты лиловыми тенями, а над крышами не светится розовая полоска заката? А разве может быть вечер без запаха цветов и нагретой солнцем травы? Или без звуков?

Этот вечер был очень хорош. Ветер путался в ветках деревьев, и листья шуршали и шептались так, будто город вдруг стал лесом. Зажглись окна, потом фонари, и люди утонули в черном небе с громадными нежными звездами.

Это был очень хороший вечер. Но вся его беда была в том, что до него через город прошло уже очень много таких же вечеров. И люди привыкли к ним, перестали замечать... А вечер не знал этого и хотел, чтобы его заметили. Он не любил одиночества и жадно прислушивался к разговорам людей. Перебирал обрывки фраз, рассматривал их: «А вдруг скажут...» Но никто не говорил о нем.

А вечер слушал. Он тихо подкрадывался к скамейкам, на которых сидели влюбленные. Поблескивал светом фонарей в глазах девушек и умоляюще смотрел из темноты.

«Ну заметьте меня,— казалось, говорил он, когда шелестели деревья.— Мое время скоро кончится. Я уйду. Но ведь очень больно уходить, зная, что не оставил даже воспоминания...»

Но никто не говорил. Можно было и не ждать. Вечер заплакал... Пошел дождь... И тут-то его все заметили. «Какой ужасный вечер, какой отвратительно дождливый вечер!» — говорили люди и прятались под зонтики. Так они говорили. А ведь сами, сами были виноваты...

СНЕГ

Однажды город проснулся в снегу. Еще вчера была осень. Шел дождь. На деревьях не было ни одного листочка. И даже ветру было скучно в городе.

«Что же это такое?— думал ветер, пролетая над улицей.— Листьев нет. Солнца нет. Сырость и грязь. И люди отворачиваются, чуть дунешь им в лицо. Скучно...— выл ветер в водосточных трубах.— Скучно и грязно...»

А сегодня был снег. Первый снег. И город стал очень красивым. «Я уже не серый, не тусклый,— думал город.— Я белый, нарядный и чистый». И он любовался своими улицами. И люди любовались ими тоже. Они выходили из домов и щурились: «Снег. Первый снег. Как хорошо!» И брали снег руками и смеялись. А снег слушал и таял от гордости: «Вот я какой. Я и город сделал красивым. И люди любуются мною. Даже ветру нравится играть моими снежинками. Я белый, прекрасный, чистый...»

И все таял, таял от гордости. И весь растаял. И превратился в обыкновенную, осеннюю грязь...

СЛОВА

Один человек очень любил говорить слова. Он говорил «солнце» и видел его, и слово это светилось, будто солнце. Он говорил «дождь» и слышал, как капли прыгают по крышам и ветер горстями бросает их в стекло. И слово шуршало, будто дождь на рассвете...

...Он говорил «любовь» и вспоминал людей, которых очень любил, и слово было теплым и нежным, как губы его девушки... И люди слушали эти слова и верили им. Дети играли с ними, как с цветными шариками, и, как через стекло, смотрели сквозь них на солнце, и все блестело и становилось еще лучше, чем на самом деле. А девушки смеялись и улыбались его словам, как они улыбаются только цветам и весне...

Потом человек привык к тому, что его слушают, привык к словам... И когда говорил, уже ничего не видел, не представлял, и слова получались тусклыми и уже не светились, не грели... Люди вначале слушали... Вот сейчас, сейчас!.. Потом перестали верить и радоваться. А человек этого не замечал. И все говорил, говорил, говорил...

ДЕНЬ

Один день был очень странным. Ни холодным, ни жарким. Вроде бы и ветра не было. А может быть, и был. Так... Какой-то непонятный день. Люди выходили на улицу, пожимали плечами и говорили: «Чуть-чуть бы теплее — и совсем лето...» И смотрели на деревья, которые еще не облетели. А другие люди смотрели на низкое серое небо и говорили: «Только дождя не хватает — совсем осень...»

А день слушал их и думал: «И чего они все от меня хотят? Я просто день между летом и осенью... Должны же быть и такие дни».

ЛИСТ

Пришла весна. Зазеленели деревья. И только один лист не хотел выходить из своей почки. «Боюсь, — говорит, — боюсь... А вдруг там страшно?» Высунул кончик листочка, увидел солнце. «Страшно»,— говорит. И хотел спрятаться обратно. Но почка уже лопнула и вытолкнула его. И на дереве прибавился еще один лист. Много на нем было листьев. А один всего боялся. Дождь пойдет — боится. Ветер подует — боится. «А вдруг упаду?.. Упаду и пропаду...» И живет — не живет. Прячется. За листья, за ветки...

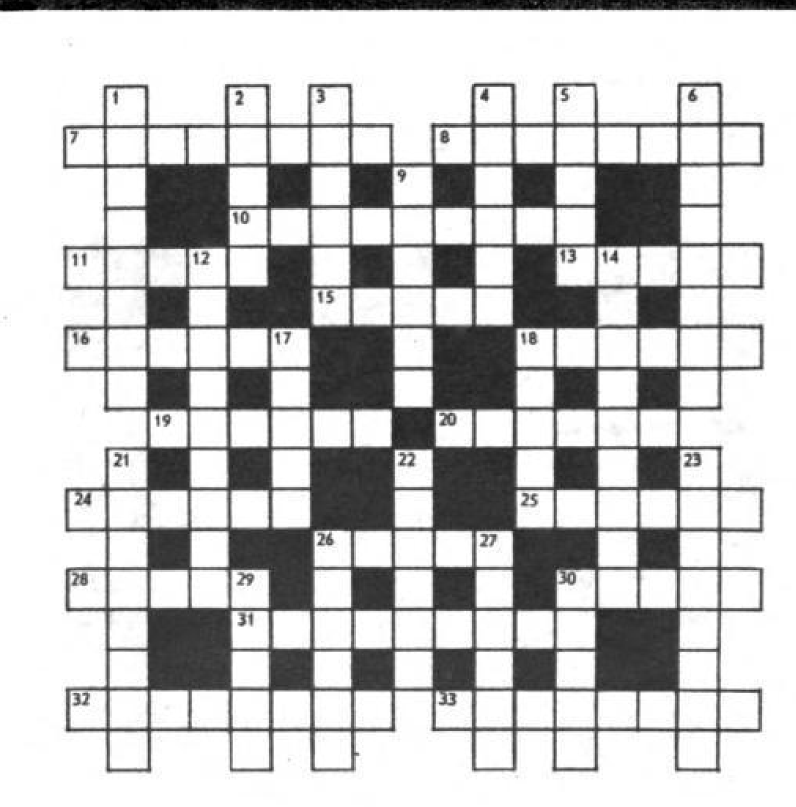
Пришла осень. Стали листья отрываться от дерева. Один упал. Другой. Ветер с листьями играет. Кружит их по воздуху. Покружит, покружит, на землю положит. А тот лист висит, думает: «Хорошо летать! Оторвусь и полечу». А потом: «Нет,— думает,— страшно»,— и висит. Скоро все деревья стали голыми. Только один лист остался и все за ветки прячется.

А внизу, на земле, целые кучи

листьев намело. Сгребли их люди. Жечь стали. Ярко горят листья. И в воздухе дымом пахнет. «Оторвусь,— думает лист,— сгорю. Дымом в небо улечу. Хорошо». Потом: «Нет,— думает,— страшно. Подожду еще». И остался. Зима пришла. И только один лист на дереве. Сморщенный, жалкий...

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Картина В. Г. Перова. 8. Каркас железобетонного сооружения. 10. Польский писатель. 11. Духовой инструмент. 13. Река, впадающая в Каспийское море. 15. Ящерица. 16. Порт на Немане. 18. Занятие в высшем учебном заведении. 19. Государство в Африке. 20. Ученый, открывший явление электрической дуги. 24. Металл. 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Спортивный приз. 28. Горизонтальная горная выработка. 30. Участок земли с искусственным травянистым покровом. 31. Метеорологический прибор. 32. Советский скульптор. 33. Озеро на юге Канады.

По вертикали:

1. Предприятие общественного питания. 2. Роман Т. Драйзера. 3. Музыкальное произведение. 4. Денежная единица Древней Руси. 5. Шелковая ткань. 6. Гимнастический снаряд. 9. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Черевички». 12. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная ее высоте. 14. Отрасль геологии. 17. Пресноводная рыба. 18. Открытый прилавок. 21. Специалист по декоративным растениям. 22. Образец, по которому изготовляются изделия. 23. Промысловое судно. 26. Народный артист СССР, режиссер МХАТа. 27. Белая огнеупорная глина. 29. Разветвленная часть дерева. 30. Город в Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

3. Репертуар. 6. «Донбасс». 8. Сакмара. 10. Диктант. 12. Дратва. 14. Карнай. 15. Квашня. 16. Япония. 17. Муссон. 19. «Шахтер». 21. Филлер. 22. Плавни. 23. Гимнаст. 25. Толстой. 26. Европий. 27. Экспонент.

По вертикали:

1. Гепард. 2. Паркет. 4. Молоток. 5. Артерия. 7. Секция. 8. Статуя. 9. Арцимович. 11. Чабукиани. 13. Аралсор. 14. Конотоп. 17. Мелехов. 18. Ниамей. 19. «Шурале». 20. Реактив. 23. Готика. 24. Тарань.

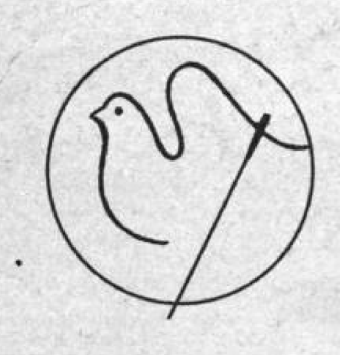

Фото О. КНОРРИНГА.
Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МОДЫ

Разговор о моде мы начнем с арифметики. Если 72 вы умножите на 7, то будете иметь некоторое представление о количестве моделей, которые демонстрировались на Международном конгрессе моды, что проходил недавно в Москве. Семь — это страны-участницы, демонстрировавшие свои модели, 72 — темы, то есть различные виды одежды в зависимости от сезона, назначения, возраста, фигуры. Но разве могут сухие цифры передать тот калейдоскоп платьев, костюмов, пальто, юбок, блузок, шляп, туфель, сумок, перчаток, который мелькал перед глазами высокой комиссии?

А ведь все это было в орбите внимания — обсуждалась не отдельная модель, а целиком весь ансамбль. Рассмотрев и оценив представленные семью социалистическими странами коллекции ансамблей, Постоянная рабочая группа по вопросам культуры одежды Постоянной комиссии СЭВ выработала основное направление моды.

Как видно из фотографий и рисунков моделей, по сравнению с предыдущим годом резких изменений в моде нет, разве что она отличается еще большим разнообразием.

Пальто может быть прямое, прилегающее, расширенное книзу или прилегающее спереди.

Костюмы полуприлегающие, с удлиненным или более коротким жакетом, спортивные — прямые и со свободной спинкой.

Юбки прямые, узкие (закрывают колени).

Платья прямые и полуприлегающие, с подрезной спинкой, иногда с жакетом в виде джемпера или блузы.

Рекомендуются также платья-сарафаны, жилеты.

Рукава полуреглан и реглан, втачные, иногда цельнокроеные; манжеты различной формы.

Воротники отложные, небольшие и слегка удлиненные спереди, а также стойки.

Модна будет отделка из ткани другой фактуры или цвета, искусственной кожи, трикотажа, шнура, кружева, тесьмы, вышивки.

Меньше станут носить украшений.

Шляпы — формы болеро, токов, беретов, панам...

Ну, а материя?

Для нарядных летних костюмов и пальто много продается пушистых тканей с капроном, лавсаном, синтетика... А также гофре, клоке, и другие новые ткани.

Для летних платьев по-прежнему хороши сатины и ситцы с цветочным, геометрическим и народным орнаментом, штапельные и прочие легкие ткани.

И в заключение о красках ансамбля: они должны быть контрастными или сближенных тонов.

И. СЕМЕНОВА

На первой странице обложки: Елизавета Чинчараули, учительница начальной школы села Барисахо в Хевсуретии, студентка-заочница Педагогического института имени А. С. Пушкина.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Эти утята недавно появились на свет в инкубаторе колхоза «Победа» (станица Каневская, Краснодарского края).

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00697 Подписано к печати 24/VI 1964 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 078 000. Изд. № 1149. Заказ № 1660.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.